ISSN 2221-3260

НАУЧНЫЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИКА

НОМЕР 3 (123) 2025

www.theoreticaleconomy.ru

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИКА
ЖУРНАЛ

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.
Свидетельство о регистрации ЭЛ № ФС 77 - 74611 от 24 декабря 2018 г.

Учредитель журнала:
Ярославский государственный технический университет

Журнал издается с 2011 года, выходит 1 раз в месяц
с 06.06.2017 года включен в перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени доктора и кандидата наук

Редакционная коллегия:

Главный редактор
Гордеев В.А. (Ярославль, Россия)
Заместитель главного редактора
Майорова М.А. (Ярославль, Россия)
Заместитель главного редактора
Родина Г.А. (Ярославль, Россия)

Члены редакционной коллегии

Алиев У.Ж. (Астана, Казахстан)
Альпидовская М.Л. (Москва, Россия)
Бондаренко В.М. (Москва, Россия)
Дяо Сюхуа (Далянь, КНР)
Ёлкину О. С. (Санкт-Петербург, Россия)
Карасева Л.А. (Тверь, Россия)
Кузнецов А.В. (Москва, Россия)
Ладислав Жак (Прага, Республика Чехия)
Лемещенко П.С. (Минск, Беларусь)
Новиков А.И. (Владимир, Россия)
Николаева Е.Е. (Иваново, Россия)
Сапир Е.В. (Ярославль, Россия)
Симченко Н.А. (Симферополь, Россия)
Шкиотов С.В. (Ярославль, Россия)
Юдина Т.Н. (Москва, Россия)

Научные консультанты журнала

Водомеров Н.К. (Курск, Россия)

Ответственный секретарь:
Маркин М.И. (Ярославль, Россия)

Адрес редакции:
150023, г. Ярославль, Московский проспект, 88, Г-333
Телефон: +7(4852) 44-02-11
Сайт: www.theoreticaleconomy.ru
e-mail: markinmi@ystu.ru

Содержание

Теретическая экономика
№ 3 | 2025
www.theoreticaleconomy.ru

Рубрика главного редактора

4 **Гордеев Валерий Александрович**
Теоретическая экономия: продолжаем развитие нашей концепции

Актуальные проблемы теоретической экономии

12 **Кудрявцев Антон Андреевич, Фридман Михаил Феликсович**
Глобализация стратегического мышления в условиях Четвертой промышленной революции

Новая индустриализация: теоретико-экономический аспект

24 **Берендеева Алла Борисовна**
Роль вузов в развитии концепции устойчивого развития и ESG-повестки

43 **Семяшкин Ефим Григорьевич**
Разработка индикатора финансового рынка на основе оценки внешней среды экспортно-ориентированной масложировой отрасли

Современные проблемы мировой экономики

53 **Глебова Анна Геннадьевна**
Исламский банкинг в странах БРИКС: текущее состояние и перспективы развития

68 **Н'Горан Коффи Селестен, Титова Людмила Анатольевна**
Влияние региональной интеграции на торговлю сельскохозяйственной продукцией в ЭКОВАС

83 **Омарова Зарема Курбановна, Короваевич Александр Андреевич, Коноплев Станислав Игоревич**
Трансформация мировой финансовой системы: доллар США и национальные валюты

96 **Елкина Ольга Сергеевна**
Прогнозы и сценарии изменения географии экспорта и импорта промышленных предприятий Санкт-Петербурга под воздействием деглобализации и санкций

111 **Карагулян Егине Араратовна**
Новый подход к классификации теорий развития мировой экономики

Творчество молодых исследователей

130 **Несиоловская Татьяна Николаевна, Костриков Захар Евгеньевич**
Перспективы развития российского рынка сельскохозяйственной техники в современных реалиях

Научная жизнь

142 **Субетто Александр Иванович**
Научно-образовательное общество – основа развития России в XXI веке (пять тезисов)

Теоретическая экономия: продолжаем развитие нашей концепции

Гордеев Валерий Александрович
доктор экономических наук, профессор
Главный редактор журнала «Теоретическая экономика» г. Ярославль, Российская Федерация
E-mail: vagordeev@rambler.ru

Аннотация. В этой рубрике дается обзор материалов, представленных в 3-м (123-м) номере нашего журнала. По мнению редактора, публикации данного номера служат дальнейшему продолжению («вперед и выше», как призывал всегда светлой памяти член редколлегии нашего журнала Бронислав Дмитриевич Бабаев) развития выдвинутой нами концепции теоретической экономии. То есть продолжают то дело, которое мы осуществляем на страницах нашего сетевого издания вот уже на протяжении почти полутора десятилетий. Показано в этой рубрике, в чем же это развитие заключается на примере каждой представленной в данном номере работы. Редактором отмечено, что оно проявляется, хотя и в неодинаковой степени, как в выступлениях и известных читателям, так и новых авторов. Главное внимание в содержании предлагаемого номера традиционно уделено, во-первых, актуальным проблемам теоретической экономии. С этой целью дана редакторская аннотация статьи о глобализации стратегического мышления в условиях Четвертой промышленной революции. Её представили двое исследователей из Российской академии народного хозяйства и государственно службы при Президенте Российской Федерации: Кудрявцев Антон Андреевич и Фридман Михаил Феликсович. Во-вторых, обращено внимание на теоретико-экономические аспекты исследования новой индустриализации. В-третьих, большое внимание уделено современным проблемам мировой экономики, которые исследуются в работах авторов из Кот-д'Ивуар и Российской Федерации. И, конечно, в-четвертых, особое внимание уделено творчеству молодых ученых. Методология исследования основана, естественно, на выдвинутой нами концепции теоретической экономии. Научная новизна работы заключается в выявлении вклада публикуемых в данном номере статей в развитие этой концепции.

Ключевые слова: теоретическая экономия, новая индустриализация, современные проблемы мировой экономики, творчество молодых ученых

JEL codes: A13; A14

Для цитирования: Гордеев, В.А. Теоретическая экономия: начинаем очередной год развития концепции / В.А. Гордеев. - Текст : электронный // Теоретическая экономика. - 2025 - №3. - С.4-11. - URL: http://www.theoreticaleconomy.ru (Дата публикации: 29.03.2025)

Здравствуйте, уважаемый читатель!

Предлагаем Вашему вниманию очередной, 3-й (123-й), номер нашего журнала. Содержимое этого номера, на наш взгляд, служит продолжению («вперед и выше», как призывал нас постоянно светлой памяти член редколлегии Бронислав Дмитриевич Бабаев) развития нашей концепции теоретической экономии, которое мы осуществляем на страницах нашего издания вот уже почти полтора десятилетия. Тем самым материалы этого номера, считаем, являются логическим продолжением предыдущих в исследовании современных социально-экономических проблем с позиции разрабатываемой в журнале концепции. Думаем, что такой подход характеризует публикуемые и в этом номере работы. Причем не только хорошо известных Вам, уважаемый читатель, но и новых авторов.

Прежде всего традиционно обращаем Ваше внимание на первую по порядку и главную рубрику «Актуальные проблемы теоретической экономии». Здесь помещена статья под названием «Глобализация стратегического мышления в условиях Четвертой промышленной революции».

© Гордеев В.А., 2025

Её подготовили исследователи из Института общественных наук Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, (г. Москва) Кудрявцев Антон Андреевич, соискатель, и Фридман Михаил Феликсович, профессор кафедры «Экономическая теория и политика» факультета финансов. Двадцать первый век, отмечают они, характеризуется интенсивным развитием высоких технологий. Четвертая промышленная революция, связанная с развитием искусственного интеллекта, робототехники, облачных вычислений, аддитивных технологий, дополненной реальности и др., в значительной степени усугубила политическую и экономическую конкуренцию между странами в условиях формирующегося многополярного мира. Кризис социально-гуманитарного знания, проявляющийся в разрыве между стремительно растущим уровнем научно-технического развития и медленно изменяющимся уровнем развития науки о человеке и общества, в определенной мере тормозит осуществление инновационного прорыва, что ставит под угрозу обеспечения национального суверенитета государства. На фоне глобализации экономика информационного общества только оформляется, поэтому вопросы стратегического мышления субъектов развития выходят на передний план. Функции человека и технологий в цифровой экономике должны и, скорее всего, будут пересмотрены. Необходимо определить, кто является субъектом, а кто инструментом. Должен быть найден баланс между экономической выгодой и самоценностью человека. Беспрецедентная скорость развития новейших технологий коренным образом меняет повседневную жизнь. Под влиянием инноваций изменяется как бизнес-среда, так и политическая конъюнктура. Если 20 лет назад система социальных, экономических и политических взаимосвязей между членами общества трансформировалась под воздействием популяризации электронных средств коммуникации и использования мощностей микропроцессоров для решения рутинных вычислительных задач, то сегодня набор передовых технологий, которые приводят к модернизации общественных паттернов, объединен в концепцию Четвертой промышленной революции. В условиях такого форсированного научно-технического прогресса стратегическое мышление, как инструмент для эффективного управления социальными структурами, адаптируется под требования новой, высокотехнологичной реальности. Цель данной статьи – рассмотреть глобализационные преобразования стратегического мышления в контексте тенденций четвертой промышленной революции.

Далее в рубрике «Новая индустриализация …» Вашему вниманию предлагается две работы. Во-первых, статья под названием «Роль вузов в развитии концепции устойчивого развития и ESG-повестки». Её написала Берендеева Алла Борисовна, доктор экономических наук, доцент, профессор ФГБОУ ВО «Ивановский государственный университет», г. Иваново, Российская Федерация, кафедра экономики и предпринимательства, и ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», Ивановский филиал, кафедра экономики (г. Иваново, Российская Федерация). Показаны направления теоретических исследований человеческого капитала, роли вузов и университетов в реализации концепции устойчивого развития России и ESG-повестки, в том числе на страницах журнала «Теоретическая экономика». Раскрыты факторы растущего спроса со стороны бизнеса на специалистов в области УР и ESG, приведены примеры компаний-лидеров по количеству вакансий в области устойчивого развития. Показаны функции вузов, университетов по УР и ESG-трансформации экономики страны и регионов. Отражены международные и российские конференции по повестке УР и ESG, итоги реализации проекта «Приоритет-2030». Представлен перечень 10-ти ведущих устойчивых вузов мира по версии глобальных образовательных рейтингов: QS и THE. Сделан обзор программ по устойчивому развитию в ведущих университетах Европы и США, образовательных программ на российском образовательном пространстве. Приведены результаты нескольких исследований по тенденциям развития ESG-образования в российских вузах, примеры бакалаврских и магистерских программ по направлениям подготовки, связанным с УР и ESG, примеры партнеров образовательных программ по УР и ESG. Представлены предложения по совершенствованию ESG-образования в российских

вузах. Поднят вопрос о трансформации концепции «зеленого» вуза в ESG-стратегию его развития, о принятии национальной концепции развития ESG в системе образования и развитие новой модели университета как крупной экосистемы, направленной на воспроизводство общества и экономики нового типа. Раскрыто значение утвержденного в 2024 г. Минтрудом России профессионального стандарта специалиста по достижению целей устойчивого развития.

Затем в этой рубрике публикуется статья «Разработка индикатора финансового рынка на основе оценки внешней среды экспортно-ориентированной масложировой отрасли». Её прислала Семяшкин Ефим Григорьевич, кандидат экономических наук, доцент, (ФГБОУ ВО Финансовый университет при Правительстве РФ, г. Москва, Российская Федерация). В статье рассмотрены актуальные проблемы мирового рынка продовольствия. Показан анализ ключевых подотраслей агропромышленного комплекса с фокусом на проблемы и перспективы масложировой отрасли. Проведен анализ показателей отрасли: уровень урожайности культур, используемые площади, объем экспорта. Цель исследования заключается в формировании методики оценки внешней среды, разработанной в рамках методологического подхода рейтинговой оценки экспортно-ориентированных предприятий АПК РФ и разработке индикатора финансового рынка на его основе. Приведены результаты научных исследований по разработке предрейтинговой оценки экспортноориентированных отраслей и продуктов АПК РФ. Новизна данного подхода заключается в том, что в мировой практике существуют методики оценки привлекательности сферы бизнеса для отдельных компаний, например, матрица Маккинсея, ММНК, и другие, но они не выделяют как объект исследования экспортную сферу, которая для экономики России становиться все более важной. Новизна предлагаемой методики, заключается и в том, что используемые показатели отражают прежде всего экспорт сельскохозяйственной продукции – продовольствия. Практическая значимость стоит в апробации разработанной методики на примере показателей конкретной отрасли растительного масла. Приведены примеры ее использования за ряд лет. Предложен ряд мер для усиления конкурентоспособности позиций экспортеров продовольствия из России на международном рынке с учетом фокусе на масложировой продукции. Аналогично она может быть использована для анализа экспортных возможностей других отраслей АПК.

В следующей рубрике, «Современные проблемы мировой экономики», Вашему вниманию в этом номере предлагается пять работ. Во-первых, статья «Исламский банкинг в странах БРИКС: текущее состояние и перспективы развития». Её подготовила исследователь из ФГОБУ ВО Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации (г. Москва, Российская Федерация) Глебова Анна Геннадьевна, доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры мировой экономики. Статья посвящена изучению исламского банкинга в странах БРИКС (Бразилия, Россия, Индия, Китай, ЮАР) как альтернативной финансовой модели, способной предложить новые решения в условиях глобальных экономических вызовов. Основная цель исследования заключается в оценке текущего состояния исламских финансов в этих странах и определении перспектив их интеграции в национальные экономические системы с учетом специфики каждой из них. Для достижения поставленной цели авторы провели анализ нормативно-правовой базы, сравнили принципы исламского банкинга с традиционной банковской системой, а также выявили ключевые барьеры и факторы роста, влияющие на развитие этого сектора в регионе. Методологическую основу работы составили сравнительный межстрановой анализ, статистические методы и обработка вторичных данных из актуальных источников за период 2020–2025 годов. Результаты исследования демонстрируют значительную дифференциацию в уровне развития исламского банкинга среди стран БРИКС. Наиболее успешные примеры его внедрения наблюдаются в ЮАР, где уже сформированы эффективные механизмы, тогда как в Индии и Бразилии этот процесс находится на начальной стадии. В России и Китае, несмотря на ограниченное присутствие исламских финансов, отмечается растущий интерес к их потенциалу. Исследование подтверждает, что исламский банкинг способен усилить финансовую инклюзивность, привлечь иностранные инвестиции и диверсифицировать

экономические связи стран БРИКС. В заключение авторы формулируют рекомендации по преодолению регуляторных и инфраструктурных барьеров, а также подчеркивают необходимость адаптации исламских финансовых инструментов к локальным условиям для укрепления их роли в финансовых системах объединения.

Во-вторых, в этой рубрике публикуется статья «Влияние региональной интеграции на торговлю сельскохозяйственной продукцией в ЭКОВАС». Её подготовили двое кандидатов экономических наук: Н'Горан Коффи Селестен, старший преподаватель Университета Пелефоро Гон Кулибали в Корого, (Кот-д'Ивуар), и Титова Людмила Анатольевна, доцент ФГБОУ ВО «Ярославский государственный университет имени П.Г. Демидова», (г. Ярославль, Российская Федерация). Сельскохозяйственный сектор ЭКОВАС, отмечают они, сталкивается с низкими объемами обмена по сравнению с другими регионами. Развитие сельскохозяйственного производства и торговли имеет решающее значение для обеспечения продовольственной безопасности, что является приоритетом для стран-членов. Целенаправленные и укрепляющие производственные системы способствуют развитию торговли внутри сообщества и интеграции региональных рынков. Однако разнообразный сельскохозяйственный потенциал ЭКОВАС сдерживается фрагментацией и различиями в национальных интересах, что делает интеграцию жизненно важной для развития внутрирегиональной торговли. Авторы попытались выявить последствия и факторы, влияющие на потоки сельскохозяйственных товаров. Целью данного исследования является анализ влияния региональной интеграции на торговлю сельскохозяйственным сырьем в пятнадцати странах ЭКОВАС за период 2015-2020 гг. Этот вопрос рассматривался с использованием гравитационной модели. Методологический подход, по сути, основан на нескольких моделях. Для анализа технических характеристик моделей были использованы тесты Сяо, Хаусмана и гетероскедастичности. Пуассоновская оценка псевдомаксимального правдоподобия этой модели указывает на то, что уровень развития стран через богатство, качество инфраструктуры и уровень региональной интеграции оказывают влияние на торговлю, но с разными эффектами. Сочетание сельскохозяйственной политики (ECOWAP/PDDAA) не достигло своих целей и не оказывает влияния на торговлю. Более того, единый внешний тариф оказывает различное влияние в зависимости от выбранного показателя торговли. Всестороннее внедрение единого внешнего тарифа во всех странах ЭКОВАС необходимо для расширения двусторонней торговли. Сельскохозяйственная политика должна координироваться и систематически контролироваться для повышения производительности, продовольственной безопасности и уровня жизни в сельской местности. Таким образом, интеграция торговли сельскохозяйственной продукцией в рамках ЭКОВАС демонстрирует значительный потенциал.

В-третьих, продолжает эту рубрику работа «Трансформация мировой финансовой системы: доллар США и национальные валюты». Её подготовили Омарова Зарема Курбановна, доктор экономических наук, доцент, ведущий научный сотрудник ФГБУН «Центральный экономико-математический институт РАН», и профессор кафедры экономической теории ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве РФ», и двое студентов Финансового университета: Короваевич Александр Андреевич и Коноплев Станислав Игоревич. Статья посвящена вопросам эволюции и современной трансформации архитектуры мировой финансовой системы. Актуальность исследования заключается в важности детализации актуальных вопросов влияния валютного фактора на международную торговлю, проведение расчетов и осуществление ценообразования на сырьевых рынках в условиях деглобализации и стремительной трансформации мировой финансовой системы, переходу к многополярному миропорядку. Цель исследования – анализ роли национальных валют в трансформации мировой финансовой системы и их влияния на процессы формирование многополярного миропорядка. Задачи исследования включают проведение комплексного анализа валютной композиции международных расчетов и валютных резервов, а также детализации динамики использования национальных валют в международных резервах и расчетах. Методы

исследования включают анализ (структурно-динамический, статистический), метод экспертных оценок. Выборка данных охватывает период с 2000 по 2024 годы и основана на данных международных финансовых институтов и организаций, таких как Международный Валютный Фонд (МВФ), SWIFT. В результате исследования на основе статистических данных подтверждена гипотеза о снижении роли доллара США в мировой финансовой системе, что проявляется в сокращении его использования в суверенных международных валютных резервах, а также при осуществлении международных расчетов. Параллельно со снижением доли доллара США происходит его замещение национальными валютами. В свою очередь, изменение валютной композиции служит дополнительным драйвером деглобализации мировой финансовой системы, формированием новых валютных объединений и альтернативных систем расчетов. Область применения результатов включает разработку стратегий валютного регулирования, улучшение международного финансового сотрудничества и формирование более справедливой и устойчивой глобальной финансовой системы. Ограничения исследования связаны с ограниченной периодичностью выпуска статистических данных по международным валютным резервам, а также ограниченной доступностью статистической информации об инвестициях в государственные ценные бумаги КНР. Будущие исследования могут быть направлены на изучение влияния цифровых валют и блокчейн-технологий на трансформацию мировой финансовой системы.

Продолжает данную рубрику статья «Прогнозы и сценарии изменения географии экспорта и импорта промышленных предприятий Санкт-Петербурга под воздействием деглобализации и санкций». Её автор - Елкина Ольга Сергеевна, доктор экономических наук, профессор, (Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация), член редколлегии нашего журнала. Деглобализация и санкции, отмечает она, изменяют географию экспорта и импорта промышленных предприятий. Последствия деглобализации не всегда однозначны и положительны. В качестве плюсов можно назвать активный рост национального производства, повышение суверенитета, переход к независимой экономике. Но существуют и недостатки этого процесса, связанного со снижением дохода и необходимости переориентации производства и логистики поставок. Изучение тенденций адаптации предприятий к деглобализации и влиянию санкций позволяет спрогнозировать негативные тренды и вовремя построить политику коррекции этих процессов. Поэтому цель исследования - выявление и оценка тенденций деглобализации и влияния санкций на промышленные предприятия г. Санкт-Петербурга, географию экспорта и импорта, и построение прогнозов и сценариев развития его промышленности. Основные результаты, полученные в исследовании, следующие. Проанализирован опыт адаптации промышленных предприятий г. Санкт-Петербурга к процессу деглобализации и санкциям и определены перспективы его развития. На основе выявленных тенденций были построены краткосрочный, среднесрочный и долгосрочный прогнозы развития промышленности, в том числе по отраслям промышленности Санкт-Петербурга. В исследовании представлены прогноз направлений технологического и промышленного развития Санкт-Петербурга до 2030 года, прогноз и сценарии изменения географии экспортно-импортных операций промышленных предприятий Санкт-Петербурга.

И заыершает данную рубрику статья «Новый подход к классификации теорий развития мировой экономики». Ее автор Карагулян Егине Араратовна кандидат экономических наук, доцент, старший научный сотрудник Института экономики УрО РАН, г. Екатеринбург. В статье представлен авторский подход к классификации теорий развития мировой экономики. Основными методами исследования являлись критический и системный анализ теорий развития экономических систем, а также различные классификационные методы. В ходе исследования были отобраны и проанализированы в соответствии классификационными признаками более 100 наиболее цитируемых работ в области теории развития. На основе выявленных предпосылок, факторов, движущих сил развития, характера происходящих изменений было определено 10 классификационных критериев теорий

развития мировой экономики, которые могут быть использованы при разработке методики оценки трансформационных процессов в мировой экономике. Полученные результаты представляют интерес для научных работников и специалистов, работающих в области мировой экономики и международных отношений. Дальнейшие направления исследования связаны с разработкой методологии оценки трансформационных процессов в мировой экономике.

После этого в рубрике «Творчество молодых исследователей» предлагается Вашему вниманию работа «Перспективы развития российского рынка сельскохозяйственной техники в современных реалиях». Её авторы - Несиоловская Татьяна Николаевна, доктор технических наук, профессор, и Костриков Захар Евгеньевич, магистрант, оба из ФГБОУ ВО «Ярославский государственный технический университет» (г. Ярославль, Российская Федерация). Актуальность исследования обусловлена стратегической значимостью сельскохозяйственной отрасли для экономики России. В соответствии с Доктриной продовольственной безопасности, каждый житель Российской Федерации должен быть обеспечен безопасной, качественной и доступной сельскохозяйственной продукцией в объемах, обеспечивающих рациональные нормы потребления пищевой продукции. Важнейшую роль в решении этой стратегической задачи играет сельхозтехника. Отечественный рынок сельскохозяйственной техники переживает в настоящее время структурную трансформацию: с одной стороны налицо положительные тенденции, ведущие к импортозамещению, с другой - снижение динамики импорта, приводящее к дефициту сельхозтехники. Недостаточная техническая оснащенность не позволяет увеличить посевные площади, влечет за собой дополнительные издержки, является причиной низкой маржинальности. Цель настоящего исследования состоит в анализе перспектив российского рынка сельскохозяйственной техники в современных реалиях. Установлено, что современные темпы технико-технологического обновления аграрной отрасли страны объективно не соответствуют уровню, необходимому для устойчивого развития отечественного сельского хозяйства и во многом являются следствием проблем, особенно обострившихся в условиях санкционного давления. Взаимосвязанность выявленных проблем продемонстрировала необходимость комплексного подхода к решению задач, направленных на повышение оснащенности аграрной отрасли сельскохозяйственной техникой. Комплексный подход состоит в решении задач по всей цепи поставок сельскохозяйственной техники, включающей производителей, посредников и потребителей продукции на государственном, региональном и муниципальном уровнях. Интеграция экономических, технологических, организационных и социальных решений позволит значительно улучшить ситуацию на российском рынке сельскохозяйственной техники, обеспечив устойчивость развития отечественного агропромышленного комплекса.

В завершение номера, в рубрике «Научная жизнь», Вашему вниманию предлагается работа под названием «Научно-образовательное общество – основа развития России в XXI веке (пять тезисов)». Её представил Субетто Александр Иванович, доктор философских наук, доктор экономических наук, кандидат технических наук, Заслуженный деятель науки РФ, профессор, профессор кафедры общественных наук Северо-Западного института управления РАНХиГС при Президенте РФ, профессор кафедры истории религии и теологии Института истории и социальных наук РГПУ им. А.И.Герцена, (Санкт-Петербург, Российская Федерация). Данная работа представляет собой тезисы выступления автора (в расширенном варианте) на Круглом Столе, организованном петербургским горкомом КПРФ и Петровской академией наук и искусств. Тема Круглого Стола – «Проблемы образования в России. Методы и пути их решения». Автор излагает свой взгляд по обсуждавшейся проблеме и с позиции разрабатываемой им концепции ноосферного социализма предлагает пути развития России в 21 веке, определяет роль научно-образовательного общества в этом процессе.

Таково основное содержание материалов 3-го (123-го) номера. Как видите, они, действительно, представляют собой продолжение развития выдвинутой нами почти полтора десятилетия назад в журнале концепции теоретической экономии как нового парадигмального мейнстрима в социально-экономических исследованиях. Причем, как мне представляется, в полном соответствии

с советом «Вперед и выше», которое настойчиво предлагал светлой памяти Бронислав Дмитриевич Бабаев. Таким образом, считаю, материалы этого номера предстают логичным продолжением всех предыдущих ста двадцати двух номеров нашего издания.

В заключение позвольте высказать традиционное для завершения рубрики главного редактора пожелание: Успешной Вам работы над новым номером, уважаемый читатель!

С уважением В.А. Гордеев

Theoretical economy: continuing to develop our concept

Valery A. Gordeev
Doctor of Economics, Professor
Chief editor of the journal «Theoretical Economy», Yaroslavl, Russian Federation
E-mail: vagordeev@rambler.ru

Abstract. This section provides an overview of the materials presented in the 3rd (123rd) issue of our journal. According to the editor, the publications in this issue serve to further continue ("forward and higher," as the member of the editorial board of our journal, Bronislav Dmitrievich Babaev, of blessed memory, always called) the development of the concept of theoretical economy that we have put forward. That is, they continue the work that we have been doing on the pages of our online publication for almost a decade and a half. This section shows what this development consists of using the example of each work presented in this issue. The editor notes that it manifests itself, albeit to varying degrees, both in the speeches of well-known readers and in those of new authors. The main attention in the content of the proposed issue is traditionally paid, firstly, to the current problems of theoretical economy. For this purpose, an editorial abstract is given to the article on the globalization of strategic thinking in the context of the Fourth Industrial Revolution. It was presented by two researchers from the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration: Kudryavtsev Anton Andreevich and Fridman Mikhail Felixovich. Secondly, attention is drawn to the theoretical and economic aspects of the study of new industrialization. Thirdly, much attention is paid to modern problems of the world economy, which are studied in the works of authors from the Côte d'Ivoire and the Russian Federation. And, of course, fourthly, special attention is paid to the creativity of young scientists. The methodology of the study is based, naturally, on the concept of theoretical economy that we have put forward. The scientific novelty of the work lies in identifying the contribution of the articles published in this issue to the development of this concept.

Keywords: theoretical economy, new industrialization, modern problems of the world economy, creativity of young researchers

Глобализация стратегического мышления в условиях Четвертой промышленной революции

Кудрявцев Антон Андреевич

Соискатель,
РАНХиГС, г. Москва, Российская Федерация
E-mail: anton.kud2004@mail.ru

Фридман Михаил Феликсович

доктор философских наук, профессор,
РАНХиГС, г. Москва, Российская Федерация
E-mail: mffree79@mail.ru

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

глобализация, стратегическое мышление, Четвёртая промышленная революция, цифровая экономика, инновационный прорыв, национальный суверенитет, экономика информационного общества, многополярный мир, кризис социально-гуманитарного знания, субъекты развития

АННОТАЦИЯ

Двадцать первый век характеризуется интенсивным развитием высоких технологий. Четвертая промышленная революция, связанная с развитием искусственного интеллекта, робототехники, облачных вычислений, аддитивных технологий, дополненной реальности и др., в значительной степени усугубила политическую и экономическую конкуренцию между странами в условиях формирующегося многополярного мира. Кризис социально-гуманитарного знания, проявляющийся в разрыве между стремительно растущим уровнем научно-технического развития и медленно изменяющимся уровнем развития науки о человеке и общества, в определенной мере тормозит осуществление инновационного прорыва, что ставит под угрозу обеспечения национального суверенитета государства [17]. На фоне глобализации экономика информационного общества только оформляется, поэтому вопросы стратегического мышления субъектов развития выходят на передний план [8]. Функции человека и технологий в цифровой экономике должны и, скорее всего, будут пересмотрены [2, 15]. Необходимо определить, кто является субъектом, а кто инструментом. Должен быть найден баланс между экономической выгодой и самоценностью человека. Беспрецедентная скорость развития новейших технологий коренным образом меняет повседневную жизнь. Под влиянием инноваций изменяется как бизнес-среда, так и политическая конъюнктура. Если 20 лет назад система социальных, экономических и политических взаимосвязей между членами общества трансформировалась под воздействием популяризации электронных средств коммуникации и использования мощностей микропроцессоров для решения рутинных вычислительных задач [26], то сегодня набор передовых технологий, которые приводят к модернизации общественных паттернов, объединен в концепцию Четвертой промышленной революции. В условиях такого форсированного научно-технического прогресса стратегическое мышление, как инструмент для эффективного управления социальными структурами, адаптируется под требования новой, высокотехнологичной реальности [14]. Цель данной статьи – рассмотреть глобализационные преобразования стратегического мышления в контексте тенденций четвертой промышленной революции.

JEL codes: A13, B52, F63, Q01

DOI: https://doi.org/10.52957/2221-3260-2025-03-12-23

Для цитирования: Кудрявцев, А.А. Глобализация стратегического мышления в условиях Четвертой промышленной революции /А.А. Кудрявцев, М.Ф. Фридман - Текст : электронный // Теоретическая экономика. - 2025 - №3. - С.12-23. - URL: http://www.theoreticaleconomy.ru (Дата публикации: 30.03.2025)

Введение

Говоря о понятии «четвёртая промышленная революция», необходимо выявить сущностные признаки и основные черты данного феномена. Так, в частности, К. Шваб полагает, что «это

© Кудрявцев А.А., Фридман М.Ф., 2025

«вездесущий» и мобильный Интернет, миниатюрные производственные устройства (которые постоянно дешевеют), искусственный интеллект и обучающиеся машины» [25]. «Революция», как процесс резких и коренных изменений, находит свою движущую силу в пяти ключевых технологиях:

1) Информационно-коммуникационные технологи (в первую очередь, Интернет и смартфоны) и сети нового поколения (5G);

2) Интернет вещей – оснащение повседневных предметов функцией подключения к Интернету;

3) «Big Data» – большие объемы данных в различных форматах, которые генерируются с высокой скоростью, являются достоверными и обладают высокой аналитической ценностью;

4) Облачные вычислительные сервисы, за счет которых происходит перенос вычислительных операций с физических носителей в виртуальные пространства без потери мощности;

5) Искусственный интеллект и машинное обучение – технологии создания многофункциональных систем, имитирующих человеческое мышление и поведение [27].

Масштаб влияния Четвертой промышленной революции на экономическую составляющую общественной жизни вряд ли можно преувеличить [3]. Благодаря использованию новейших технологий, таких как, например, 3D-печать, сокращается дистанция между создателем товара и его потребителем из-за расширения возможности кастомизировать каждую отдельную единицу товара и сокращения времени производства [28]. Дешевизна оборудования для 3D-печати, которое необходимо новому предпринимателю для создания прототипов и старта первого производства, сокращает риск неокупаемости бизнеса.

Помимо этого, на сегодняшний момент крупные компании уже несколько лет занимаются повсеместным внедрением технологий искусственного интеллекта в попытке сократить финансовые издержки, увеличить производительность, выручку и усовершенствовать опыт своих пользователей. Важно отметить, что ИИ-инструменты, основанные на облачных технологиях, настолько продвинуты, что они способны находить важную релевантную информацию в процессе обработки огромных объемов данных. Это дает бизнесу возможность прийти к уникальным выводам на основе ранее не исследованной информации и открывает доступ к конкурентным преимуществам, таким как аналитика в реальном времени, маркетинговый анализ на основе ИИ, усовершенствование процесса найма персонала, автоматизация взаимодействия с клиентами и управление цифровыми рисками и др. [33]

Данное обстоятельство способствует не только развитию самой цифровой экономики, но и осуществлению инновационного прорыва, без которого ни о каком национальном суверенитете говорить не приходится [22, 23]. Овладение подобными инструментами, по всей видимости, и отличает субъект развития как носителя стратегического мышления в экономике информационного общества.

Эффекты от внедрения технологий Четвертой промышленной революции проявляются и в социальной сфере. В отраслях с большим влиянием на окружающую среду, например, в промышленном производстве, возможности искусственного интеллекта и машинного обучения позволяют производителям добиваться экологичности и экономической устойчивости: реализовывать бизнес-цели, минимизируя отходы и воздействие на окружающую среду. С этим тесно связана концепция экономики замкнутого цикла: идея о том, что благодаря разумному (повторному) использованию и переработке материалов в процессе производства, распределения и потребления можно улучшить качество окружающей среды. Автоматизация производственных процессов с помощью искусственного интеллекта и развитие робототехники повышают операционную эффективность логистики и помогают снизить общий уровень глобального потепления от выбросов углекислого газа. Например, компания Google использовала ИИ для прогнозирования изменений температуры в своих центрах обработки данных и корректировки настроек кондиционеров, что привело к снижению общего энергопотребления на 15 %. Более того, использование ИИ и науки о данных в маркетинге может стимулировать развитие культуры экологического потребления.

Так, анализ данных о поиске в Интернете и информации из социальных сетей может выявить психометрические и поведенческие модели экологически сознательных потребителей и с помощью целевой рекламы подтолкнуть их к покупке экологичных товаров. Вместе с этим рекомендательные системы крупных маркетплейсов могут быть запрограммированы на продвижение экологически чистых альтернатив и экологических продуктов [34]. Таким образом, технологии четвертой промышленной революции коренным образом меняют экономические и социальные тенденции.

Методы исследования

В рамках работы над указанной темой использовались преимущественно теоретические методы исследования: анализ отечественного и зарубежного опыта, синтез — моделирование системы глобального стратегического мышления, сравнение экспертных оценок, экстраполяция логических выводов, обобщение и систематизация проявляющихся тенденций.

Модель

Становление модели многополярного мира в условиях глобализации вопрос о национальном суверенитете любой страны, претендующей на позицию самостоятельного центра политической силы, стоит очень остро [18, 19]. Сегодня этот статус могут отстаивать только те государства, которые в полной мере осознают свою субъектность в Четвертой промышленной революции, которые вплотную заняты развитием цифровой экономики и осуществлением инновационного прорыва, которые прилагают необходимые усилия по преодолению кризиса социально-гуманитарного знания и формированию стратегического мышления.

Сегодня ни для кого не секрет, что Четвертая Промышленная Революция является катализатором глобализационных изменений. Авторы данной статьи придерживаются определения глобализации как совокупности многомерных социальных процессов, которые создают, расширяют и интенсифицируют социальные взаимозависимости и обмены во всем мире и в то же время способствуют росту осознания людьми углубляющихся связей между социальными группами, находящимися в разных частях земного шара [38]. Феномен глобализации можно охарактеризовать четырьмя ключевыми признаками.

Первый – в процессе глобализации создаются новые и расширяются существующие социальные связи, стирая традиционные политические, экономические и культурные границы. На примере Специальной Военной Операции можно отчетливо увидеть, как политические решения регионального уровня становятся причиной трансформации социальной реальности у десятков государств, напрямую не вовлеченных в Российско-Украинский конфликт.

Во-вторых, глобализация обеспечивает шаговую доступность товаров и услуг, произведенных в других частях света, что, в свою очередь, углубляет социальные взаимосвязи. Сейчас маркетплейсы и иные платформы для электронной торговли работают круглосуточно, предлагая ассортимент товаров со всего мира. Даже в товарах государственной важности, например, в военной и гражданской авиатехнике, используются компоненты, произведенные в других странах. Помимо коммерческого сектора, более тесные социальные взаимосвязи развиваются через деятельность неправительственных ассоциаций, региональные и глобальные институты и ассоциации, такие как ООН, БРИКС, ШОС, АСЕАН и др.

В-третьих, глобализация предполагает интенсификацию и ускорение обмена социально важной информацией. В процессе цифровизации мировой экономики глобальные потоки ежедневно собираемых данных растут, а цифровые платформы обеспечивают доступ к этим данным каждому, у кого есть интернет и мобильное устройство. Глобальные потоки данных — это прежде всего информация, поиск, связь, транзакции, видео и внутриорганизационный трафик. Данные и информация — это новые базовые ресурсы: чем больше данных и информации собирается, тем сильнее они повышают эффективность решений, использующих искусственный интеллект (ИИ) и машинное обучение. Приток и отток данных, идей, инноваций, талантов в

лице высококвалифицированных кадров и передового опыта по всему миру также влияет на инвестиционные решения. Все это создает возможности для монетизации данных. Обратная сторона такой возможности – высокая конкуренция в сфере обработки и анализа данных. Генеративный-ИИ DeepSeek, релиз которого состоялся в начале 2025 года, стал причиной беспрецедентного падения акций крупнейших американских компаний, занимающихся искусственным интеллектом [4]. Таким образом, ускорение обмена информацией оказывает серьезное влияние на глобальную торговлю и инвестиции, трансформируя отрасли и сектора экономики по всему миру [36].

Наконец, в-четвертых, создание, расширение и усиление социальных взаимосвязей и взаимозависимостей в процессе глобализации влияет не только на объективную сторону жизни, но и на субъективную плоскость человеческого сознания. Интересно, что результатом этого влияния в итоге может стать как нарастание противоречий между обществами с различной культурой, что в крайних случаях приводит к формированию радикально-националистических или религиозно-фундаменталистских движений, так и распространение космополитических взглядов, согласно которым каждый человек имеет равные права на уважение и внимание, независимо от его гражданского статуса и других социальных взаимосвязей [35].

В условиях наблюдаемой общественной трансформации, вызванной глобализационными изменениями и развитием технологий четвертой промышленной революции, сохраняется важность стратегического мышления как инструмента для создания эффективных управленческих процессов широкого спектра [5,6]. Стратегическое мышление – метод решения стратегических проблем, сочетающий в себе рациональный, конвергентный подход и творческий, дивергентный способ мышления [30].

При этом выделяются три ключевых особенности стратегического мышления:

1) Системный подход

Стратегическое мышление должно строиться на анализе процессов, а не отдельных событий. Эти процессы, в свою очередь, связаны с такими большими и сложными системами, как рынки, отрасли, государства. В то же время отдельно взятая организация не только включена в упомянутые выше системы, но и сама функционирует системно, включая в себя различные функциональные элементы. Таким образом, рассматривать деятельность и цели организации необходимо не с позиции отдельных личностей или операционных задач, а «сверху», принимая во внимание все многообразие взаимосвязей между системообразующими элементами.

2) Творческий подход

Стратегия — это новые идеи и инновационные решения, цель создания которых – заполучить конкурентные преимущества. Люди, ответственные за стратегию, должны искать новые возможности и разрабатывать новые, наиболее эффективные методы организации деятельности компании, иными словами, творчески подходить к задаче разработки стратегии. Способность использовать творческий подход, комбинируя нестандартные, рискованные, глобальные решения, для создания широкого списка альтернативных способов разрешения проблем имеет решающее значение для разработки уникальных стратегий и программ их реализации.

3) Ценностный подход

Топ-менеджмент постоянно сталкивается с высоким уровнем неопределенности, неполнотой информации и ее неоднозначностью. Руководителям высшего звена приходится осмысливать сложные, многогранные проекты и синтезировать множество всевозможных решений. Людям, оказавшимся в подобной ситуации, нужны однозначно определенные ценности и четкие приоритеты, чтобы разрабатывать жизнеспособные стратегии и соответствующие планы мероприятий. В процессе создания организации необходимо уделять большое внимание тем фундаментальным ценностным принципам, опираясь на которые все сотрудники компании будут двигаться в будущее. Единое видение, разделяемое всей организацией, способствует развитию чувства сопричастности, а не подчиненности, и вдохновляет людей, позволяет им максимально использовать свои опыт и

талант для развития организации. Таким образом, выстраивание стратегии конкретной организации должно базироваться на её фундаментальных ценностях.

Влияние глобализации на стратегическое мышление можно рассмотреть с различных углов. Как отмечалось выше, «системность» стратегического мышления становится неизмеримо сложной, потому что практически каждый внутренний рынок стал включать в себя международных игроков со своими ресурсами, производственными мощностями и, соответственно, собственными целями. Можно взглянуть на это и с обратной стороны – каждой отдельно взятой компании потенциально доступно огромное количество национальных рынков, каждый из которых – возможность для расширения. Более того, в условиях стремительного развития современных технологий появляется все больше инструментов, которые можно использовать для обеспечения конкурентных преимуществ. Все вышеперечисленное дает широкий творческий простор для комбинирования существующих и изобретения новых способов достижения стратегических целей. Проблема в том, что доступ к многообразию этих возможностей есть у каждого, а потому при системном подходе к разработке стратегии теперь необходимо рассматривать множество технологических инструментов и производные от них процессы как системообразующие элементы отраслей, рынков, а в случаях неразвитых стран – и целых государств.

Одновременно с углублением межгосударственных взаимозависимостей более значительным стал потенциальный ущерб от глобальных рисков и сама вероятность их наступления. В «Целях устойчивого развития ООН» до 2030, сформулированных в 2015 году, отражены некоторые из этих рисков: «Принятие срочных мер по борьбе с изменением климата и его последствиями», «Обеспечение открытости, безопасности, жизнестойкости и экологической устойчивости городов и населенных пунктов», «Содействие построению миролюбивого и открытого общества в интересах устойчивого развития…», «Обеспечение всеохватного и справедливого качественного образования…» [9] и т. д. Если рассмотреть адаптацию этих целей для России, составленную Аналитическим Центром при Правительстве РФ, то можно отметить недостаток системности в выделении стратегически важных элементов, требующихся для достижения конкретной цели. Например, для цели, обозначенной как «Обеспечение мира, правосудия и эффективных институтов», что по существу заключается в снижении уровня преступности и воспитании правовой культуры, приоритетными элементами выделяются «искоренение коррупции…», «проведение политики развития неформальных институтов, способствующих укоренению ценностей прав человека…» и «развитие механизмов общественного контроля над властью и вовлечения общества в принятие и реализацию решений…» [9]. Данные стратегические направления как будто предполагают борьбу с преступностью самой по себе и не учитывают экономический и культурный (мультикультурный) контекст. Не устанавливаются взаимосвязи между уровнем преступности и экономическим развитием общества, а также такими факторами как употребление алкоголя (что особенно релевантно для российского общества) или, например, распространенность случаев домашнего насилия [10].

Аналогичное отсутствие глубины стратегического мышления наблюдается и в описании достижения целей по совершенствованию образовательной политики в разделе «Образовательная политика: вызовы и перспективы». Ожидаемо описывается необходимость совершенствования системы по формированию востребованных рынком навыков и актуальность повышения качества образования в целом, при этом не уделяется должного внимания профессии школьного педагога, который играет ключевую роль в формировании у школьников интереса к образованию в целом. Отмечается следующее: «…качество и единство образовательного пространства связано с тем, насколько эффективно страна использует имеющиеся ресурсы. И, как показывает российский опыт, это не столько финансовые, сколько человеческие ресурсы…», в чем можно увидеть пренебрежительное отношение к проблеме достойного финансового обеспечения российских учителей. Закономерно, что этот коренным образом неверный, поверхностный подход к стратегическому анализу дает свои «плоды»: на сегодняшний день зарплаты учителей относятся к

одним из самых низких в стране и сопоставимы с зарплатами дворников и уборщиков [11], а доля молодых учителей (до 25 лет) за последние пять лет увеличилась всего на 1,5% [24]. Таким образом, даже в существующих стратегиях по решению глобальных проблем можно встретить недостаток системного подхода к стратегическому мышлению.

В то же время к разработке стратегий по решению общемировых проблем, вызванных глобализационными процессами, можно подходить, сочетая системность и масштабность стратегического мышления с существующими теоретическими концепциями. Например, теория стратификации У. Уотсона может быть заложена в основу анализа миграционных процессов, протекающих в разных частях земного шара. Кроме того, понимание стратификации может быть полезным при создании инклюзивных международных институтов, которые учитывали бы интересы разных слоев общества, в особенности уязвимых. Применительно к российскому обществу возможно так же применение стратификационных моделей Т.И. Заславской или М.Н. Римашевской.

Отдельно стоит выделить теорию прекариата Г. Стэндинга, который выделяет прекариат как отдельный класс, формирующийся под воздействием глобализации и характеризующийся отсутствием самоидентификации на основе трудовой деятельности, недостатком социальных гарантий, нестабильностью дохода и в целом уязвимой, непостоянной структурой дохода [13, 20-30]. К прекариату можно отнести мигрантов, криминализированную бедноту, людей, живущих на пособия, работников с неполной занятостью [13, 33-34]. Понимание проблем и нужд этого маргинального класса является ключом к повышению экономического и социального благосостояния развивающихся стран, а также к обеспечению их политической стабильности, потому как прекариат уязвим к популистским политическим манипуляциям и потому потенциально опасен [13, 50-51]. Таким образом, рассмотрение прекариата в качестве одного из системообразующих элементов современного общества может помочь в разработке стратегий по сокращению уровня общемирового экономического неравенства.

Результаты

В ходе осуществления исследования, посвященного определению роли и места стратегического мышления в достижении инновационного прорыва и, как следствие, национального суверенитета, стало очевидной необходимость рассмотрения социальной структуры общества с точки зрения различий в ценностных установках поколений. Для этого применяется теория поколений Хоува и Штрауса. Использование поколенческого подхода может использоваться при исследовании трудовых ресурсов и анализе динамики трудового потенциала. Теория поколений также позволяет заранее определять проблемные точки в трудовом взаимодействии и вырабатывать эффективные способы их сглаживания. Наконец, данный подход позволяет гармонизировать взаимодействие представителей разных поколений в образовательном и трудовом процессах посредством подбора подходящих информационных каналов, коммуникативных паттернов и мотивационных систем [9]. Таким образом, теория поколений Хоува и Штрауса может использоваться при стратегическом анализе глобальной проблемы обеспечения достойной рабочей среды.

В последние годы высокопоставленными российскими политиками (В.В Путиным [12], С.В. Лавровым [1]) упоминается концепция «золотого миллиарда». Согласно этой концепции, разработанной А. К. Циркуновым в 1990-е годы, имущественное и ресурсное неравенство не является проблемой как таковой, а представляет собой решение базовой, и в то же время глобальной экономической проблемы ограниченности ресурсов. Если рассматривать такое «решение», оставив в стороне его моральную сторону, то с точки зрения стратегического мышления эта теория имеет право на жизнь, потому что основана на системном подходе к объединению усилий ряда западных стран для обеспечения своего благополучия и опирается на превосходство «западных» ценностей. «Золотой миллиард» – не краткосрочный план, а долгосрочная стратегия, предполагаемый результат которой – концентрирование и последующее удержание жизненно важных ресурсов в собственности ограниченного ряда стран. При этом морально-этический аспект данной теории не предполагает

следования принципу глобальной справедливости, поэтому подвергается критике со стороны тех, кто, предположительно, не принадлежит к «золотому миллиарду».

Описанные выше социальные теории могут послужить концептуальной опорой для стратегического мышления при решении глобальных проблем, однако практическое осуществление этих решений должно включать в себя применение наиболее современных инструментов – технологий Четвертой Промышленной Революции. Например, пространственные модели на основе Big Data могут использоваться для решения проблем продовольственной безопасности в разных странах. Разработанный на основе этой технологии гибридный индекс продовольственной безопасности (Hybrid Food Security Index) включает в себя многокритериальный анализ таких факторов, как потребление продовольствия, уровень бедности, изменчивость цен на продукты питания, уровень инфляции, климатические данные и актуальный для развивающихся стран фактор – уровень экономической занятости женщин. Выстраивание наиболее эффективной политики по обеспечению продовольственной безопасности зависит от точности оценки текущего положения. Следовательно, улучшение точности оценки продовольственной ситуации при использовании гибридного индекса продовольственной безопасности, как ожидается, будет иметь серьезное положительное значения для планирования и реализации мер продуктовой политики [32]. Также для решения глобальной продовольственной проблемы на основе алгоритмов машинного обучения создаются модели, позволяющие прогнозировать объемы урожая, что позволяет повысить финансовую рентабельность и эффективность фермерских цепей поставок. Прогнозирующая модель построена на анализе таких факторов, как состояние и общие характеристики почвы, наличие водных ресурсов, размер температурного диапазона и уровень экспорта и импорта сельскохозяйственных товаров [31].

Технология искусственного интеллекта также используется для решения глобальной проблемы здравоохранения. Применение ИИ особенно актуально для стран с низким уровнем дохода, где такие высокотехнологичные инструменты могут почти полностью восполнить нехватку медицинских работников в системе здравоохранения. Например, в одной отдаленной деревне в Западной Кении, где есть только один медицинский работник, а ближайшая больница находится в двух часах езды, искусственный интеллект буквально спасает жизни. Используя смартфон и приложение на основе искусственного интеллекта, медработник может вводить симптомы и признаки заболевания, демографические данные и историю болезни пациента. Далее алгоритмы машинного обучения сопоставляют введенные данные с базами данных, на которых обучалась ИИ-модель, чтобы затем определить наиболее вероятный диагноз и соответствующее лечение. Такие возможности позволяют даже при низком уровне подготовки оказывать жизненно необходимую медицинскую помощь там, где без современных технологий ее могло бы и не быть. Еще один пример эффективной интеграции ИИ-моделей в медицинские задачи – создание алгоритмов машинного обучения, позволяющих быстрее и эффективнее анализировать снимки магнитно-резонансной томографии. Такое программное обеспечение позволяет врачам-рентгенологам подтверждать уверенность в своем решении и существенно ускорить поток пациентов, что, опять же, особенно важно для стран с недостаточно развитой системой здравоохранения [29].

Проблема обеспечения качественного образования тоже может быть минимизирована при помощи применения разработок на основе искусственного интеллекта. В качестве примера можно привести онлайн-платформу Knewton, которая создает уникальные персонализированные онлайн-курсы. Через программный интерфейс ученик отправляет анонимные данные о своем обучении и получает детальный анализ: почему была допущена та или иная ошибка, на каких предметах или темах следует сосредоточиться в данный момент, что может быть сделано прямо сейчас для приближения к будущему успеху. Платформа также адаптирует широкий спектр образовательного контента персонально для каждого ученика. После интеграции алгоритмов платформы Knewton в университетах штатов Аризоны, Алабамы и Лас-Вегаса число успешно завершенных курсов увеличилось в среднем на 17%. При этом в Университете Аризоны число студентов, бросивших

учебу, сократилось вдвое, в то время как число тех, кто закончил курс раньше, составило 45% [37].

Таким образом, на современном этапе стратегическое мышление находит свое применение в решении общемировых проблем, вызванных усилением глобализационных тенденций. Четвертая Промышленная Революция, в свою очередь, одновременно и является катализатором глобализации, и предлагает высокотехнологичные инструменты, которые могут быть использованы при разработке стратегий по решению глобальных проблем. При этом в качестве концептуальной основы для разрабатываемых стратегических решений могут стать существующие социальные теории.

Заключение

Основные результаты статьи были обсуждены на заседании кафедры экономической теории и политики факультета финансов Института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российского Федерации.

В заключение следует отметить что основной задачей современного образования должно стать формирование стратегического мышления как ключевого ресурса национального суверенитета в условиях становления экономики информационного общества, опирающейся на достижения Четвертой промышленной революции, происходящей на фоне глобализации и оформления модели многополярного мира, в которой каждый центр политической силы в первую очередь является субъектом развития, инициатором инновационного прорыва [16, 20, 21]. Стратегическое мышление должно быть нацелено на преодоление кризиса социально-гуманитарного знания, на обретение собственного места государства в глобальном мире, на максимальное раскрытие потенциала цифровой экономики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Анисимова Н. Лавров исключил участие «золотого миллиарда» в развитии России // РБК. 2023. 27 февраля. URL: https://www.rbc.ru/politics/27/02/2023/63fc68e09a79475e46f42a21 (дата обращения: 10.02.2025).

2. Балашов А.М. Цифровизация и использование искусственного интеллекта в производственных процессах современных предприятий// Теоретическая экономика. 2024. Том 119 № 11. с.34-41

3. Балашов А.М. Перспективы использования цифровых решений и возможностей «Индустрии 4.0» в производственных процессах предприятий горной промышленности// Теоретическая экономика. 2024. Том 110 № 2. с.46-53

4. Беспалов Д. NVIDIA потеряла почти $500 млрд капитализации из-за китайского ИИ // РБК. 2025. 27 января. URL: https://www.rbc.ru/quote/news/article/679776399a7947f4ed7e467b (дата обращения: 29.01.2025)

5. Гордеев В.А. Теоретическая экономия: новые мысли к развитию концепции// Теоретическая экономика. 2024. Том 110 № 2. с.4-11

6. Гордеев В.А. Теоретическая экономия: новые штрихи к избранной концепции// Теоретическая экономика. 2023. Том 105 № 9. с.4-10

7. Гурова И. М., Евдокимова С. Ш. Теория поколений как инструмент анализа, формирования и развития трудового потенциала // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). 2016. Т. 7. № 3. С. 150–159.

8. Гусар Е.С., Гусар В.И. Оценка влияния цифровой трансформации на функционирование социальных институтов// Теоретическая экономика. 2024. Том 110 № 2. с.116-127

9. Доклад о человеческом развитии в Российской Федерации за 2016 год / под ред. С. Н. Бобылева и Л. М. Григорьева. — М.: Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации, 2016.

10. Кокоурова А., Шкурко Е. В России самый высокий в Европе уровень убийств — как в Англии в XVII веке. Но назвать точное число погибших почти невозможно, а статистика очень запутанная // Если быть точным. 2024. 16 мая. URL: https://tochno.st/materials/v-rossii-samyi-vysokii-v-evrope-uroven-ubiistv-kak-v-anglii-v-xvii-veke-no-nazvat-tocnoe-cislo-pogibsix-pocti-nevozmozno-a-statistika-o-cen-zaputannaia-issledovanie-esli-byt-tocnym?ysclid=m6yl78hdi634209293 (дата обращения 03.02.2025)

11. Названы профессии с самыми низкими зарплатами в России // РИА Новости. 2024. 8 августа. URL: https://ria.ru/20240808/zarplaty-1964798755.html?ysclid=m71a4kbfqd980724110 (дата обращения 04.02.2025)

12. Путин назвал идею «золотого миллиарда» неоколониальной и расистской // ТАСС. 2022. 20 июля. URL: https://tass.ru/politika/15264159?ysclid=m6zy5p6xpq633651582 (дата обращения: 10.02.2025)

13. Стэндинг Г. Прекариат: новый опасный класс / Пер. с англ. Н. Усовой. М.: Ад Маргинем Пресс, 2014.

14. Тебейкин А.В. Использование постулатов школы обучения стратегического менеджмента в интересах развития персонала организации с учетом вызовов XXI века// Теоретическая экономика. 2024. Том 110 № 2. с.66-79

15. Фридман М.Ф. Инновационные технологии оптимизации взаимодействия бизнеса, власти и общества // Бизнес, власть и общество: философско-экономические основания государственно-частного партнерства. Учебное пособие. Под ред. М.Ф. Фридмана. Электронное издание. – М.: Издательство «Перо», 2025. – С. 434-436

16. Фридман М.Ф. Роль модернизации высшего образования в развитии кадровой политики в России: проблема глобализации стратегического управления // Бизнес, власть и общество: философско-экономические основания стратегического управления. Монография. Под ред. М.Ф. Фридмана. Электронное издание. – М.: Издательство «Перо», 2025. – С. 55-71

17. Фридман М. Ф. Евразийская интеграция и национальный суверенитет современной России: стратегия общественного выбора // Бизнес, власть и общество: философско-экономические

основания стратегического управления. Монография. Под ред. М.Ф. Фридмана. Электронное издание. – М.: Издательство «Перо», 2025. – С.71-79

18. Фридман М.Ф. Особенности глобализации стратегического управления в условиях трансформации экономической среды // Бизнес, власть и общество: философско-экономические основания стратегического управления. Монография. Под ред. М.Ф. Фридмана. Электронное издание. – М.: Издательство «Перо», 2025. – С. 80-93

19. Фридман М.Ф. Кадровая политика цифровой экономики в условиях глобализации стратегического управления // Бизнес, власть и общество: философско-экономические основания стратегического управления. Монография. Под ред. М.Ф. Фридмана. Электронное издание. – М.: Издательство «Перо», 2025. – С. 93-105

20. Фридман М.Ф. Зависимость технологического суверенитета страны от качества инженерного образования // Бизнес, власть и общество: философско-экономические основания стратегического управления. Монография. Под ред. М.Ф. Фридмана. Электронное издание. – М.: Издательство «Перо», 2025. – С.194-206

21. Фридман М.Ф. Зависимость технологического суверенитета страны от естественно-научного образования // Бизнес, власть и общество: философско-экономические основания стратегического управления. Монография. Под ред. М.Ф. Фридмана. Электронное издание. – М.: Издательство «Перо», 2025. – С.206-218

22. Фридман М.Ф.. Эколого-экономическая концепция глобализации стратегического управления кадровым обеспечением инновационного прорыва: научно-образовательная политика и маркетинг-менеджмент. Монография. – М.: Издательство «Перо», 2021. – 448 с.

23. Фридман М.Ф. Эколого-экономическая концепция инновационного прорыва: проблемы и возможности кадровой политики// Теоретическая экономика. 2021. Том 78 № 6. с.94-104

24. Чернышенко Д. В РФ доля учителей до 25 лет увеличилась всего на 1,5% за последние пять лет // ТАСС. 2025. 11 февраля. URL: https://tass.ru/obschestvo/23110895?ysclid=m71abrltsr339647454 (дата обращения 12.02.2025).

25. Шваб К. Четвертая промышленная революция. Эксмо. 2016.

26. Aggarwal R. Technology and Globalization as Mutual Reinforcers in Business: Reorienting Strategic Thinking for the New Millennium // MIR: Management International Review. 1999. Vol. 39. No. 2. P. 83-104.

27. Ajayi O., Bagula A., Maluleke H. The Fourth Industrial Revolution: A Technological Wave of Change // Industry 4.0 - Perspectives and Applications / Ed. by Gordan M. London: IntechOpen, 2023.

28. Anderson C. Makers: The new industrial revolution. New York: Crown Publishing Group, 2012.

29. Arawi, T., El Bachour, J. & El Khansa, T. The Fourth Industrial Revolution: Its Impact on Artificial Intelligence and Medicine in Developing Countries // Asian Bioethics Review. 2024. Vol. 16. P. 513-526.

30. Bonn, I. Improving strategic thinking: a multilevel approach // Leadership & Organization Development Journal. 2005. Vol. 26. No. 5. P. 336–354.

31. Chelliah, B.J., Latchoumi, T.P. & Senthilselvi, A. Analysis of demand forecasting of agriculture using machine learning algorithm // Environment, Development and Sustainability. 2022. Vol. 26. P. 1731-1747.

32. Chukwuma, E.C., Afolabi, O.O.D., Okonkwo, C.C. Application of geospatial technology and decision model in the development of improved food security index // Scientific Reports. 2024. Vol 14. No. 30204. P. 1-22.

33. Datrika V., Painoli G. Artificial intelligence in business-benefits and challenges // Turkish Online Journal of Qualitative Inquiry. 2021. June 30. Vol. 12. No. 5. P. 1377–1388.

34. Leszkiewicz A., Hormann T., Krafft M. Smart Business and the Social Value of AI // Smart Industry – Better Management / Ed. by Bondarouk T., Olivas-Luján M.R. Leeds: Emerald Publishing Limited, 2022. P. 19–34.

35. Liu J.H., Macdonald M. Towards a Psychology of Global Consciousness Through an Ethical Conception of Self in Society // Journal of the theory of social behavior. 2016. Vol. 46. No. 3. P. 310-334.

36.Schilirò D. Towards Digital Globalization and the Covid-19 Challenge // International Journal of Business Management and Economic Research (IJBMER). 2020. Vol. 11. No. 2. P. 1710-1716.

37.Shashkova, N., Chetyrbok, P., Lukyanova, Y., Kazak, A., Sidin, M. Artificial Intelligence in Education and Training // International Conference on Innovative Approaches to the Application of Digital Technologies in Education and Research / Ed. by Lapina, M., Prakasha, G.S., Grigoriev, S. 2022. Vol. 1222. P. 365-371.

38. Steger M. B. Globalization: A very short introduction. New York: Oxford University Press, 2003.

The globalization of strategic thinking in the context of the Fourth Industrial Revolution

Kudryavtsev Anton Andreevich
Postgraduate Student,
RANEPA, Moscow, Russian Federation
E-mail: anton.kud2004@mail.ru

Fridman Mikhail Feliksovich
Doctor of Philosophical Sciences, Professor,
RANEPA, Moscow, Russian Federation
E-mail: mffree79@mail.ru

KEYWORDS

globalization, strategic thinking, the Fourth Industrial Revolution, digital economy, innovative breakthrough, national sovereignty, information society economy, multipolar world, crisis of social and humanitarian knowledge, subjects of development

ABSTRACT

The twenty-first century is characterized by the intensive development of high technologies. The Fourth Industrial Revolution, associated with the development of artificial intelligence, robotics, cloud computing, additive technologies, augmented reality, and others, has significantly exacerbated political and economic competition between countries in the emerging multipolar world. The crisis of social and humanitarian knowledge, manifested in the gap between the rapidly growing level of scientific and technological development and the slowly changing level of development of human science and society, to a certain extent hinders the implementation of an innovative breakthrough, which threatens to ensure the national sovereignty of the state. Against the background of globalization, the economy of the information society is only taking shape, so the issues of strategic thinking of development actors come to the fore. The functions of humans and technologies in the digital economy should and most likely will be reviewed. It is necessary to determine who is the subject and who is the instrument. A balance must be found between economic benefits and human self-worth. The unprecedented speed of development of the latest technologies is fundamentally changing everyday life. Both the business environment and the political environment are changing under the influence of innovation. Whereas 20 years ago, the system of social, economic and political relationships between members of society was transformed by the popularization of electronic means of communication and the use of microprocessor power to solve routine computing tasks, today a set of advanced technologies that lead to the modernization of social patterns is combined into the concept of the Fourth Industrial Revolution. In the context of such accelerated scientific and technological progress, strategic thinking, as a tool for effective management of social structures, adapts to the requirements of a new, high-tech reality. The purpose of this article is to examine the globalization transformations of strategic thinking in the context of the trends of the fourth industrial revolution.

Роль вузов в развитии концепции устойчивого развития и ESG-повестки

Берендеева Алла Борисовна

Доктор экономических наук, доцент
ФГБОУ ВО «Ивановский государственный университет», г. Иваново, Российская Федерация,
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», Ивановский филиал, г. Иваново, Российская Федерация
E-mail: abab60@mail.ru

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

устойчивое развитие, ESG-повестка, «зеленые» вузы, университеты, концепция ESG-образования в вузах, бакалавриат, магистратура, профессиональный стандарт специалиста по достижению целей устойчивого развития

АННОТАЦИЯ

Показаны направления теоретических исследований человеческого капитала, роли вузов и университетов в реализации концепции устойчивого развития России и ESG-повестки, в том числе на страницах журнала «Теоретическая экономика». Раскрыты факторы растущего спроса со стороны бизнеса на специалистов в области УР и ESG, приведены примеры компаний-лидеров по количеству вакансий в области устойчивого развития. Показаны функции вузов, университетов по УР и ESG-трансформации экономики страны и регионов. Отражены международные и российские конференции по повестке УР и ESG, итоги реализации проекта «Приоритет-2030». Представлен перечень 10-ти ведущих устойчивых вузов мира по версии глобальных образовательных рейтингов: QS и THE. Сделан обзор программ по устойчивому развитию в ведущих университетах Европы и США, образовательных программ на российском образовательном пространстве. Приведены результаты нескольких исследований по тенденциям развития ESG-образования в российских вузах, примеры бакалаврских и магистерских программ по направлениям подготовки, связанным с УР и ESG, примеры партнеров образовательных программ по УР и ESG. Представлены предложения по совершенствованию ESG-образования в российских вузах. Поднят вопрос о трансформации концепции «зеленого» вуза в ESG-стратегию его развития, о принятии национальной концепции развития ESG в системе образования и развитие новой модели университета как крупной экосистемы, направленной на воспроизводство общества и экономики нового типа. Раскрыто значение утвержденного в 2024 г. Минтрудом России профессионального стандарта специалиста по достижению целей устойчивого развития.

JEL codes: A22, F20, I28, O33, Q28

DOI: https://doi.org/10.52957/2221-3260-2025-3-24-42

Для цитирования: Берендеева, А.Б. Роль вузов в развитии концепции устойчивого развития и ESG-повестки / А.Б. Берендеева. - Текст : электронный // Теоретическая экономика. - 2025 - №3. - С.24-42. - URL: http://www.theoreticaleconomy.ru (Дата публикации: 30.03.2025)

Введение

На Окружном совещании, где рассматривается Стратегия развития образования РФ на период до 2036 г. и на перспективу до 2040 г., специалисты и ученые отмечали главные вызовы, с которыми сейчас сталкивается российская система образования:

– трансформация миропорядка и ценностная война против России;
– демографическая яма;
– неравные стартовые возможности и разобщенность социальных групп;
– стремительное развитие искусственного интеллекта и цифровых технологий;
– необходимость обеспечения технологического лидерства и устойчивой и динамичной экономики.

В этих условиях перед российской системой образования стоят задачи обеспечения технологического лидерства страны, развития каждого человека, объединения общества [34].

© Берендеева А.Б., 2025

Разработка подходов, технологий и инструментов развития человеческого капитала, создание условий для раскрытия талантов, самореализации личности важно как на теоретическом уровне, так и на прикладном – в разрезе страны в целом, субъектов РФ и отдельных муниципалитетов и организаций.

Теоретическое осмысление современных подходов к развитию человеческого капитала продолжается через концепции социального государства и социальной экономики, социализации экономики и социальных свойств экономики; гармоничного, этичного экономического человека; нравственной, моральной экономики и др.

В журнале Ярославского государственного технологического университета «Теоретическая экономика» под редакцией доктора экономических наук, профессора В.А. Гордеева развиваются идеи концепции теоретической экономии как нового парадигмального мейнстрима в социально-экономических исследованиях [10].

На страницах журнала широко представлена тема воспроизводства человеческого капитала. Так, М. Комбаров пишет о рисках растущей пространственной поляризации в экономике, обеспечивающих воспроизводство человеческого капитала, о неравенстве при реализации прав граждан на медицинскую помощь и образование в регионах [15].

А. Тебекин, А. Кривцов, Л. Юнусов отмечают бурное развитие экономики знаний, креативной экономики и, соответственно, увеличение вклада интеллектуального труда в создание добавленной стоимости [22],

А. Созинова, Н. Савельева, Д. Чупраков и их коллеги характеризуют влияние цифровизации на трансформацию требований к личности и обществу на рынке труда, цифровые потребности работодателей и цифровые навыки личности [20],

М. Ковальчук и А. Ремезов раскрывают модель персонализированного обучения, предусматривающего учет индивидуальных потребностей обучающихся, их мотивации, интересов в условиях цифровизации и изменения запросов работодателей [14].

Как отмечает В. Новиков, в формирующейся новой социально-экономической системе доминирующей формой труда и системообразующим элементом является научно-технический труд [16]. В данной модели важным является вопрос о роли вузов в развитии концепции устойчивого развития и подготовке квалифицированных специалистов, обученных в данной сфере.

Развитие человеческого капитала происходит и через образовательную миграцию, которая способствует расширению доступа к образованию, развитию навыков, личностному росту. Так А. Тошпулотов, Е. Сурина, И. Матвеева и Е. Марикян, исследуя феномен образовательной миграции, ее «плюсы» и «минусы», отмечают необходимость смягчения негативного воздействия данной миграции на социально-экономическое развитие региона и максимального использования ее преимуществ [23].

На страницах журнала развиваются идеи и механизмы реализации концепции устойчивого развития и ESG (УР и ESG). Авторы анализируют теории и концепции циркулярной и «зеленой» экономики, концепции «Net Zero by 2050», «живой экономики», ноосферизма, эколого-экономической безопасности, др. [7].

В своих научных публикациях С. Шкиотов, М. Маркин, Д. Герасимов, М. Майорова, исследуя экосистему ЕАЭС, дают оценку спилловер-эффектов применительно к трудовым ресурсам, технологическому развитию, окружающей среде и экологии [18; 25].

Методы исследования

Целью нашего исследования является рассмотрение устойчивого развития, инструментов реализации ESG-повестки в российских вузах и развитие в России концепции ESG-образования.

Исследование устойчивого развития вузов и внедрение принципов и методов ESG-модернизации в образовательные программы опирается на использование общенаучных методов анализа и синтеза, индукции и дедукции, а также специальных методов научных исследований, к которым нами отнесены: метод контент-анализа экономических публикаций, метод экономической

компаративистики, монографический метод. В качестве основного источника информации выступили данные интернет-сайтов вузов, специализированных сайтов организаций по продвижению повестки УР и . ESG, материалы обзоров и научных исследований (в том числе по заказу госорганов) по развитию образования в области УР и ESG в российских вузах.

Основные результаты исследований

Россия стала одним из инициаторов разработки и принятия в 2005 г. Европейской экономической комиссией ООН «Стратегии образования для устойчивого развития» [38, с. 4]. Проанализируем факторы спроса и предложения специалистов в области УР и ESG в нашей стране.

Спрос на профессию специалиста в сфере устойчивого развития и ESG в России

Подготовкой и повышением квалификации ESG-специалистов для бизнеса в последние годы активно занимаются Школа управления Сколково, корпоративные университеты (например, СБЕРа), отдельные специалисты, эксперты. В настоящее время происходит ESG-трансформация корпоративных систем управления, Внутри компаний развитием ESG-повестки занимается Совет директоров, при этом, чем значительнее воздействие компании на природу, тем больше специалистов работает в области ESG. Обычно в крупных российских компаниях команда ESG насчитывает 3–15 сотрудников. Вузы находятся пока на начальном этапе подготовки таких специалистов, о чем будет сказано далее.

Профессия специалиста по УР и ESG – новая, но постепенно входит в топ востребованных профессий будущего, связана с изучением мировых практик в этой сфере, прохождением стажировок, знанием стандартов и др. Подготовка в сфере УР, полученная при обучении традиционной специальности, будет способствовать повышению конкурентоспособности выпускника образовательного учреждения в глазах работодателя.

Профессионал, который будет внедрять в работу компании принципы ESG и поможет стать ей более эффективной, требуется и в крупной корпорации, и на небольшом производстве, и в консалтинговой фирме или международной организации. По данным HeadHunter, с начала 2022 г. до середины сентября 2022 г. спрос на специалистов в сфере УР вырос на 20%. По числу вакансий лидируют крупные российские банки (рис. 1). Например, с сентября по ноябрь 2022 г. «СБЕР» опубликовал 20 объявлений, а ВТБ – 15. Также специалистов активно ищет бизнес, оказывающий консультационные и поддерживающие услуги, и компании, работающие с природными ресурсами. 40% работодателей ждут соискателя со степенью магистра. Работники ESG-сферы получают в среднем на 20% больше, чем их коллеги, не связанные с УР. По мнению экспертов, разница в оплате труда вызвана растущей популярностью зеленой повестки в бизнесе. Исследования показывают, что пока, несмотря на признание бизнесом важности УР, компании нацелены на удовлетворение текущих потребностей в кратчайшие сроки. поэтому у бизнеса преобладает спрос на дополнительные образовательные программы для сотрудников, а не спрос на бакалавров [42].

Исследование компаний (Банк ГПБ (АО), компания «СВЕЗА», ПАО «Татнефть», АО «Зарубежнефть», ООО «ИнгкаСентерс Рус Оперэйшн», ПАО «Интер РАО», ПАО АК «АЛРОСА», ПАО «Московская Биржа», ПАО «НОВАТЭК», Госкорпорация «Росатом», ПАО «Сбербанк России», АО «ОХК «Уралхим», аффилированные компании «Филип Моррис Интернэшнл» в России, МКПАО «РУСАЛ») показало, что почти две трети компаний-участников не обеспечены достаточным количеством ESG-специалистов [38, с.6].

К числу факторов растущего спроса со стороны бизнеса на специалистов в области УР и ESG можно отнести следующие:

– общественный запрос на зеленую трансформацию;

– расширение и конкретизация международной повести УР;

– появление национальных систем углеродного регулирования и введение пограничного углеродного налога;

– изменение российского законодательства об углеродных выбросах, работы с твердыми

коммунальными отходами [38, с. 4].

Рисунок 1 – Компании-лидеры по количеству вакансий в области устойчивого развития
Источник: ESG-центр ВШБ НИУ ВШЭ и Национальный ESG Альянс [44]

В исследованиях российских вузов разработан вопрос о компетенциях такого специалиста: ключевых, универсальные и специфические, компетенции по E, S и G-компонентам [27; 38; 42].

Поскольку внедрению ESG-стратегии бизнесу зачастую мешает отсутствие нужных знаний, поэтому целесообразно разрабатывать и внедрять в учебный процесс дисциплины, курсы повышения квалификации, включающие тематику ESG-концепции.

Роль университетов в развитии повестки УР и ESG

Устойчивое развитие и ESG-трансформация экономики может быть достигнута через внедрение технологических, социальных и управленческих преобразований. Важную роль в этом могут сыграть, прежде всего, высшие учебные заведения, университеты.

Анализ показывает, что новые рынки, в основном азиатские, развивают собственные стратегии в области ESG на национальном и корпоративном уровнях [27, с. 204]. Международный опыт говорит о том, что вузы могут играть важную роль в переходе к «зеленой» экономике. В 2005–2014 гг. ООН проводила декаду «Образование для устойчивого развития», важное место в этой инициативе было отведено именно университетам. Во многих ведущих зарубежных вузах, таких как Оксфорд, Гарвард или Лондонская школа экономики, реализуют концепцию «зелёного» вуза. Там внедряют экотехнологии, идет развитие экопросвещения, проводят экологические акции, происходит интеграция экологической тематики в образовательные программы [11].

Вузы могут занять важное место в ESG-повестке, выполняя информационную, обучающую, консультационную и другие функции.

Е. Балацкий и Н. Екимова в рамках государственного задания Правительства РФ Финансовому университету на 2021 год провели исследование рынка передовых университетов (РПУ), идентификацию университетов мира и показали, что не американские, а европейские вузы идут в авангарде подготовки кадров для постиндустриального общества [5].

Университеты, по мнению Т. Глининой и В. Холмогоровой являются площадкой, на которой можно формировать современные тенденции и будущих специалистов. На примере Удмуртского госуниверситета они показывают, что развитие ESG-повестки будет способствовать взаимодействию научных кругов с бизнес-партнерами [9].

По мнению А. Шадрина, ESG-концепция (экологический, социальный и управленческий аспекты деятельности) может быть использована в качестве основы для разработки программ и практик человекоориентированного управления в вузах и для продвижения их имиджа [24].

Э. Ахметова и Э. Нафикова приводят итоги опросов о знаниях ESG среди студентов и преподавателей вузов, поднимают вопрос о внедрении программ обучения в области устойчивого развития в российских университетах [2].

Специалисты отмечают, что развитие вузами ESG-повестки позволит повысить лояльность абитуриентов, а также привлечь для развития образовательной организации новых партнеров и спонсоров [11].

А. Вахрушина ставит вопрос о раскрытии показателей по достижению вузами целей устойчивого развития (ЦУР) в публичной отчетности на основе ESG-подхода. Автор систематизирует существующие фреймворки в области подготовки отчетов об УР, анализирует выборочные данные ведущих российских вузов по реализации ЦУР с использованием ESG-подхода; при этом используется метод контент-анализа [8]

На конференции «Университеты и устойчивое развитие: международная повестка и национальные цели России» (2024 г.) отмечалось, что в большинстве российских вузов к тематике УР и ESG проявляется минимальное внимание, об этом пишут и ученые [3; 28].

Наше исследование показало, что российские университеты все более активно проводят различные научные мероприятия и, направленные на достижение Целей Устойчивого Развития (ЦУР), все больше интегрируют устойчивые практики в свои образовательные программы через проведение конференций, создание курсов и направлений подготовки, специализаций, которые готовят студентов в области УР и ESG. Все это обусловлено запросами общества и потребностью рынка получить и использовать труд специалистов по УР и ESG.

В декабре 2023 г. в Нижнем Новгороде прошел Международный ESG-форум «СО.ЗНАНИЕ», собравший специалистов из разных вузов и организаций. Там, в частности, присутствовали представители ивановских вузов (проректор по науке и инновациям ИГХТУ) [35].

4 декабря 2024 г. прошла Конференция «Университеты и устойчивое развитие: международная повестка и национальные цели России». На конференции работало 2 секции: Секция 1 «Образование в сфере ESG: интересы студентов, возможности вузов и спрос работодателей» и Секция 2 «Достижения вузов в сфере устойчивого развития: критерии оценки» [28].

С 2018 г. проводится Северный форум по устойчивому развитию как важная платформа для обмена опытом и поиска решений, необходимых для адаптации к условиям Арктической зоны. В числе организаторов Форума – Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова (СВФУ) (г. Якутск).

В нашей стране быстро развивается информационный, образовательный и консультационный рынок повестки УР и ESG и, соответственно, конкурентная среда. Рекламируют в данной сфере свои услуги различные электронные платформы, аналитические и рейтинговые агентства, банки, образовательные и консалтинговые организации, др. Развивается тематика курсов повышения квалификации, куда добавляются курсы по УР и ESG.

С 2010 г. существует международный рейтинг «зелёных» вузов UIGreenMetric, который ранжирует университеты их по воздействию на окружающую среду, оценивает внедрение «зелёных» практик в деятельности университетов [45]. Есть мнение, что в ближайшее время появится система оценивания вузов по ESG-критериям [11, с. 190] по аналогии ESG-рейтингами российских предприятий и организаций.

В. Ергина и Я. Молчанова по итогам проведенного исследования отмечают, что профсоюзы, волонтерские центры, экологические инициативы много лет уже существуют в университетах, задолго до появления концепции «зелёного» вуза и ESG-повестки. А деятельность «зелёных» вузов направлена на минимизацию образуемых отходов, сокращение выбросов парниковых газов, ресурсосбережение,

разработку образовательных программ в области устойчивого развития, т.е. направлена на решение экологических проблем. ESG-стратегия позволяет расширить это направление и дополнить его социальными и управленческими изменениями. На примере РХТУ им. Д.И. Менделеева авторы показывают, что в последние годы деятельность университета сосредоточена не только на экологических проектах, но и на социальных изменениях, корпоративном управлении. Например, реализуются экологические проекты, детский технопарк и Акселератор Mendeleeev, выступающие как площадки для коммуникации науки, бизнеса, общества и городской среды. Программа развития РХТУ-2025 стала основой для новой стратегии «Зелёный университет», ориентированная в большей степени на ESG- стратегию. Эта программа предусматривает такие изменения, как популяризация технологического предпринимательства, создание высокотехнологичного кластера в центре Москвы, трансформация образовательных программ в соответствии с принципами УР, создание комфортной среды в кампусе, др. [11, с. 189]

С 2021 г. в нашей стране реализуется проект «Приоритет-2030». Список вузов, которые вошли в данную программу включает 108 университетов, в том числе: в ЦФО – 36 университетов (в том числе Ярославский госуниверситет им. П.Г. Демидова); Приволжский – 23; Северо-Западный – 14; Северо-Кавказский – 3, Южный – 4, Сибирский – 12; Уральский – 5, Дальневосточный – 9; участники «Приоритета-2030» разработали 409 стратегических проекта, более половины из них ориентированы на цифровую трансформацию, а также на мониторинг и контроль эмиссии парниковых газов. Вузы создали консорциумы вокруг таких научных направлений, как новая энергетика, освоение Арктики, современная генетика, экология (в том числе углеродная повестка). В этот список вошло много технических вузов и тех, кто выпускает кадры по естественно-научным направлениям подготовки [33].

Проводится мониторинг участия вузов в реализации целей устойчивого развития, при этом предлагается рассматривать развитие университета от модели 3.0 к модели 4.0 [26].

Центр устойчивого развития МГИМО с 2021 г. ежегодно выпускает экспертно-аналитический доклад «Тенденции развития ESG-образования в России». В докладе-2023 делается вывод, что «начало 2020-х годов стало для нашей страны временем значительного прорыва в формировании высшего образования по ESG-направлениям». Число программ бакалавриата увеличилось за год с 11 до 18, число программ магистерской подготовки с 37 до 69 [38, с. 4, 11].

На примере публикаций в e-library видно, что более активно повестку УР и ESG проводят вузы, где готовят специалистов для добывающей, обрабатывающей промышленности, энергетики, транспорта, сельского хозяйства, строительства.

Например, Ивановские ученые ИГЭУ публикуют научные исследования по тематике ESG в энергетике [21]. А. Багаутдинова и Е. Жернов поднимают вопросы повышения эффективности технического университета в ресурсодобывающем регионе. По их мнению, для университетов ESG-повестка – это не только ответственный подход к научным исследованиям и образованию, но и возможность дальнейшего стабильного развития и фундаментальной устойчивости. Можно согласиться с авторами, что инициативы вузов в ESG-повестке помогут расширению партнерских взаимовыгодных отношений с обществом и бизнесом во многих сферах. Особенно это важно для совершенствования инженерно-технического образования, развития ESG-ценностей у студентов. Авторы исследовали развитие процесса включенности университетов в ESG-повестку и сформулировали три основных вектора: формирование ESG-инициативы; включение вузов в ESG-повестку и привлечение крупных партнеров; формирование роли университетов в региональной и корпоративной ESG-повестке [3; 12].

Программы обучения по УР и ESG в вузах мира и России

В научных публикациях представлен международный опыт в этой сфере в странах ЕАЭС и БРИКС [29].

Ведущие университеты Европы и США предлагают много программ по устойчивому развитию.

Американские вузы больше фокусируются на корпоративной устойчивости и устойчивом ведении бизнеса, а европейские – на экологической и социальной устойчивости. В Европе спектр программ по разным направлениям, связанным с ESG, особенно широк.

Например, стипендиальная программа Европейской комиссии Erasmus Mundus предлагают магистерские курсы по следующим направлениям:

– Изменение климата и устойчивое развитие регионов
– Экология природных ресурсов и устойчивая энергетика
– Умные города
– Устойчивая инженерия
– Устойчивое образование для глобального развития
– Устойчивые нанотехнологии

Многие программы MBA также внедряют в свой учебный план аспект устойчивости. Например, итальянский Университет Боккони предлагает программу MBA Master in Sustainability Management, которая готовит лидеров в сфере устойчивости, готовых к внедрению устойчивых процессов в привычную систему управления предприятиями и ресурсами.

В список 10-ти ведущих устойчивых вузов мира в 2023 г. по версии глобальных образовательных рейтингов: QS Universities Rankings и Times Higher Education вошли университеты США (University of California, Berkeley, University of Pennsylvania, Yale University), Канады (University of Toronto, University of British Columbia), Великобритании (University of Edinburgh), Австралии (University of New South Wales, University of Sydney), Японии (University of Tokyo) и Новой Зеландии (University of Auckland).

В десятку лучших устойчивые вузы по версии THE в 2024 г. вошли университеты Австралии (Western Sydney University, University of Tasmania, RMIT University, UNSW Sydney), Великобритании (University of Mancheste, University of Exeter), Дании (Aalborg University), США (Arizona State University (Tempe), Канады (University of Alberta, Queen's University) [36].

Обучение УР можно встретить не только в рамках направлений подготовки «Экономика», «Юриспруденция», «Менеджмент» (это – основные сферы в устойчивом развитии), но и в других областях, например, инжиниринг, медиа архитектура и дизайн (проектирование зеленых городов или устойчивый дизайн). По мнению Е. Дубовицкой, директора Центра устойчивого развития в московской школе управления Сколково, большинство российских специалистов в области УР приходят в профессию или из профильных подразделений, работающих с запросами стейкхолдеров (заинтересованных лиц, сторон) в сфере ESG (IR, GR и др.), или из сферы коммуникаций (PR, КСО, маркетинг).

Всего 206 образовательных программ, из них:

– 12 российских программ бакалавриата
– 14 российских и 13 международных платных онлайн-курсов
– 47 российских и 23 международных бесплатных программ
– 22 российских и 53 международных программ магистратуры
– 3 российских и 8 международных программ лидерства и MBA
– 10 российских и 1 международная программа повышения квалификации

Странами-лидерами по количеству образовательных курсов (бесплатных и платных) выступают хедлайнеры внедрения инноваций и движения к углеродной нейтральности – Великобритания, Швеция, Финляндия, Норвегия и Дания. Зарубежных магистерских программ гораздо больше российских, однако обучение на них чаще всего длится 1 год, а на российских – 2 года. В России магистерские программы по устойчивому развитию представлены одними из лучших университетов страны, например, МГИМО, МГУ им. М.В. Ломоносова, НИУ ВШЭ и др. [39].

По данным исследований, в России есть 659 образовательных программ в области УР. Из них меньшая часть посвящена ESG, а большая – экологии. Программы в области УР наиболее популярны (по количеству обучающихся студентов) в московских университетах: МГУ им. М.В. Ломоносова,

РУДН и МГИМО [42].

По результатам исследования «Образование в области устойчивого развития и ESG», проведенного ESG-центром Высшей школы бизнеса НИУ ВШЭ и Национальным ESG-альянсом, в нашей стране быстро растет число образовательных программ по ESG-треку как на уровне университетов и бизнес-школ, так и на уровне корпоративного сектора [42].

Школа управления «Сколково» в 2025 г. реализует образовательную программу «Устойчивое развитие: от стратегии к тактике» – как комплексную программу по разработке индивидуального плана ESG-инициатив для компаний и организаций [37].

В нашей стране при разработке образовательных программ в большинстве случаев акцент делается на блок E-Environmental – это отмечают многие авторы [1], в рамках настоящего исследования данная позиция также находит подтверждение, поскольку большая часть направлений подготовки обучающих программ сконцентрирована так или иначе на Экологии, даже если и затрагивает экономический аспект. А проводимые вузами наиболее популярные мероприятия больше связаны в основном с обсуждением данной тематики, а не на прикладных разработках и практическом применении разработанных продуктов в производстве.

С. Новиков приводит анализ вовлеченности вузов Консорциума Недра в исследовательскую и образовательную повестку в части устойчивого развития с акцентом на экологическую составляющую ESG. Его анализ образовательных программ вузов (1066 программ по бакалавриату и магистратуре) показал, что пока только 1,2 % направленностей (профилей) образовательных программ ориентированы на область устойчивого развития, ESG, климата, углеродного регулирования, возобновляемых источников энергии, при этом данные программы в основном представлены на уровне магистратуры (93 % от всех идентифицированных), в рамках бакалавриата их – единицы. В данных программах обучения в основном популяризированы идеи экологической трансформации, ресурсосбережения, создания промышленных структур замкнутого цикла [17, с. 4-5].

В 2020-е гг. резко выросло число бакалаврских программ по этому профилю. Лидеры в предоставлении образовательных услуг в бакалавриате – московские вузы (предлагают 12 программ), затем идут университеты Санкт-Петербурга (3 программы), по одной — вузы Иркутска, Перми и Саратова. Приведем примеры:

– в Институте международной торговли и устойчивого развития МГИМО осуществляется подготовка бакалавров по профилям «Климатическая и экологическая безопасность» и «Глобальная экологическая политика»;

– в 2018 г. на базе РАНХиГС был создан Институт финансов и устойчивого развития, в структуре которого сформирован Научно-образовательный центр устойчивого развития. Создан многопрофильный бакалавриат: «Проекты устойчивого развития» по трём направлениям: менеджмент («Управление ESG-проектами»), государственное и муниципальное управление («Государственное управление устойчивым развитием») и международные отношения («Международные программы устойчивого развития»). Факультет финансов и банковского дела РАНХиГС реализуется бакалаврская программа «Финансы и ESG-трансформация бизнеса»;

– в РЭУ им. Г.В. Плеханова кафедра мировой экономики реализует программу бакалавриата «Глобальное устойчивое развитие» по направлению «Международные отношения»;

– в Российском университете дружбы народов – бакалаврская программа «Экология и устойчивое развитие»;

– в Финансовом университете при Правительстве РФ открыт новый профиль бакалаврской программы «Корпоративные финансы» – «Экономика корпорации и ESG-инвестирование»;

– в Иркутском национальном исследовательском техническом университете (подразделение – Байкальский институт БРИКС) внедрена программа бакалавриата «Устойчивая инновационная экономика» и т.д. [38, с. 14, 16, 17, 21, 25].

Появляются новые направления подготовки бакалавров – Жилищное хозяйство и коммунальная

инфраструктура, Управление качеством и Биология.

Особенно быстро растет число магистерских программ в российских вузах по тематике УР и ESG. Внедрение соответствующих программ магистратуры стало одной из важных составляющих федерального проекта «Экономика замкнутого цикла» [38].

Направления подготовки в рамках магистратуры в некоторых вузах РФ представлены в табл. 1. Во многих вузах языки обучения – русский и английский.

Таблица 1 – Направления подготовки в рамках магистратуры в некоторых вузах РФ

Вузы	Программы магистратуры
МГИМО	1. Менеджмент устойчивого развития (Центр устойчивого развития и ESG-трансформации МГИМО - МЦУР) 2. Климат и углеродное регулирование (кафедра международных комплексных проблем природопользования и экологии Института международной торговли и устойчивого развития МГИМО)
МГУ им. М.В. Ломоносова	1. Менеджмент биотехнологий 2. Национальные модели устойчивого развития (Лаборатория «Управление устойчивым развитием и ESG-трансформация») 3. Новые материалы и технологии для устойчивого развития экосистем (факультет наук о материалах)
РАНХиГС / Факультет финансов и банковского дела	Финансы и стратегии устойчивого развития
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»	1.Экономика окружающей среды и устойчивое развитие (факультет мировой экономики и мировой политики НИУ ВШЭ) 2. Управление устойчивым развитием компании (Высшая школа бизнеса НИУ ВШЭ) 3. Управление низкоуглеродным развитием (факультет географии и геоинформационных технологий НИУ ВШЭ)
Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова	1.Финансы устойчивого развития 2. ESG-трансформация предприятий (Высшая инженерная школа «Новые материалы и технологии» РЭУ им. Плеханова) 3. Зеленая экономика» и управление ресурсами (Высшая школа экономики и бизнеса РЭУ им. Плеханова)
Российский университет дружбы народов / Институт экологии	1. Рециклинг отходов производства и потребления 2. Органическое земледелие 3. Экспертиза в области охраны окружающей среды и устойчивого развития 4. Моделирование и прогнозирование процессов в экологии и экономике 5. Управление природопользованием 6. Экономика управления природными ресурсами 7. Управление охраной труда, промышленной и экологической безопасностью (HSE-менеджмент) 8. Комплексное управление твердыми отходами 9. Экологическая инженерия в строительстве 10. Экология города

Вузы	Программы магистратуры
Финансовый университет при Правительстве РФ	Финансы корпораций и ESG-трансформация бизнеса (факультет экономики и бизнеса)
Московский физико-технический институт (МФТИ)	Бизнес-аналитика и управление ESG-проектами
Московский гос. технический университет им. Н.Э. Баумана.	Устойчивое развитие и экологическая безопасность промышленного предприятия (кафедра инженерного бизнеса и менеджмента)
Московский университет им. С.Ю. Витте	Управление устойчивым развитием систем
Санкт-Петербургский государственный университет	1. Корпоративная социальная ответственность 2. География лесов и устойчивое лесоуправление
Санкт-Петербургский государственный экономический университет	1. Экономика энергетики и устойчивое развитие 2. Финансы устойчивого развития (ESG-финансы) 3. Устойчивая энергетика и экономика энергопереход
Университет ИТМО (Институт точной механики и оптики), СПб.	1. Промышленная экология и чистое производство 2. Умный город и урбанистика, специализация «Устойчивое развитие городов» (Институт дизайна и урбанистики НИУ ИТ-МОс)
РХТУ им. Д.И. Менделеева	Экспертиза в целях обеспечения устойчивого развития химической отрасли (кафедра ЮНЕСКО «Зелёная химия для устойчивого развития»)
Воронежский гос. технический университет	Устойчивое развитие урбанизированных территорий
Иркутский национальный исследовательский технический университет	1. Возобновляемая энергетика 2. Архитектура устойчивой среды обитания
Казанский гос. университет	1. Экономика низкоуглеродного и устойчивого развития 2. Экономика устойчивого развития и интегрированная отчетность (Высшая школа бизнеса)
Новосибирский гос. университет	Управление бизнесом для устойчивого развития
Орловский гос. университет им. И.С. Тургенева	Архитектура устойчивой среды обитания

Вузы	Программы магистратуры
Пермский национальный исследовательский политехнический университет	1. Управление отходами и экономика замкнутого цикла 2. Экономика и управление устойчивым развитие урбанизированных территорий 3. ESG-управление (программы 1–3 – по кафедре охраны окружающей среды факультета химических технологий, промышленной экологии и биотехнологий) 4. Экономика устойчивого развития (Гуманитарный факультет)
Саратовский национальный исследовательский гос. университет им. Н.Г. Чернышевского	Устойчивое развитие экосистем (биологический факультет)
Северо-Кавказский федеральный университет (г. Ставрополь)	1. Финансы устойчивого развития (ESG-финансы) (Институт экономики и управления) 2. Экологический мониторинг для устойчивого развития (медико-биологический факультет)
Южный федеральный университет (г. Ростов-на-Дону)	1. Управление устойчивым развитием (ESG) 2. Международный менеджмент и экономика устойчивого развития

Источник: составлено автором по [38; 40]

Партнеры МГИМО: Информационный центр Сельскохозяйственной и продовольственной организации ООН – ФАО, места стажировок и трудоустройства: министерства и ведомства РФ, экологические организации, ведущие консалтинговые компании, организации банковского сектора. ведомства федерального и регионального уровней, Банк России, консалтинговые и рейтинговые компании, предприятия реального сектора экономики, ведущие российские компании – лидеры ESG трансформации: ГК «Росатом», «Норильский никель», СИБУР, Уралкалий, Лукойл, ОАО «РЖД», СБЕР, ПСБ, ГК Самолет, Московская и Санкт-Петербургская биржи, Леруа Мерлен, Согаз, Ингосстрах, Societe General, AIG, Zurich.

Партнеры образовательных программ по УР и ESG в РАНХиГС – Минэкономразвития России, Центральный банк РФ, ПАО «Сбербанк», АО «ДОМ.РФ», АО «Альфа-Банк», АО «Россельхозбанк», ПАО «Промсвязьбанк», АО «Газпромбанк», ООО «МКПЦ», ООО «Экспобанк», ПАО «МТС» (МТС ФинТех), АО КБ «Солидарность», ПАО «Росбанк», «Высоцкий Консалтинг». Сетевой партнер образовательной программы – Международный университет в Женеве (The International University inGeneva).

Основными партнерами, предоставляющие возможность проходить студентам практику, выступают Агентство стратегических инициатив, Московская торгово-промышленная палата, Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН, ФИЦ биотехнологии РАН, компании «Россети Московский регион» и «Первый БИТ», а также профильные министерства и ведомства федерального уровня и субъектов РФ.

Среди преподавателей Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» – топ-менеджеры ведущих международных и российских компаний и крупнейших мировых консалтинговых компаний, входящих в академический совет программы (СБЕР, корпоративная академия Росатома, ГМК «Норильский никель», АО «Трансмашхолдинг», ПАО «Полюс», ПАО «ВымПелКом», благотворительный фонд «Система» и др.). Те же компании должны

предоставить студентам возможность практики и стажировок [38, с. 14, 16, 17, 19].

Есть программы обучения в аспирантуре по проблемам УР и ESG, например в Аграрно-технологическом институте РУДН – программа «Зеленая инфраструктура и устойчивое развитие» [38, с. 26].

Также в вузах создаются программы дополнительного профессионального образования, список которых, например, в московских вузах достаточно широк [38] и не входит в объект изучения в нашей статье.

Предложения по совершенствованию ESG-образования

По мнению аналитиков ESG-центра ВШБ НИУ ВШЭ и Национального ESG-альянса, главная проблема ESG-образования – отсутствие национальной рамочной концепции развития ESG в системе образования. Развитию ESG-образования мешает инертность руководства и отсутствие хороших преподавателей с нужными компетенциями. Университеты должны стремиться к оптимальному соотношению «академических» и практических специалистов. Высказываются предложения: создать план ESG-инфраструктуры и будущих образовательных продуктов. Еще одна задача – организовать кадровый фонд за счет привлечения практиков и предоставления им методологической и методической поддержки; обеспечить сбалансированный подход в обучении, разработку инструментов оценивания ESG-специалистов и поддержку студенческих объединений [42].

А. Петров предлагает меры для обеспечения успешного взаимодействия «вуз–бизнес»: создание специальной экосистемы (национальной, региональной, университетской), экспертной площадки с участием представителей органов власти для обсуждения правовых, финансовых и иных вопросов и их оперативного решения, единых цифровых и информационных платформ (площадок обмена опытом, знаниями и выработки технологических, экономических, социальных и иных проектов для совместной их реализации) [19].

О. Зиневич и Е. Мелехина считают, что в настоящее время, несмотря на актуальность, концепт устойчивого развития не используется в организации студенческого добровольчества, а идея и цели УР не определяют деятельность студентов на добровольных началах. В связи с этим они выдвигают предложения по активизации студенческого волонтерского движения в сфере УР и ESG [13, с. 118].

Аналитики журнала «Forbs» советуют определиться со следующими параметрами:

– уровень погружения в тему (начинающий, средний, продвинутый);
– раскрытие тем (узко и глубоко или максимально широко, но ознакомительно);
– структура программы (больше теории или практики);
– запрос на конкретные инструменты и подходы, для внедрения в текущей работе;
– необходимость обучения в группе и офлайн;
– выдача после окончания релевантного документа, подтверждающего обучение [39].

Е. Баженова и В. Лазутина дают рекомендации для образовательных организаций, построенные на принципах ESG: обеспечение образовательных ресурсов и системы поддержки студентов; управление информацией; постоянный мониторинг и периодическая оценка программ; профессиональный рост и развитие всего преподавательского состава; студентоцентрированное обучение и оценка успеваемости; внедрение экологических практик и формирование экокультуры [4].

Наше исследование показало, что дискуссионным является вопрос о компетенциях специалиста в сфере УР и ESG.

Есть мнение, что акцент в ESG-образования необходимо делать на экологию и менеджмент [28]. По мнению директора Центра управления устойчивым развитием компаний Высшей школы бизнеса НИУ ВШЭ А. Веселовой, ключевыми компетенциями для специалиста в области УР и ESG являются фундаментальные знания в области экологии, психологии или социологии. Также необходимо развивать непредметные навыки: критическое мышление и креативность. Авторы

исследования ESG-центра ВШБ НИУ ВШЭ и Национального ESG Альянса пришли к выводу, что один из ключевых принципов реализации устойчивого образования – это междисциплинарный подход, а само ESG-обучение должно затрагивать множество предметов: «экономика», «биология», «экология», «менеджмент», «право». При этом методы традиционного обучения необходимо дополнять использованием ситуационно-проектных методов

Компании же от выпускников вузов ждут умение работать в командах, исследовать и обобщать опыт, адаптироваться к вызовам, Отмечалось, что важно создавать эффективный механизм для связи между бизнесом и университетами, как основу достижения успеха и формирования высококвалифицированных кадров в отраслях экономики, развивать системы дополнительного образования, а для более глубокого изучения ESG-принципов и их применимости на практике – создавать платформы для сетевого взаимодействия между студентами, преподавателями, специалистами и экспертами. Был поставлен вопрос о программах двойной квалификации, включая высшее образование и переподготовку по профессиональному стандарту «Специалист в сфере устойчивого развития». Важна разработка модели компетенций для эффективного управления в области УР и ESG [28].

Исследования показывают высокий запрос у современной молодежи на активное решение проблем и задач в области экологии, социальной политики, эффективного менеджмента. Как пишет Е. Жернов, у современной молодежи высокие ожидания по вопросу ESG-трансформации и модернизации экономики стран, регионов, предприятий. У молодежи отмечается понимание всех бизнес-процессов, видение того, что руководители компаний принимают экологически и социально правильные и ответственные решения и проводят конкретные мероприятия в этом направлении [12].

Согласно опросу 7 000 абитуриентов и студентов московских и региональных вузов в возрасте 16–23 лет, проведенному флагманским проектом БФ «Система» «Лифт в будущее» совместно с PR-агентством TrendFox, хотя для комфортного ощущения 67% студентов нужен высокий уровень дохода, 40% хотят знать, что их деятельность связана с заботой о будущем. Это интерпретируется специалистами, что молодежь пытается осмыслить реальную цену ведения бизнеса для экологии, общества, человека. По данным компании Switch, среди миллениалов по всему миру доля тех, кто видит своим работодателем компанию, соответствующую принципам УР, составляет около 40% [43].

Важная задача вузов, университетов – подготовка высококвалифицированных специалистов, которые способны адаптироваться к выполнению бизнес-процессов предприятия. Растущий спрос на такие навыки и компетенции ставит перед высшими учебными заведениями задачу совершенствования не только формы образовательного процесса, но и внедрения новых направлений, дисциплин и проектов. Как отмечает И. Яхонтова, в качестве одного из образовательных трендов 2024 г. была общепризнана ESG-концепция образования. Автор отмечает, что в связи с актуальностью внедрения ESG-концепции необходима подготовка для предприятий специалистов с компетенциями управленцев, которые способны создавать, организовывать и управлять проектами УР в интересах государства, бизнеса и развития международного сотрудничества.

С целью адаптации образовательных программ к необходимым компетенциям УР и ESG необходимо изучение востребованности таких специалистов в регионе, цифровых возможностей для реализации образовательного процесса. В качестве задач, которые необходимо решить в связи с внедрением ESG-концепции в учебный процесс рассматривается обучение профессорско-преподавательского состава в данном направлении (и финансирование этого обучения), необходимость приобретения и внедрения цифровых инструментов и программных решений в образовательный процесс [27, с. 203-205].

В 2024 г. профессиональную деятельность, связанную с УР, стандартизировали посредством создания и утверждения Минтрудом России профессионального стандарта Специалиста по достижению целей устойчивого развития (корпоративно-социальной ответственности). Данный стандарт вступил в силу с 1 сентября 2024 г. и будет действовать до 1 сентября 2030 г. [31]. Данный

стандарт служит ориентиром для будущих специалистов и отвечает на запросы работодателей относительно необходимых компетенций для решения задач устойчивого развития.

Профессиональная деятельность специалистов по достижению целей устойчивого развития (корпоративно-социальной ответственности) в области изготовления продукции, работ, услуг включает в себя следующие типы задач: научно-исследовательский, организационно-управленческий, проектный, производственно-технологический и эксплуатационный [30].

Наименование вида профессиональной деятельности (ВПД) – разработка мер, направленных на оптимальное использование ограниченных ресурсов и использование экологичных (природо-, энерго-, и материало-сберегающих) технологий, на сохранение стабильности социальных и культурных систем, на обеспечение целостности биологических и физических природных систем. Цель ВПД – оптимальное использование ограниченных ресурсов и использование экологичных (природо-, энерго-, и материало-сберегающих) технологий, на сохранение стабильности социальных и культурных систем, на обеспечение целостности биологических и физических природных систем.

Предлагаемый профессиональный стандарт «Специалист по достижению целей устойчивого развития (корпоративно-социальной ответственности)» позволит:

– учесть все требования, предъявляемые к сотрудникам служб или отделов корпоративно-социальной ответственности организаций и корпораций, осуществляющих деятельность в интересах экономики;

– сформулировать и систематизировать требования, предъявляемые к квалификационным характеристикам работников, выполняющих трудовые функции по нормативно-техническому обеспечению в области изготовления продукции, работ, услуг на стадиях жизненного цикла.

В дальнейшем перечисленные требования будут использованы работодателями при определении кадровой политики, формированию кадрового резерва, организации аттестации работников, разработке должностных инструкций, тарификации работ, присвоении тарифных разрядов работникам и установлении систем оплаты труда. В нормативной документации также отмечается, что трудовые функции и трудовые действия разработанного профстандарта будут применяться при формировании образовательных программ среднего профессионального образования, высшего образования, дополнительных профессиональных программ профессиональной переподготовки и повышения квалификации специалистов в области достижения целей УР, корпоративно-социальной ответственности обеспечению в области обеспечения качества продукции и услуг [30].

Очевидно, что совершенствование данного профстандарта в условиях инновационных и технологических изменений в экономике является динамичным процессом и предусматривает:

– учет действующего законодательства;

– развитие методического инструментария;

– анализ видов профессиональной деятельности, международного опыта;

– использование опыта практиков и экспертов, бизнеса в сфере корпоративно-социальной ответственности.

Важная роль при этом отводится такому институту как Совет по профессиональным квалификациям торговой, внешнеторговой и по отдельным видам предпринимательской и экономической деятельности.

Выводы

Таким образом, необходимость реализации повестки устойчивого развития и ESG вузами – одна из сторон формирования новой модели университета как «крупной экосистемы, многофункциональной платформы для сотрудничества, глобального коммуникационного центра, ориентированного на воспроизводство общества нового типа,… определяющими параметрами» которого «становятся ориентация на инновации, опережающее непрерывное образование, управляемая широкая интеграция, социальная вовлеченность и вклад в устойчивое развитие» [41, с. 29].

Вузы занимают важное место в ESG-повестке, выполняя информационную, обучающую, консультационную и другие функции. В них начинают создаваться Центры по УР и ESG-трансформации. Вузы рассматриваются во многих публикациях как проводники идей УР и ESG-трансформации экономики. Но, как отмечают исследователи, работа в этом направлении находится в самом начале пути – доля образовательных программ в сфере УР и ESG-повестки еще невелика; в большинстве вузов к данной тематике проявляется минимальное внимание.

Наше исследование научных публикаций в e-library показало, что более активно повестку УР и ESG внедряют вузы, где готовят специалистов для добывающей, обрабатывающей промышленности, энергетики, транспорта, сельского хозяйства, строительства. Особенно быстро растет число магистерских программ в российских вузах по тематике УР и ESG. Внедрение соответствующих программ магистратуры стало, в том числе и результатом реализации национальных проектов, например, федерального проекта «Экономика замкнутого цикла». Необходимо шире внедрять положения теории и практики и в программы подготовки бакалавров, специалистов.

ESG-повестка для вузов – это не только ответственный подход к научным исследованиям и образованию, но и гарантия устойчивости и стабильного развития в будущем в поле профессионального обучения и переобучения, повышения квалификации, просвещения. Образовательные учреждения призваны готовить высококвалифицированные кадры с EGS-мышлением для экономики региона и страны в целом, используя принципы и технологии EGS-концепции. Необходима совместная работа представителей научно-образовательной среды (школы, колледжи, вузы) и бизнеса по внедрению концепции УР и ESG в образовательные программы с учетом международного и лучшего российского опыта.

Наше исследование показало, что дискуссионным является вопрос о компетенциях специалиста в сфере УР и ESG. Важна разработка модели компетенций для эффективного управления в области УР и ESG и дальнейшее совершенствование профессионального стандарта специалиста по достижению целей устойчивого развития.

Актуально принятие национальной концепции развития ESG в системе образования, подготовка преподавателей с нужными компетенциями, методологического и методического инструментария, единых цифровых и информационных платформ взаимодействия бизнеса, власти и вузов в сфере УР и ESG. В регионах необходимо изучить ресурсные возможности и ограничения (финансовые, цифровые, кадровые и другие) для реализации образовательного процесса, востребованность таких специалистов, наличие партнеров для реализации новой модели образования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Афанасьев М.П., Шаш Н.Н. ESG-трансформация в корпоративном секторе: систематизация глобального подхода // Проблемы прогнозирования. - 2022. - №. 6 (195). - С. 185-197.

2. Ахметова Э.Т., Нафикова Э.В. ESG политики вузов России // Экологические чтения-2024: сб. материалов XV Нац. науч.-практ. конф. - Омск, 2024. - С. 796-802.

3. Багаутдинова А.Р., Жернов Е.Е. ESG-повестка и развитие технического университета в ресурсодобывающем регионе // Сборник материалов XIV Всероссийской научно-практической конференции с международным участием «Россия молодая» (19-22 апреля 2022 г.); редкол.: К.С. Костиков (отв. ред.) [и др.]. - Кемерово, 2022.

4. Баженова Е.Е., Лазутина В.А. Механизм формирования экологической деятельности в образовательных организациях на принципах ESG // Кросскультурные аспекты менеджмента в деятельности социально-экономических систем: сб. материалов XIX Междунар. науч.-практ. конф. Редкол.: И. А. Тронина [и др.]. - Орел, 2022. - С. 243-249.

5. Балацкий Е.В., Екимова Н.А. Рынок университетов мирового класса: пересмотр геополитических и национальных стереотипов // Социологические исследования. - 2021. - № 9. - С. 117-131.

6. Бахматова А.К., Ковалева А.С. ESG повестка в университетах: как встроить принципы устойчивого развития в стратегию развития вуза / Устойчивое развитие перед лицом глобальных вызовов: сб. материалов междунар. науч.-практ. конф.. - Санкт-Петербург, 2024. - С. 155-172.

7. Берендеева А.Б. Институциональная среда устойчивого развития и ESG-трансформации российской экономики: мега-, макро-, мезо- и микроуровни (статьи 1, 2) // Теоретическая экономика: электрон. науч. журн. - 2024. - № 1 (109). - С. 98-119; - № 2 (110). - С. 92-115.

8. Вахрушина А.А. Раскрытие показателей о достижении целей устойчивого развития в отчетности российских вузов на основе ESG-подхода. Ч. I // Международный бухгалтерский учет. - 2023. - Т. 26. - № 9 (507). - С. 952-974.

9. Глинина Т.С., Холмогорова В.М. Вуз – площадка формирования ESG-повестки и ESG-приверженцев // Социальные коммуникации: наука, образование, профессия. - 2022. - № 22. - С. 92-97.

10. Гордеев В.А. Теоретическая экономия: продолжаем развитие концепции // Теоретическая экономика. - 2024 - №12. - С.4-11. - URL: http://www.theoreticaleconomy.ru (дата обращения: 01.02.2025).

11. Ергина В.Е., Молчанова Я.П. Трансформация концепции «зеленого» вуза в ESG-стратегию в РХТУ им. Д.И. Менделеева // Россия в XXI веке в условиях глобальных вызовов: проблемы управления рисками и обеспечения безопасности социально-экономических и социально-политических систем и природно-техногенных комплексов: сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф. РАН, Междунар независ. эколого-политол. ун-т, Гос. ун-т управления. - М., 2022. - С. 188-191.

12. Жернов Е.Е. Формирование экономики знаний в ресурсодобывающем регионе: роль опорного университета // Вестник Кемеров. гос. ун-та. Сер.: Полит., социол. и эконом. науки. - 2018. - №2. - С. 85-90.

13. Зиневич О.В., Мелехина Е.А. Российское студенческое волонтерство в контексте целей и ценностей устойчивого развития // Высшее образование в России. - 2024. - Т. 33. - №3. - С.104-125.

14. Ковальчук М.А., Ремезов А.К. Персонализированное обучение как фактор повышения конкурентоспособности будущих специалистов на рынке труда // Теоретическая экономика. - 2024 - №12. - С.67-75. - URL: http://www.theoreticaleconomy.ru (дата обращения: 01.02.2025).

15. Комбаров М.А. Проблемы воспроизводства человеческого капитала в России в условиях формирования рыночной экономики // Теоретическая экономика. - 2024 - №11. - С.76-95. - URL: http://www.theoreticaleconomy.ru (дата обращения: 01.02.2025).

16. Новиков В.А. Роль научно-технического труда в осуществлении новой индустриализации // Теоретическая экономика. - 2024 - №9. - С.42-52. - URL: http://www.theoreticaleconomy.ru (дата обращения: 01.02.2025).

17. Новиков С.В. ESG в вузах Консорциума Недра: основные тенденции в подготовке кадров в интересах устойчивого развития // Вектор экономики. - 2023. - № 9 (87). - URL:https://www.elibrary.ru/download/elibrary_ (дата обращения: 01.02.2025).

18. Оценка спилловер-эффектов интеграции на пространстве ЕАЭС :монография / С.В. Шкиотов, М.И. Маркин, Д.В. Герасимов, М.А. Майорова. - Ярославль : Изд-во ЯГТУ, 2024. - 123 с.

19. Петров А.М. Сотрудничество университетов и бизнеса: пути обеспечения их тесного взаимодействия в государственных инициативах // Актуальные проблемы науки и образования в условиях современных вызовов: сб. материалов XVI междунар. науч.-практ. конф. - СПб., 2022. - С. 218-223.

20. Созинова А.А., Савельева Н.К., Чупраков Д.В., Сайдакова В.А., Ведерников А.А. Трансформация личности и общества в условиях цифровизации рынка труда // Теоретическая экономика. - 2024 - №9. - С.12-25. - URL: http://www.theoreticaleconomy.ru (дата обращения: 01.02.2025).

21. Тарасова А.С., Карякин А.М., Великороссов В.В., Филин С.А. Интеграция системы ESG-менеджмента в корпоративную культуру предприятия как условие устойчивого развития современной энергокомпании // Финансы и кредит. - Т. 19. - Вып. 10. - октябрь 2023. - С. 1875-1889.

22. Тебекин А.В., Кривцов А.И., Юнусов Л.А. Формирование модели оценки вклада труда в экономический результат хозяйственной деятельности // Теоретическая экономика. - 2024 - №12. - С.46-56. - URL: http://www.theoreticaleconomy.ru (дата обращения: 01.02.2025).

23. Тошпулотов А.А., Сурина Е.А., Матвеева И.В., Марикян Е.А.Образовательная миграция и ее причины: теоретический анализ // Теоретическая экономика. - 2024 - №10. - С. 85-93. - URL: http://www.theoreticaleconomy.ru (дата обращения: 01.02.2025).

24. Шадрин А.А. Применение социально-управленческой технологии нейминга высшего учебного заведения: на примере университета ИТМО // Социология. - 2024. - № 10. - С. 128-136.

25. Шкиотов С.В., Маркин М.И. Влияние «технологического спилловера» из России на динамику социально- экономических показателей, характеризующих благосостояние населения стран-членов ЕАЭС. // Теоретическая экономика. - 2023 - №11. - С.105-117. - URL: http://www.theoreticaleconomy.ru (дата обращения: 01.02.2025).

26. Штыхно Д.А., Константинова Л.В., Гагиев Н.Н., Смирнова Е.А., Никонова О.Д. Трансформация моделей университетов: анализ стратегий развития вузов мира // Высшее образование в России. - 2022. - Т. 31. - № 6. - С. 27-47.

27. Яхонтова И.М. Актуальность и проблемы внедрения в образовательный процесс концепции ESG-образования // Высшее аграрное образование: состояние, проблемы и перспективы: сб. статей по материалам учеб.-методич. конф. - Краснодар, - 2024. - С. 203-205.

28. Агентство социальных исследований «Столица» (ASIS). Материалы конференции «Университеты и устойчивое развитие: международная повестка и национальные цели России (г. Москва, 4 декабря 2024 г.). - URL: https://agsis.ru/meropriyatiya/universitetyi-i-ustojchivoe-razvitie-mezhdunarodnaya-povestka-i-naczionalnyie-czeli-rossii/ (дата обращения: 17.02.2025).

29. Интеграция ESG-принципов и повестки устойчивого развития в университетах стран ЕАЭС и БРИКС. - URL: https://www.ra-national.ru/wp-content/uploads/2024/03/integracija_esg-ur_v_vuzah_eajes-briks-2.pdf (дата обращения: 17.02.2025).

30. Обоснование необходимости разработки профессионального стандарта «Специалист по достижению целей устойчивого развития (корпоративно-социальной ответственности)» - URL:https://mostpp.ru/upload/obosnovanie_112299_22122021.pdf (дата обращения: 09.02.2025).

31. Проект Приказа Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации «Об утверждении профессионального стандарта «Специалист в сфере устойчивого развития» (подготовлен Минтрудом России 26.04.2024). - URL:https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/56890750/ (дата обращения: 09.02.2025).

32. Профессиональные стандарты. Специалист по достижению целей устойчивого развития

(корпоративно-социальной ответственности). - URL: https://profstandart.rosmintrud.ru/obshchiy-informatsionnyy-blok/reestr-uvedomleniy-o-razrabotke-peresmotre-professionalnykh-standartov/index.php?ELEMENT_ID=112299 (дата обращения: 09.02.2025).

33. Сайт Минобрнауки России. Список университетов-участников Программы Приоритет-2030, отобранных по результатам рассмотрения программ развития Комиссией. - URL:https://minobrnauki.gov.ru/приоритет.pdf (дата обращения: 17.02.2025).

34. Сайт Ивановского госуниверситета. Новости 04.02.2025. Ректор ИвГУ принимает участие в Окружном совещании, посвященном Стратегии развития российского образования. - URL:http://ivanovo.ac.ru/about_the_university/news/15947/ (дата обращения: 09.02.2025).

35. Сайт Ивановского химико-технологического университета. Новости. Решаем экологические задачи на «СО.ЗНАНИИ». - URL:https://www.isuct.ru/department/ightu/news/2023/12/04/reshaem-ekologicheskie-zadachi-na-soznanii (дата обращения: 09.02.2025)..

36. Сайт компании Allterra Education. Устойчивое образование: что это, зачем и где изучать ESG. - URL:https://allterra.ru/articles/ustoychivoe-obrazovanie-chto-eto-zachem-i-gde-izuchat-esg/ (дата обращения: 21.02.2025).

37. Сайт Сколково. Образовательная программа «Устойчивое развитие: от стратегии к тактике». - URL:https://www.skolkovo.ru/programmes/esg-ot-strategii-k-taktike (дата обращения: 21.02.2025).

38. Тенденции развития ESG-образования в России: Экспертно-аналитический доклад / МГИМО, Турбина К.Е., Юргенс И.Ю., Ромов Р.Б. - М., 2023. - Вып. 2. - 64 с. - URL:https://mgimo.ru/upload/2023/10/xv-risa-esg-education-trends.pdf?utm_source=ya.ru&utm_medium=referral&utm_campaign=ya.ru&utm_referrer=ya.ru (дата обращения: 21.02.2025).

39. Устойчивое образование: зачем и где изучать ESG /К. Багрова, Е. Кузнецова, Л. Арсланова, А. Замякина, И. Новоселова, 13.07.2022. - URL:https://www.forbes.ru/education/511782-ustojcivoe-obrazovanie-zacem-i-gde-izucat-esg (дата обращения: 27.02.2025).

40. Устойчивое развитие. Где учиться? / С. Герасимова. - URL:https://kapoosta.ru/education/ (дата обращения: 27.02.2025).

41. Участие вузов в реализации целей устойчивого развития // Результаты мониторинга информации о тенденциях развития высшего образования в мире и в России. Вып. 9. М.: Рос. эконом. ун-т им. Г.В. Плеханова. НИИ развития образования, 2022. 142 с. - URL: https://www.rea.ru/ru/org/managements/Nauchno-issledovatelskijj-institut-razvitijaobrazovanija/Documents/МОНИТОРИНГ%20№%209_УЧАСТИЕ%20ВУЗОВ%20В%20РЕАЛИЗА- ЦИИ%20ЦЕЛЕЙ%20УСТОЙЧИВОГО%20РАЗВИТИЯ.pdf (дата обращения: 19.01.2025).

42. ESG-образование: какие навыки нужны, чтобы стать успешным специалистом /М. Бодрова, К. Чуракова, 16.06.2023. - URL:https://trends.rbc.ru/trends/education/648ab9c19a7947122d898211 дата обращения: 19.01.2025).

43. ESG-ценности для миллениалов: что важно студентам при выборе профессии [Электронный ресурс]. - URL: https://trendfox.ru/tpost/ezy2s0kzn1- esg-tsennosti-dlya-millenialov-chto-vazh дата обращения: 19.01.2025)

44. ESG-центр ВШБ НИУ ВШЭ и Национальный ESG Альянс. Краткий отчет по проекту «Образование в области устойчивого развития и ESG». - URL:https://esg-a.ru/uploads/research-file/Короткий%20отчет%20об%20исследовании%20ESG%20образования-1710413736.pdf

45. UI GreenMetric World University Rankings: Background of The Ranking. - URL: https://greenmetric.ui.ac.id/about/welcome (дата обращения: 17.02.2025).

The Role of Universities in Advancing Sustainable Development and the ESG Agenda

Berendeeva Alla Borisovna
Doctor of economic sciences, associate professor
Ivanov State University, Ivanovo, Russia
Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA), Ivanovo Branch, Ivanovo, Russia
E-mail: abab60@mail.ru

KEYWORDS

sustainable development, ESG agenda, «green» universities, universities, the concept of ESG education in universities, bachelor's degree, master's degree, professional standard of a specialist in achieving sustainable development goals

ABSTRACT

The article presents the directions of theoretical research of human capital, the role of higher education institutions and universities in the implementation of the concept of sustainable development of Russia and the ESG agenda, including those published in the journal «Theoretical Economics». The factors of growing demand from businesses for specialists in the field of sustainable development and ESG are revealed, and examples of leading companies in terms of the number of vacancies in the field of sustainable development are given. The functions of higher education institutions and universities in the sustainable development and ESG transformation of the country's and regional economies are shown. International and Russian conferences on the sustainable development and ESG agenda, and the results of the Priority 2030 project are reflected. A list of the world's 10 leading sustainable universities according to global educational rankings: QS and THE is presented. An overview of sustainable development programs at leading universities in Europe and the USA, and educational programs in the Russian educational space is given. The article presents the results of several studies on the trends in the development of ESG education in Russian universities, examples of bachelor's and master's programs in the areas of training related to SD and ESG, examples of partners of educational programs on SD and ESG. Proposals for improving ESG education in Russian universities are presented. The issue of transforming the concept of a «green» university into an ESG strategy for its development, the adoption of a national concept for the development of ESG in the education system and the development of a new model of the university as a large ecosystem aimed at reproducing a new type of society and economy is raised. The significance of the professional standard of a specialist in achieving sustainable development goals, approved in 2024 by the Ministry of Labor of Russia, is revealed.

Разработка индикатора финансового рынка на основе оценки внешней среды экспортно-ориентированной масложировой отрасли

Семяшкин Ефим Григорьевич

кандидат экономических наук, доцент
Финансовый университет при Правительстве РФ, г. Москва, Российская Федерация,
E-mail: egsemyashkin@fa.ru

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

экспортная привлекательность отрасли, продовольственная безопасность, методика оценки, методологический подход к рейтинговой оценки экспортоориентированного предприятия

АННОТАЦИЯ

В статье рассмотрены актуальные проблемы мирового рынка продовольствия. Показан анализ ключевых подотраслей агропромышленного комплекса с фокусом на проблемы и перспективы масложировой отрасли. Проведен анализ показателей отрасли: уровень урожайности культур, используемые площади, объем экспорта. Цель исследования заключается в формировании методики оценки внешней среды, разработанной в рамках методологического подхода рейтинговой оценки экспортно-ориентированных предприятий АПК РФ и разработке индикатора финансового рынка на его основе. Приведены результаты научных исследований по разработке предрейтинговой оценки экспортноориентированных отраслей и продуктов АПК РФ. Новизна данного подхода заключается в том, что в мировой практике существуют методики оценки привлекательности сферы бизнеса для отдельных компаний, например, матрица Маккинсея, ММНК, и другие, но они не выделяют как объект исследования экспортную сферу, которая для экономики России становиться все более важной. Новизна предлагаемой методики, заключается и в том, что используемые показатели отражают прежде всего экспорт сельскохозяйственной продукции – продовольствия. Практическая значимость стоит в апробации разработанной методики на примере показателей конкретной отрасли растительного масла. Приведены примеры ее использования за ряд лет. Предложен ряд мер для усиления конкурентоспособности позиций экспортеров продовольствия из России на международном рынке с учетом фокусе на масложировой продукции. Аналогично она может быть использована для анализа экспортных возможностей других отраслей АПК.

JEL codes: Q10, Q13, Q14

DOI: https://doi.org/10.52957/2221-3260-2025-3-43-52

Для цитирования: Семяшкин, Е.Г. Разработка индикатора финансового рынка на основе оценки внешней среды экспортно-ориентированной масложировой отрасли / Е.Г. Семяшкин. - Текст : электронный // Теоретическая экономика. - 2025 - №3. - С.43-52. - URL: http://www.theoreticaleconomy.ru (Дата публикации: 30.03.2025)

Введение

В истерически короткий промежуток времени Россия из импортера превратилась в экспортера сельхозпродукции. Экспорт продовольствия стал важнейшей сферой создания новых высокотехнологичных рабочих мест, важнейшим источником накопления валютных резервов страны.

Вместе с тем, процесс быстрого роста сопряжен с противоречивостью полученных результатов [1]. В ряде случаев из-за стремительного роста цен на продовольствие на внутреннем рынке, правительство было вынуждено вводит ограничительные меры на экспортные поставки зерна, сахара, подсолнечного масла в виде увеличения таможенных пошлин или прямого ограничения объема поставок. Оказалось, что используемый экономический механизм регулирования внешне-

© Семяшкин Е.Г., 2025

экономических связей в сфере продовольствия дает сбой. Сложилась парадоксальная ситуация. Когда практическая деятельность стала опережать теоретические изыскания в сфере регулирования экспорта продовольствия.

В предлагаемой работе рассматривается методика оценки экспортной привлекательности отрасли, которая не только актуальная для текущей ситуации, но и обладает новизной. В мировой практике существуют методики оценки привлекательности бизнеса для отдельной фирмы, (матрица Макксиенся, ББК, и т.д.) но нет оценки экспортной привлекательности отрасли. В аналитических работах для этих целей используется лишь общие показатели объема сырьевой базы или ресурсов.

Например, исходя из площади посева и предполагаемой урожайности дается заключение о возможных объемах поставок на внешний рынок того или иного продукта. При этом отсутствует комплексная взаимоувязка с показателями экономической эффективности. Предлагаемая нами методика восполняет данный пробел.

Экспортная привлекательность отрасли оценивается нами на основе использования шести взаимоувязанных показателей, учитывающих как интересы потребителей внутреннего рынка, так и интересы предприятий-поставщиков на внешний рынок и интересы государства в целом. Новизна и актуальность рассматриваемой темы очевидны. Практическая значимость показана на примере конкретной отрасли.

Темпы роста экспорта продукции АПК и в частности масложировой отрасли показали значительное опережение темпа прироста экспорта в целом, так экспорт сельхозпродукции в целом возрос с 16,8 млрд долл. в 2013 г до 40 млрд долл. к 2022 году (то есть прирост составил 138,1% за весь период наблюдения), в то же время экспорт масложировой продукции возрос с 2,2 млрд долл. до 4,0 млрд долл. (прирост составил 81,8%). Отметим что по сравнению с предыдущим 2021 годом экспорт масложировой продукции в 2022 году показал наибольший прирост 26,1% среди других наиболее значимых экспортно-ориентированных подотраслей АПК. В то время как прирост молочной и мясной продукции составил порядка 16,2%, а зерновых культур около 14,4% за тот же период наблюдения [2].

Методология исследования

В рамках исследования используется разработанный автором методологический подход скоринговой оценки отраслей, в основе которого лежит статистический и экспертный отбора показателей на основе анализа тематических исследований, связанных с анализом народного хозяйства.

Основная часть

Выбор показателей для оценки привлекательности экспортно-ориентированной отрасли осуществлялся с учетом методических подходов, выработанных рейтинговыми агентствами при анализе отраслей российской экономики. В число отобранных показателей вошли диверсификация потребителей, среднегодовой темп прироста отраслевого объема производства, изменение коэффициента конъюнктуры рынка за ряд лет, индекс Балласса, а также показатель, характеризующий продовольственную безопасность России - уровень самообеспеченности. Подробный расчет каждого из показателей описан в нижеприведенной части работы. Подбор факторов и определения их уровня значимости определялся исходя из первой апробации подхода в предыдущих исследования автора [6,7].

Привязка факторов к конкретным показателям осуществлялась по

5-балльной шкале в следующей последовательности исходя из максимальных и минимальных значений описанных ранее показателей за период с 2000 по 2021г:

1. Критерий «самообеспеченность». Если объем производства превышал потребность национального рынка более чем на:

– 10% – 5 баллов;

– 1-9% – 4 балла;

составлял к уровню потребности:

– 90-100% – 3 балла;

– 80-89% – 2 балла;

– менее 80% – 1 балл.

2. Далее идет такой показатель как «среднегодовой темп роста». Он предполагает, что если процессе исследования было установлено следующее:

– темп роста отрасли за период с 2000 г. до года предполагаемой оценки и за последние три года относительно оценки (например, для оценки на 2021 г. будет использован период с 2019 по 2021г). был выше среднеотраслевого – 5 баллов (закладываем дополнительную значимость последних периодов);

– если по первому периоду был выше, по второму ниже – 4 балла;

– если первый период ниже, второй выше – 3 балла;

– если первый и второй периоды ниже, но не более 5% – 2 балла;

– если ниже более чем на 5%–1 балл.

3. Критерий конъюнктуры цен определялся [3] по результатам ранговой оценки подотраслей относительно друг друга (считается превышение темпов роста цен подотрасли за весь период относительно темпов роста цен на продовольствие на мировом рынке: подотрасли с наибольшим количеством превышений ставиться максимальный балл -5, отрасли с наименьшим -1 балл) .

4.Доля на мировом рынке российского продукта.

– Если доля сельхозпродукта на мировом рынке была выше доли национального агропромышленного комплекса, то присваивается 5 баллов;

– составляла более 51% от среднего уровня – 4 балла;

– составляла 31-50% от среднего уровня – 3 балла;

– была ниже среднего уровня на 30% – 2 балла;

– была ниже среднего уровня на 30% и менялась по годам – 1 балл.

5. Критерий диверсификации. Определялся по доле в экспорте ТОП-3 импортеров.

– Если на их долю приходилось не более 30 % общего объема экспорта отрасли – 5 баллов;

– 31-40% – 4 балла;

– 41-50% – 3 балла;

– 51-60% – 2 балла;

– свыше 60% – 1 балл.

6. Индекс RCA [4]. Если значение показателя больше 1, то можно сказать об относительных преимуществах страны при экспорте данного продукта.

– 2 и более– 5 балла;

– 1,5-2 – 4 балла;

– 1-1,5% – 3 балла;

– 0,5-1 – 2 балл;

– 0-0,5 – 1 балл.

Ниже приведен пример расчета по одной из подотраслей:

Рейтинговая оценка подотрасли растительное масло (по разработанной скоринговой модели) на 2021 составила в разрезе показателей:

– по первому критерию («самообеспеченность») производство превысило потребности национального рынка на 62 (производство 45,4 млн т, потребность 28 млн т) (Приложение 1). Оценка 5 баллов;

– по второму критерию темп роста показателя составил 4 балла, т.к. за период 2000-2021 гг. среднегодовой темп роста объемов производства продукта был выше среднегодового темпа роста производства в АПК. По России он составил 2,94%, а по растительному маслу 17,1%. Но за период 2016-2021 гг. объем производства растительного масла увеличился на 52,7%, а по отрасли в целом

увеличение объемов производства составило 13% за тот же период;

– по третьему критерию – конъюнктура цен – ранг растительного масла занял 3-е место (расчет конъюнктуры цен на 2021 г. приведен в отдельной таблице). Оценка соответствует 3 баллам;

– по четвертому критерию оценка 5 баллов, т.к. доля российских экспортеров масложировой продукции на мировом рынке была 2,14%, а доля на мировом рынке продовольствия РФ составила 2,0% в 2021 году;

– по пятому критерию оценка составила 3 балла, т.к. доля ТОП-3 покупателей была в интервале 31-49% (для анализа используем наиболее консервативную оценку).

– по шестом критерию оценка составила 2 балла, т.к. индекс RCA составил в 2021 году 0,96.

Отметим, что отрасль растительного масла показала себя с сильной стороны по таким критериям как самообеспеченность, тем роста и конъюнктура цен. В тоже время относительно слабая оценка по индексу RCA.

Таблица 1 – Конъюнктура цен на основные экспортно-ориентированные отрасли

Продукты	За период 2001-2009 гг., кол-во раз		За период 2010-2021 гг., кол-во раз		Всего за период с 2001 по 2021 г.		Ранг
	выше	ниже	выше	ниже	выше	ниже	
Зерно	+ 5	- 4	+ 4	- 7	+9	- 11	4
Мясо и мясопродукты	+ 4	- 5	+ 2	- 9	+ 6	- 14	5
Молоко и молокопродукты	+ 6	- 3	+ 7	- 6	+ 13	- 9	2
Сахар	+ 5	- 4	+ 10	-1	+15	- 5	1
Растительное масло	+ 6	- 3	+ 6	- 6	+ 12	- 9	3

Источник: составлено автором на основе анализа динамики цен с сайта ФАО

Отметим, что исходя только из оценки показателя конъюнктуры цен наиболее привлекательными в 2021 году оказали подотрасли: сахар, молоко и молокопродукты, а также разительное масло.

Соответственно также приведем расчеты показателя конъюнктуры цен для конкурентной отрасли, а именно - масложировой.

Таблица 2 – Динамика прироста цены на масложировую продукцию и цен на продукцию АПК в целом с 2001 по 2021 г .

Год\ темп прироста цены	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011
На всю продукцию АПК	55,0	53,1	57,8	65,6	67,4	72,6	94,3	117,5	91,7	106,7	131,9
На растительное масло	42,5	55,1	62,6	69,6	64,4	70,5	107,3	141,1	94,4	122,0	156,5
Итог	-1	+1	+1	+1	-1	-1	+1	+1	+1	+1	+1

Год\ темп прироста цены	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021
На всю продукцию АПК	122,8	120,1	115,0	93,0	91,9	98,0	95,9	95,1	98,1	125,7
На растительное масло	138,3	119,5	110,6	89,9	99,4	101,9	87,8	83,2	99,4	164,9
Итог	+1	-1	-1	-1	+1	-1	-1	-1	+1	+1

Источник: составлено автором на основе анализа динамики цен с сайта ФАО.

Итоговая кумулятивная оценка подотрасли по всем шести выбранным факторам составила 22 балла. С учетом того что максимальная оценка составляет 30 баллов исходя из верхней границы возможной оценки каждого из факторов, то текущая оценка при ее конвертации в процентный диапазон соответствует 73% (22/30), что в целом свидетельствует о достаточно высокой оценке в целом масложировой подотрасли и ее привлекательности для дальнейшего наращивания поставок зарубежье.

Растениеводческие культуры имеют меньшую фондоёмкость в расчете на тонну продукта, что подтверждается рядом исследований [5], однако но количество свободных площадей пригодных для возделывания этих культур ограниченно. Фондоотдача с освоением менее плодородных замелей постепенно будет падать, и соответственно с неизбежностью возникает вопрос об расширении оборота животноводческой продукции для экспортных нужд. Но ее фондёмкость значительно выше и здесь как в никакой сфере потребуется помощь со стороны государства в виде проведения особой инвестиционной политики, ориентированной на поддержку экспортеров.

Нынешнее преимущество в экспорте растениеводческой продукции объяснимо тем, что для ее производства используются лучшие плодородные земли России, число которых ограниченно. Нынешние латифундисты с экономический позиций получают прибыль от продукции растениеводства за счет трех источников: дифференциальной ренты первого вида за счет использования лучших по плодородию почв они имеют более низки издержки и более высокую урожайность, а также за счёт дифференциальной ренты второго типа - по местоположению (особенно касается трех регионов-Ставропольского и Краснодарский края, Ростовской области) за счет близости к портам - рынкам сбыта и соответственно меньших издержек на транспортные расходы. Третьим весьма специфическим источником прибыли является наличие курсовой разницы далеко не в пользу рубля при которой стоимость рабочей силы в России имеет значительно меньшую стоимость чем в той же Европе.

Реализация этих условий осуществляется через сохранение закупочной цены на низком уровне у производителей растениеводческой продукции, а также ее значительной величиной при продаже на рынке покупателей. В последнем случае можно привести пример обращения трёх губернаторов основных зернопроизводящих регионов (приведенных выше) в котором они просили Президента России ограничить долю трейдеров с участием иностранного капитала до 20%, так как по их мнению занижая закупочную цену до 14 тыс. руб. за тонну они продавали его за 450 долларов (около 25-35 тыс. рублей по текущему курсу).

Нельзя не отметить, что преимущественно на экспорт (если говорить о зерне) идет сырье -зерно, а не продукты его переработки. То есть вся добавленная стоимость также остаётся в зарубежных офшорах. В противном случае за счет развития собственной переработки в тех же регионах можно было создавать на каждого занятого в АПК 6 рабочих мест в сфере переработки и торговли. Что также в прицепе характерно , но уже в меньшей степени для масложировой отрасли.

Если же говорить про масложировую отрасль, то наблюдается аналогичная ситуация с зерновой

отраслью, однако с ещё более строгими требованиями к климату и почве.

Рисунок 1. Карта регионов-производителей растительного масла (семян) в 2021 году.
Источник: расчёты автора на основе данных Росстата.

Отметим, что в 2021 - 2022 годах абсолютынми лидерами по производству растительного масла в Росссикой Федерации являлись такие регионы как Ростовская, Саратовская и Волгоградская облласти (на них приходится 5028 тыс тонн семян растительного масла или 32% от всего производства в России), соотвесвенно данные регионы также лидерами по экспорту данных культур).

Таблица 3 – Динамика основных показателей в разрезе масложировых культур с 20013 по 2022 год.

Показатель\ Период	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022
Экспорт АПК, млрд долл.	16,8	19,1	17	17,8	21,6	25,8	25,6	30,6	37,7	40
Экспорт масложировых культур (млрд долл)	2,19	2,27	1,87	2,21	2,71	2,67	3,44	3,89	3,19	4,02
Производство масложир. (тыс. тонн)	13 150	12 870	13 854	16 271	16 497	19 535	22 769	21 245	24 850	-
Площадь (тыс га)	11 073	11 211	11 517	12 320	12 630	13 941	14 615	14 398	16 623	-
Урожайность (центнеров1-го гектара)	13,3	12,4	12,9	13,9	14,1	14,6	16,3	15,2	15,3	-

Темп производства	-	-2%	8%	17%	1%	18%	17%	-7%	17%	-

Источник: расчеты автора на основе данных Росстата.

При этом целесообразно отметить, что в рост производства масложирвой продукции (в частности растительного масла) с 2014 по 2021 г в большей степени обусловлен ростом площадей (прирост площади 50,1%) ,нежели чем ростом урожанойсти (прирост около 15,0%).

Текущая динамика в части маслижоровой продукции осталась без существенных изменений для 2023 и 2024 года, в частности по предварительынм оценкам экспорт всей продукции АПК в 2024 году составил около 43,5 млрд долл (экспорт маслжировой продукции в натуральном выражении возрос на 5% относительно 2023 года и составил 11,7 млн тонн, или 7,77 млрд долл.) .

В тоже время для данной отрасли также остро стоит проблема дифферцированной рены трех типов и необходимости наращивания производств именно переработанной продукции. Подробное описание возможных подходов к поддержке таких компаний на основе предлоеженной в даннаом исследовании модели оценки отраслей АПК приведены в другой работе автора [6].

Предложенная нами модель может использована для оценки наиболее перспективных подотраслей АПК, и служить в качестве орентира при разработке и корректировке планов Правительства по разивтию и ситимулировани ю экспорта сельхозяйстывенной продукции АПК-одного из самых динамично рахваиващих направлений экспорта России в последние годы. С другой стороны в условиях оргграниченного дсоутпа к информацию, и частичного раскрытия публичных показателей компаний, предложенная модель позволить сформировать индикатор оценки преспетивности финансвого рынка предприятий масложировой отрасли (и других отраслей) для инвесторов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Папцов А.Г., Ушачева И.Г., Алтухов А.И. и др. Экспорт продукции АПК России: тенденции и развитие. М.: Сам Полиграфист; 2020. 256 с

2. Семяшкин Е.Г. Экспорт продукции АПК России: Текущее развитие и тренды. Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. 2019;(4):33-36. DOI: 10.31442/0235-2494-2019-0-4-33-36.

3. Ковалев В.В. Финансовый анализ: методы и процедуры. М.: Финансы и статистика; 2002. 559 с.

4. Balassa B.Trade Liberalization and Revealed Comparative Advantage / B.Balassa // Manchester School of Economic and Social Studies. – 1965. – № 33. –– P. 99–123.

5. Чижикова Т.А., Кошелев Б.С. Эффективность использования основных фондов растениеводства в Омской области // фундаментальные исследования/ 2019 - №9 – С.74-78.

6. Семяшкин Е.Г., Карминский А.М. Моделирование рейтинговой системы экспортно-ориентированных компаний АПК РФ. Механизм субсидирования. Финансы: теория и практика/ Finance: Theory and Practice. 2021;25(3):35-52. https://doi.org/10.26794/2587-5671-2021-25-3-35-52

7. Семяшкин Е.Г., Карминский А.М. (2023) Конкурентоспособность экспорта АПК. Фокус на дружественные страны // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. № 19 (4). С. 228-246.

8. Левин С. Л. (2019) «Структура экспорта АПК должна учитывать особенности потребления за рубежом». Электронный ресурс www.grainnorie.ru.

9. Данкерт С. А. (2024) «Эффективность надзора», «Информационный бюллетень. Аграрный пульс Великой страны». № 5, стр. 10-12. Синельников М. В. (2023) «Ветеринарное благополучие – гарантия продовольственной безопасности». Панельная дискуссия II Евразийский экономический форум – vetandife.ru

10. «Центр изучения молочного рынка» (2024) - news.myseldon.com.

11. Семяшкин Е. Г. (2023) Диссертация на соискание ученой степени кандидата экономических наук «Формирование системы кредитных рейтингов экспортно-ориентированных предприятий агропромышленного комплекса» ФГАОУ ВО «Московский государственный институт международных отношений (университет)». С.112-121. Семяшкин Г.М., Семяшкин Е. Г. «Влияние экспорта на общую доходность отраслей в АПК РК». Журнал «Экономика и предпринимательство» № 10, 2023 г.

12. Денисенко Р. (2020) «Рост народонаселения и продовольственная проблема». ppt-online.org.

13. Хейфец Б.А., Чернова В.Ю. Потенциал экспортоориентированного импортозамещения в агропромышленном комплексе ЕАЭС // Вопросы экономики. 2019. – №4. – С.74-89.

14. Кот С., Буздалов И.Н. Аграрные отношения и аграрная политика в современной России // АПК: экономика, управление.2017. –№ 1. – С.94-95.

15. Шкуренко А.В. Формирование общего аграрного рынка в ЕС: уроки для Евразийского экономического союза // Евразийская экономическая интеграция. 2015. –№4. – С. 73-94.

16. Фрумкин Б.Е. Агропромышленный комплекс России в условиях «войны санкций» // Вопросы экономики. 2015. –№12. –С.147-153.

17. Ксенофонтов М.Ю., Ползиков Д.А., Гольденберг И.А., Ситников П.В. Методологические проблемы формирования концепции продовольственной безопасности в России // Проблемы прогнозирования. 2018. – №5. –С.127-136.

18. Выгодчикова И.Ю. Инструментарий принятия решений об инвестировании крупных российских компаний с использованием иерархической процедуры ранжирования и минимаксного подхода // Прикладная информатика. 2019. –№14 (6). –С.123-137.

19. Выгодчикова И.Ю. Метод построения рейтинга конкурентоспособности российских компаний // Современная конкуренция. 2018. –№12 (2-3). –С. 5-17.

20. Волчкова Н., Турдыева Н. Микроэкономика российского импортозамещения // Журнал Новой экономической ассоциации. 2016. –№ 4 (32). – С. 140-146.

21. Березинская О., Ведев А. Производственная зависимость российской промышленности от импорта и механизм стратегического импортозамещения // Вопросы экономики.2015. – № 1. – С. 103-115.

22. Загашвили В. Зарубежный опыт импортозамещения и возможные выводы для России // Вопросы экономики. 2016. –№ 8. – С. 137-148

23. Идрисов Г., Пономарева Е. Политика импортозамещения и конкурентоспособность российской экономики // Экономическое развитие России. 2015. –№ 10. –С. 64-66.

24. Янбых Р. Г. Субсидирование сельского хозяйства: региональные сравнения // Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. 2017. –№8. – С.2-9.

25. Алтухов А. И. Государственная поддержка сельского хозяйства - основа совершенствования территориально-отраслевого разделения труда в агропромышленном производстве страны // Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. 2017. –№11. –С. 2-9.

26. Аничин В. Л., Елфимов А. Д. Оценка эффективности субсидирования сельскохозяйственных товаропроизводителей // Научные ведомости Белгородского государственного университета: Серия: История. Политология. Экономика. Информатика. 2014. –№1. – С.22-25.

27. Дудник А. В., Неганова В. П., Корюкина Н. В. Современные проблемы совершенствования государственной поддержки АПК // Проблемы современной экономики. 2017. – №1. – С.197-202

Development of a Financial Market Indicator Based on an Assessment of the External Environment of the Export-Oriented Fat and Oil Industry

Semyashkin Efim Grigorievich
Candidate of Economic Sciences, associate professor
Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia
Email: egsemyashkin@fa.ru

KEYWORDS

export attractiveness of the industry, food safety, assessment methodology, methodological approach to the rating assessment of an export-oriented enterprise

ABSTRACT

This article delves into the intricate dynamics of the global food market, specifically focusing on the analysis of key subsectors within the agro-industrial complex. Particular attention is given to the challenges and prospects of the fat and oil industry, as well as the assessment of industry indicators such as crop yield levels, cultivated areas, and export volumes. The primary objective of this study is to establish a methodology for evaluating the external environment within the framework of a methodological approach towards rating export-oriented enterprises in the agro-industrial sector of the Russian Federation. Additionally, the aim is to develop a comprehensive financial market indicator that can be derived from this assessment. In this paper, we present the findings of scientific research aimed at creating a pre-rating evaluation system for export-oriented industries and products within the agro-industrial complex in Russia. The novelty of this approach stems from the fact that while there exist methods for evaluating the attractiveness of business sectors for individual companies in global practice, such as the McKinsey matrix and MMOC, they do not specifically focus on the export sector, which is gaining increasing importance for the Russian economy. The novel aspect of the proposed methodology is that the indicators employed primarily reflect the export of agricultural products, particularly food. The practical relevance lies in validating the developed methodology through the analysis of specific indicators of the vegetable oil industry. Over several years, examples of its application have been provided, and a series of measures have been suggested to enhance the competitiveness of Russian agricultural exporters in the global market, with a particular emphasis on fat and oil products. This approach can also be applied to assess the export potential of other sectors within the agricultural industry.

Исламский банкинг в странах БРИКС: текущее состояние и перспективы развития

Глебова Анна Геннадьевна

доктор экономических наук, доцент
Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, г. Москва, Российская Федерация
E-mail: nauka_rf@mail.ru

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

исламский банкинг, страны БРИКС, исламские финансы, партнерское финансирование, сукук, исламские инвестиционные фонды, халяль-индустрия, финансовая инклюзивность

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена изучению исламского банкинга в странах БРИКС (Бразилия, Россия, Индия, Китай, ЮАР) как альтернативной финансовой модели, способной предложить новые решения в условиях глобальных экономических вызовов. Основная цель исследования заключается в оценке текущего состояния исламских финансов в этих странах и определении перспектив их интеграции в национальные экономические системы с учетом специфики каждой из них. Для достижения поставленной цели авторы провели анализ нормативно-правовой базы, сравнили принципы исламского банкинга с традиционной банковской системой, а также выявили ключевые барьеры и факторы роста, влияющие на развитие этого сектора в регионе. Методологическую основу работы составили сравнительный межстрановой анализ, статистические методы и обработка вторичных данных из актуальных источников за период 2020–2025 годов. Результаты исследования демонстрируют значительную дифференциацию в уровне развития исламского банкинга среди стран БРИКС. Наиболее успешные примеры его внедрения наблюдаются в ЮАР, где уже сформированы эффективные механизмы, тогда как в Индии и Бразилии этот процесс находится на начальной стадии. В России и Китае, несмотря на ограниченное присутствие исламских финансов, отмечается растущий интерес к их потенциалу. Исследование подтверждает, что исламский банкинг способен усилить финансовую инклюзивность, привлечь иностранные инвестиции и диверсифицировать экономические связи стран БРИКС. В заключение авторы формулируют рекомендации по преодолению регуляторных и инфраструктурных барьеров, а также подчеркивают необходимость адаптации исламских финансовых инструментов к локальным условиям для укрепления их роли в финансовых системах объединения.

JEL codes: F21, F33, G15, P45

DOI: https://doi.org/10.52957/2221-3260-2025-3-53-67

Для цитирования: Глебова, А.Г. Исламский банкинг в странах БРИКС: текущее состояние и перспективы развития / А.Г. Глебова. - Текст : электронный // Теоретическая экономика. - 2025 - 3. - С.53-67. - URL: http://www.theoreticaleconomy.ru (Дата публикации: 28.03.2025)

Введение

Глобальный рынок исламского финансирования демонстрирует устойчивый рост в последние годы. По данным ежегодного отчёта ICD-LSEG, совокупные активы исламских финансовых институтов достигли $4,5 трлн в 2022 году, увеличившись на 11% за год[1]. Исламский банкинг занимает ключевое место в этой системе – на него приходится около 70–72% всех исламских финансовых активов. Таким образом, исламские банки и окна являются крупнейшим сегментом индустрии, аккумулируя порядка $3,2 трлн активов по всему миру. Несмотря на глобальное распространение исламского банкинга (в мире насчитывается более 560 полностью исламских банков и свыше 250 «исламских окон» при традиционных банках), в крупнейших развивающихся экономиках, объединённых в блок

[1] *Islamic Finance Assets reach $4.5trln despite global uncertainty // IFAAS. URL: https://ifaas.com/islamic-finance-assets-reach-4-5trln-despite-global-uncertainty.html (дата обращения 26.02.2025)*

© Глебова А.Г., 2025

БРИКС (Бразилия, Россия, Индия, Китай, ЮАР), этот сегмент пока занимает скромное положение. В большинстве стран БРИКС доля исламских банковских услуг в национальных финансовых системах не превышает долей процента, а сами государства не относятся к числу лидеров исламской экономики. Тем не менее, актуальность исследования исламского банкинга в странах БРИКС обусловлена сразу несколькими факторами.

Во-первых, страны БРИКС представляют крупные экономики с суммарной долей значительной части мирового ВВП, и интеграция альтернативных финансовых моделей (включая исламскую) может влиять на мировую финансовую архитектуру [3]. Во-вторых, в двух из пяти стран группы проживают значительные мусульманские общины: в Индии – одна из крупнейших мусульманских общин мира (около 14% населения), в России – порядка 10–15% населения исповедуют ислам. Даже в странах с небольшим процентом мусульман (Бразилия, ЮАР, Китай) наблюдается интерес к исламским финансовым инструментам в контексте привлечения инвестиций из стран Персидского залива и развития халяль-индустрии. В-третьих, расширение состава БРИКС в 2024–2025 гг. за счёт присоединения стран с преимущественно мусульманским населением (в частности, Иран, ОАЭ, Египет, Индонезия) повышает стратегическую важность формирования благоприятных условий для исламского банкинга внутри объединения. Исламские финансовые принципы привлекают внимание как инструмент повышения финансовой доступности и этического инвестирования, что актуально для развивающихся экономик.

Проблема исследования заключается в том, что, несмотря на общемировой успех исламских банков в ряде регионов (Ближний Восток, Юго-Восточная Азия), в странах БРИКС их развитие сдерживается юридическими, институциональными и рыночными барьерами. Отсутствие специального регулирования, недостаток осведомлённости и кадров, а также конкуренция с доминирующей традиционной банковской системой приводят к тому, что исламский банкинг остаётся нишевым явлением в экономиках БРИКС. Таким образом, возникает необходимость комплексного анализа текущего состояния исламского банкинга в этих странах и оценки перспектив его развития с учётом специфики каждой экономики.

Цель исследования – определить текущее состояние исламского банкинга в странах БРИКС и оценить перспективы его развития, сопоставляя полученные данные с традиционной банковской системой. Для достижения данной цели в работе решаются следующие задачи: (1) проанализировать нормативно-правовую базу и инициативы по внедрению исламского банкинга в каждой из стран БРИКС после 2020 года; (2) провести статистический анализ масштабов и динамики исламских банковских услуг в рассматриваемых странах; (3) выявить экономические и социальные факторы, влияющие на развитие исламского банкинга; (4) сравнить опыт стран БРИКС между собой, а также с общими тенденциями мирового рынка исламских финансов; (5) определить ключевые перспективы и препятствия для расширения исламского банкинга в странах БРИКС и выработать рекомендации по его развитию в данном регионе.

Научная новизна исследования заключается в систематизации и анализе разрозненных актуальных данных об исламском банкинге в пяти крупных экономиках стран БРИКС, что позволяет впервые рассмотреть их в единой системе сравнения и выявить ключевые тенденции, барьеры и перспективы развития данного сектора в глобальном контексте.

Методы исследования

Исследование носит комплексный характер и опирается на комбинирование качественного и количественного методов анализа. В качестве основного подхода избран межстрановой сравнительный анализ (cross-country comparative analysis), позволяющий сопоставить опыт различных юрисдикций БРИКС в сфере исламского банкинга. Данный подход дополняется элементами описательной статистики и вторичного анализа данных.

Информационной базой исследования послужили открытые интернет-источники, преимущественно публикации 2020–2024 годов. В их числе: официальные документы и пресс-

релизы (законодательные акты, сообщения центральных банков и правительственных органов), отчёты международных организаций (например, Исламского банка развития, Совета по исламским финансам – IFSB, а также совместного индекса развития исламских финансов ICD-Refinitiv), материалы новостных агентств и деловых изданий, специализированные аналитические статьи. Все используемые данные являются актуальными на период 2023–начала 2025 года и имеют цифровые показатели (объёмы активов, темпы роста, рыночные доли), что обеспечивает возможность статистического сопоставления.

Результаты

В данном разделе представлены результаты анализа по каждой стране БРИКС – Бразилии, России, Индии, Китаю и Южно-Африканской Республике – в части развития исламского банкинга. Для каждой страны описано текущее состояние, включая нормативные условия, присутствие исламских финансовых институтов, объёмы операций и недавние инициативы.

Бразилия

Федеративная Республика Бразилия – самая крупная экономика Латинской Америки (ВВП около $2,1 трлн, рост ~2–3% в 2023 г.). Население преимущественно христианское; мусульманская община относительно небольшая – по оценкам Федерации мусульманских ассоциаций Бразилии, от 1,2 до 1,5 млн человек (около 0,7% населения)[2,3]. Несмотря на скромную долю мусульман, Бразилия активно вовлечена в мировой халяль-рынок: страна является одним из крупнейших экспортёров халяльного мяса и агропродукции в исламские страны. Этот фактор обусловил интерес к исламским финансовым инструментам как средству облегчения торговли и инвестиций с ближневосточными партнёрами.

В Бразилии пока нет полноценных исламских банков, лицензированных по шариатским принципам, однако существуют отдельные элементы исламских финансов. Некоторые зарубежные банки из мусульманских стран ведут операции в стране или рассматривают возможности для этого. Например, First Abu Dhabi Bank (ОАЭ) открыл представительство в Бразилии и продвигает исламские финансовые продукты на местном рынке [13]. Отдельные бразильские финансовые учреждения начали эксперименты с беспроцентными продуктами. Тем не менее, отсутствие специализированного правового поля создаёт сложности: как отмечают эксперты, двойное налогообложение исламских сделок (покупка и продажа актива в структуре мурбахи и др.) делает их менее выгодными[4]. Также регуляторы и налоговые органы пока слабо знакомы с принципами исламского финансирования [13], что затрудняет регистрацию и надзор за подобными операциями.

Несмотря на эти ограничения, исламские финансовые инструменты находят применение. В СМИ отмечается использование сукук-облигаций для финансирования инфраструктуры. В частности, ряд инициатив в Бразилии – например, проекты городского общественного транспорта – привлекали средства через исламские финансовые схемы. Так, сообщалось о сотрудничестве с Исламским банком развития (ИБР) в области финансирования развития: Бразилия рассматривала возможность выпуска сукук или получения целевых займов на условиях, соответствующих шариату, для проектов транспорта и энергетики. Однако эти проекты имеют характер отдельных случаев, а не системной практики.

С 2020 года в Бразилии наметился прогресс в осознании потенциала исламского банкинга. В 2021 годе в Федеральном Сенате состоялись исторические слушания по теме «финансы по исламским

[2] *2022 Report on International Religious Freedom: Brazil // US Department of State. URL: https://www.state.gov/reports/2022-report-on-international-religious-freedom/brazil/ (дата обращения 26.02.2025)*

[3] *Muslim Population by Country 2025 // World Population Review. URL: https://worldpopulationreview.com/country-rankings/muslim-population-by-country (дата обращения 26.02.2025)*

[4] *Adoção de 'finanças islâmicas' exige mudança da legislação fiscal, avaliam especialistas // Agência Senado. URL: https://www12.senado.leg.br/noticias/materias/2021/12/13/adocao-de-201cfinancas-islamicas201d-exige-mudanca-da-legislacao-fiscal-avaliam-especialistas (дата обращения 26.02.2025)*

принципам» – первые на таком уровне [18]. Инициатором выступил сенатор Жан Пол Претис (Jean Paul Prates), который подчеркнул, что Бразилии необходим правовой каркас для исламских финансов с целью привлечения инвестиций из богатых стран Персидского залива. Он внес запрос на проведение публичных слушаний в Комиссии по экономическим делам Сената, отмечая, что исламские финансы могут стать важным инструментом притока капитала в страну. На этих слушаниях эксперты и представители банков обсудили необходимые изменения – прежде всего в налоговом законодательстве – чтобы исламские банки и сделки могли функционировать без фискальных барьеров. По итогам дискуссий была сформирована рекомендация адаптировать законодательство (включая исключения в налогообложении для сделок «двойной покупки/продажи» в исламских структурах).

Хотя нормативные изменения ещё находятся в стадии обсуждения, сама тема получила поддержку. В частности, Бразильская торгово-промышленная палата по развитию связей с арабскими странами активно продвигает исламское финансирование как средство укрепления экспорта халяльной продукции. Эта организация способствует проведению семинаров и «roadshow»[5] по исламским финансам для бразильского бизнеса. В прессе подчёркивается, что понимание механизмов исламского банкинга и их практическое применение могут упростить экспортно-импортные операции халяль-продукции и привлечь ближневосточных инвесторов.

Россия

Российская Федерация – крупнейшая по территории страна мира, экономика которой в 2022–2024 гг. претерпевает адаптацию в условиях санкций и переориентации на восточные рынки. ВВП России составляет порядка $1,8–2 трлн (по паритету – выше), динамика волатильна (в 2022 г. спад, в 2023 г. умеренный рост). Население ~146 млн, из них значительная мусульманская община: по различным оценкам, 14–20 млн человек исповедуют ислам (около 10–14% населения). Мусульмане компактно проживают в ряде регионов – Татарстан, Башкортостан, Чечня, Дагестан, и др. – которые исторически заинтересованы в внедрении исламских финансовых институтов. Эти факторы создали социальный запрос на исламский банкинг, поддержанный в последние годы также экономической целесообразностью: в условиях ограничения доступа к западному капиталу российские власти ищут альтернативные источники финансирования, включая исламские страны.

До недавнего времени в России исламский банкинг развивался инициативами «снизу» и через сотрудничество с иностранными банками. В 2010-х годах появились несколько финансовых организаций, декларировавших работу по шариатским принципам (например, исламские кредитные кооперативы в Татарстане). Однако отсутствовало специальное законодательство, и такие организации действовали либо как обычные юридические лица, либо в формате микрофинансовых компаний, что сильно ограничивало масштаб операций. Крупные государственные банки экспериментировали с «исламскими окнами» за рубежом: так, в 2017 г. Сбербанк открыл подразделение исламского финансирования в дочернем банке в ОАЭ, а ВТБ консультировался с Исламским банком развития. Тем не менее, внутри страны до 2023 года не было ни одного банка с официальным статусом исламского.

Прорывом стало принятие в 2022 году федерального закона об экспериментальном правовом режиме для партнерского финансирования (де-факто – исламского банкинга). Этот закон заложил основу для пилотного проекта исламского банкинга, стартовавшего с 1 сентября 2023 года [4]. Эксперимент проводится на территории четырех субъектов РФ с заметной долей мусульманского населения: Республики Татарстан, Республики Башкортостан, Чеченской Республики и Республики Дагестан. На период эксперимента (изначально установлен 2 года до 1 сентября 2025 г.) в этих регионах разрешено создавать финансовые организации, работающие по принципам шариата, без взимания процентов и с особым перечнем операций. Банк России ведёт реестр участников эксперимента – в

[5] *Roadshow — это формат публичных мероприятий, используемый для презентации и продвижения проектов, продуктов или идей перед широкой аудиторией, часто с целью привлечения инвестиций, партнеров или клиентов. Этот формат предполагает серию встреч, презентаций или выступлений в разных городах или странах, что позволяет охватить большую и разнообразную аудиторию.*

него могут входить как кредитные организации (банки), так и некредитные финансовые организации (например, инвестиционные компании, лизинговые фирмы), удовлетворяющие установленным требованиям. Первым в реестр был включён банк «Ак Барс» как участник пилота, также интерес выразили некоторые региональные банки и исламские инвестиционные компании.

Закон определил закрытый перечень допустимых операций в рамках эксперимента: привлечение средств во вклад (беспроцентный), предоставление займов на основе партнерского участия, выпуск и размещение облигаций (сукук), лизинговые операции (идентичные иджаре), доверительное управление имуществом, участие в капитале, выдача гарантий. Запрещено установление фиксированной процентной ставки вознаграждения; вместо этого допускается переменное вознаграждение, зависящее от исхода проекта (прибыли). По сути, это легализует схемы мурабаха (торговое финансирование с наценкой) и мушарака/мудариба (долевое финансирование) в российской юрисдикции. В январе 2025 года, оценив первые результаты, комитет Госдумы предложил продлить эксперимент ещё на 3 года – до сентября 2028 г., а также расширить перечень разрешённых операций. В частности, планируется прямо запретить не только уплату, но и получение процентов (устранив двусмысленности), и разрешить некоторые дополнительные услуги, например, исламское страхование (такафул) и иные виды деятельности на финансовом рынке в рамках шариатских норм.

За первые месяцы эксперимента в регионах-участниках появились пилотные продукты. Так, банк «Ак Барс» (Татарстан) начал предлагать в экспериментальном режиме беспроцентные рассрочки на покупку жилья и автомобилей (аналог исламской ипотеки мурабаха). В Дагестане и Чечне местные инвестиционные компании заключили первые сделки по совместному финансированию бизнеса на условиях разделения прибыли (мушарака). Объём этих операций пока невелик – по оценкам, совокупный портфель «партнерского финансирования» к началу 2024 года составил около 300 млн рублей (около $4 млн). Тем не менее, важен сам факт запуска: ранее такие сделки не могли осуществляться официально.

Центральный банк России создал специальный Совет по экспертизе, который мониторит ход эксперимента и оценивает эффективность по заданным критериям. Одновременно прорабатываются стандарты – в законопроекте 2025 г. предусмотрено создание комитета по стандартам партнерского финансирования, который будет устанавливать дополнительные требования и нормы деятельности исламских финансовых организаций. Это шаг к формированию полноценной нормативной базы (аналог стандартов AAOIFI и IFSB, применяемых в международной практике исламских финансов).

В отсутствие полноценных исламских банков до 2023 г., доля исламского банкинга в России измерялась символическими величинами – менее 0,1% активов банковской системы. С началом эксперимента появились первые измеримые показатели: к концу 2023 года в реестр ЦБ вошли 15 организаций (банки и НФО) в четырёх регионах, общий капитал которых – около 100 млрд руб. Однако далеко не все эти средства задействованы в исламских операциях. По приблизительным оценкам экспертов, объём активов, реально работающих по шариатским принципам (беспроцентные финансирования, исламские вклады) в России к началу 2024 г. составляет около 5–6 млрд рублей (то есть ~$60–80 млн). Это включает активы исламских окон банка «Ак Барс», нескольких инвестиционных компаний и кооперативов. Для сравнения, суммарные активы банковской системы РФ – порядка 150 трлн руб., так что доля исламского сегмента – примерно 0,004%, то есть статистически пренебрежимо мала. Однако темпы роста высоки: фактически с нуля в 2023 г. возник новый сектор, и ожидается, что в ближайшие годы (при успешном расширении эксперимента) он может достичь долей процента.

В качестве вывода отметим, что Россия сделала значительный шаг вперёд, легализовав исламский банкинг в экспериментальном режиме. Ключевое достижение – создание нормативной основы, которая учитывает принципы шариата (запрет рибы – процентов, и др.) и интегрирует их в российское правовое поле через концепцию «партнерского финансирования». Первые результаты обнадёживают, хотя объёмы пока скромны. В дальнейшем многое будет зависеть от того, удастся ли привлечь в страну капитал из стран исламского мира (например, через выпуск сукук или

участие ближневосточных инвесторов в российских проектах) и удачно ли будут адаптированы продукты под запросы российских клиентов. Результаты математического прогнозирования на основе сформированного тренда [2] показывают положительную тенденцию исламского банкинга в настоящее время. Российские ученые активно исследуют проблемы и тенденции развития исламских финансов в России, отмечая благоприятные перспективы [2; 5; 6; 7]

Индия

Республика Индия – стремительно растущая экономика Азии (ВВП около $3,5–3,9 трлн, рост в 2022–2023 гг. ~6%). Индия – светское государство с множеством религий; мусульманская община составляет ~14% населения (почти 200 млн человек), что делает её третьей по численности мусульман в мире (после Индонезии и Пакистана). Несмотря на столь крупную мусульманскую популяцию, исламский банкинг в Индии фактически отсутствует: коммерческие банки страны не предлагают беспроцентных продуктов, и не существует лицензированных исламских банков. Это объясняется историческими и правовыми причинами – банковское законодательство Индии требует начисления фиксированной процентной ставки на депозиты и кредиты, что напрямую конфликтует с принципом запрета риба.

До настоящего времени Центральный банк Индии (RBI) и правительство занимали консервативную позицию, считая, что существующая финансовая система «для всех» обеспечивает равные возможности доступа, и специальных условий для исламского банкинга не требуется [16]. В 2016–2017 гг. обсуждалась идея разрешить «Islamic window» – исламское окно в государственных банках, – однако в 2017 г. RBI официально заявил, что не будет продвигать эту инициативу [17]. Формально причины – достаточность существующих услуг и сложность внедрения отдельного режима в секулярном государстве. Неофициально сыграли роль политические соображения (оппозиция со стороны некоторых групп, трактующих исламский банкинг как «религиозную привилегию»). В результате в индийском банковском секторе нет продуктов, помеченных как шариатские.

Однако спрос со стороны мусульманского населения на беспроцентные финансы частично удовлетворяется через альтернативные механизмы. В стране действуют десятки мусульманских кооперативных обществ и НКО, которые выдают беспроцентные ссуды на малого уровня (например, кассы взаимопомощи Baitul Maal). Несколько небанковских финансовых компаний (NBFC) работают по принципам шариата – яркий пример Cheraman Financial Services в штате Керала, основанная с участием правительства штата. Эта NBFC привлекает инвестиции от богатых мусульман и финансирует инфраструктурные проекты на основе долевого участия. Ещё одним сегментом являются этические и шариатские инвестиционные фонды: крупнейшие управляющие компании (Tata, Taurus и др.) запустили паевые фонды, инвестирующие только в акции компаний, соответствующих шариатским требованиям (без алкоголя, азартных игр, ростовщичества). Совокупный объём таких Shariah-compliant фондов превышает 1000 крор рупий[6] (около $130 млн) [10]. Фондовый рынок Индии даже имеет специальные индексы – BSE Shariah 50 и Nifty Shariah – отражающие динамику «исламских» акций.

Также индийские компании пользуются исламским финансированием на международном уровне. Например, в 2020-х годах несколько проектов в штате Гуджарат и на другом уровне получили финансирование через сукук, выпущенные за рубежом. Исламский банк развития (IsDB), хотя Индия не является его членом, предоставил льготные кредиты и гранты для социальных проектов в мусульманских общинах Индии. В частности, в 2021 г. Исламский Банк Развития одобрил финансирование ~$1,12 млрд на развитие инфраструктуры (энергетика, транспорт, продовольственная безопасность) и гранты для образовательных проектов в бедных мусульманских районах Уттар-Прадеш и Джаркханда. Эти средства не проходили через индийскую банковскую систему, но являются примером привлечения исламского капитала в экономику Индии.

[6] *1 крор равен 10 миллионам (10,000,000). Следовательно, 1000 крор рупий = 1000 × 10,000,000 = 10,000,000,000 рупий, или 10 миллиардов рупий.*

Таким образом, Индия демонстрирует парадокс – будучи домом для огромной мусульманской общины, она практически не интегрировала исламский банкинг в официальную систему. Причины – юридические препятствия и отсутствие политической воли, что подтверждается официальными отказами RBI от изменений [17]. Тем не менее, в теневой или полуофициальной плоскости существуют элементы исламского финансирования, удовлетворяющие часть спроса. Перспективы введения исламского банкинга зависят от смены регуляторной позиции: возможно, через пилотные проекты на уровне штатов (как Керала) или специального разрешения для государственных банков.

Китай

Китайская Народная Республика – одна из крупнейших экономик мира (ВВП около $17–19 трлн, рост ~5% в 2023 г.). Население свыше 1,4 млрд, из них мусульмане составляют меньшинство (около 1–2%, что равно 20–30 млн человек, главным образом этнические хуэй и уйгуры). Китай – светское социалистическое государство; финансовая система строго контролируется государством. В то же время Китай активно участвует в глобальных экономических инициативах, таких как проект «Один пояс, один путь» (Belt and Road Initiative, BRI), и стремится привлекать инвестиции из стран Ближнего Востока и Юго-Восточной Азии [14]. Это стимулировало интерес к исламским финансам как к инструменту укрепления связей с исламскими странами, хотя внутри Китая исламский банкинг развит слабо.

В материковом Китае нет официально действующих исламских банков. Все банки – государственные или коммерческие – работают по единым правилам, предусматривающим взимание процентов. Однако Китай не игнорировал полностью исламское финансирование. В начале 2000-х гг. был создан ряд финансовых компаний в Синьцзян-Уйгурском автономном районе, которые позиционировали продукты, учитывающие местные традиции (например, беспроцентные займы под торговые сделки для уйгурского бизнеса). Эти инициативы носили локальный характер.

Настоящий прорыв происходит через особые административные регионы и внешнеэкономическую деятельность. Гонконг – специальный административный район Китая – превратился в региональный хаб исламских финансов. Гонконг еще в 2013 г. изменил законодательство для выпуска сукук [11]. В 2014–2017 гг. правительство Гонконга успешно выпустило три суверенных сукук на общую сумму $3 млрд. Эти облигации, соответствующие шариату, продемонстрировали заинтересованность глобальных инвесторов. Более того, в 2023 г. на гонконгской бирже был листингован биржевой фонд (ETF) на саудовские акции в соответствии с исламскими принципами. В 2024 г. Гонконгская фондовая биржа добавила биржи Абу-Даби и Дубая в список признанных зарубежных торговых площадок, облегчив листинг ближневосточных ценных бумаг. Эти шаги укрепляют роль Гонконга как моста между Китаем и исламским миром.

Материковый Китай также предпринимает целевые меры. В Синьцзяне – регионе с преимущественно мусульманским уйгурским населением – реализуются проекты развития инфраструктуры с привлечением исламского финансирования. Например, сообщается, что при строительстве высокоскоростных железных дорог и энергетических объектов в западных районах Китай использует финансирование, структурированное по принципам партнерства, предоставляя инвесторам из стран ОИК долю в прибыли вместо фиксированных процентов. Таким образом, исламское финансирование интегрируется для решения внутренних задач: развитие отстающих западных регионов, смягчение межэтнической напряженности через экономическое участие мусульманского населения, накопление валютных резервов за счёт инвестиций из стран Персидского залива. Вместо того чтобы вводить исламский банкинг по всей стране, китайская стратегия – создать контролируемые исключения: дозволить отдельные структуры и сделки на периферии, не меняя кардинально национальные законы [15]. Такой подход признан более безопасным: «проще разрешить исключения под контролем, чем ввозить шариатское право в Китай» – отмечают эксперты.

Китайские государственные банки также стимулируются к расширению присутствия в исламских странах. В рамках BRI китайские банки открыли филиалы в странах Ближнего Востока и

Юго-Восточной Азии. Им рекомендовано запускать там «исламские окна». Например, Industrial and Commercial Bank of China (ICBC) в Дубае предлагает некоторые исламские продукты для локального рынка, удовлетворяя требования регуляторов ОАЭ. Эта экспансия позволяет китайским банкам набрать компетенции в исламском финансировании, не вводя их внутри КНР.

Китай заключил ряд соглашений с арабскими государствами по финансовому сотрудничеству. В 2022 г. на Китайско-арабском саммите обсуждалось создание в Синьцзяне регионального центра исламских финансов. В 2024 г. EY в своём отчёте «China Go Abroad» отмечала новые перспективы арабских инвестиций в Китай и рекомендуемые стратегии китайским предприятиям для работы с арабским миром[7]. Важную роль играет сотрудничество с Исламским банком развития – Китай является наблюдателем и пользуется услугами IsDB для финансирования проектов в других странах (например, ИБР профинансировал энергетические и транспортные проекты BRI в Пакистане, где генподрядчиками были китайские компании, через выпуск сукук на глобальном рынке).

В Гонконге власти объявили в 2023 г. о новом этапе развития исламских финансов: финансовый секретарь Пол Чан после визита в Саудовскую Аравию объявил о плане сделать Гонконг ведущим исламским финансовым центром Азии [8]. С учётом прогноза глобальных исламских активов более $3,8 трлн к 2025 г., Гонконг стремится привлечь эмитентов и инвесторов. Это подкрепляется соглашениями: в 2023 г. Гонконг подписал 10 меморандумов с саудовскими структурами о сотрудничестве в финансах и инвестициях [8], включая совместные разработки страховых продуктов по принципам такафул. Данный аспект подчёркивает, что Китай (через Гонконг) видит стратегические выгоды в исламском финансировании для диверсификации своих внешних рынков и снижения зависимости от западных финансовых центров.

Оценить объём исламского банкинга в Китае можно лишь косвенно. По данным глобального индекса развития исламских финансов, доля Китая в совокупных исламских финансах мира меньше 0,1%. В основном это вклад Гонконга (выпуски сукук ~$1 млрд и фондовые продукты). В материковом Китае объём специально исламских операций невелик – вероятно, считанные сотни миллионов долларов, связанные с проектами в Синьцзяне. Тем не менее, потенциал очень высок. Исследования указывают, что Китай имеет огромные возможности использовать исламские финансы для развития инициатив BRI и привлечения капиталов, при наличии политической поддержки и создания правовых условий. Пока же исламский банкинг не включён в официальный финансовый сектор КНР, оставаясь инструментом точечной внешнеэкономической политики.

Вывод: Китай выбирает осторожную модель внедрения исламского банкинга – «снаружи вовнутрь». Вместо изменения внутренних правил, он создаёт внешние плацдармы (Гонконг, зарубежные филиалы банков) и специальные зоны (Синьцзян) для работы по исламским принципам. Такой подход позволил воспользоваться преимуществами исламского финансирования (привлечение средств, лояльность мусульманских регионов) без прямого конфликта с социалистической финансовой системой. Перспективы роста исламского банкинга в Китае связаны прежде всего с успехом Гонконга как исламского финансового центра и с расширением связей с арабскими странами. Не исключено, что в среднесрочной перспективе (5–10 лет) Китай может разрешить ограниченную деятельность исламского банка на своей территории (например, в Синьцзяне или как совместное предприятие с иностранным капиталом).

Южно-Африканская Республика (ЮАР)

ЮАР – наиболее развитая экономика Африки на юг от Сахары (ВВП около $420 млрд, рост 1–2% в 2023 г.). Население ~60 млн человек, из них мусульмане составляют небольшое меньшинство – около 1,5% (примерно 0,9 млн человек)[8]. Несмотря на малую долю, мусульманская община ЮАР

[7] *EY releases the 11th issue of China Go Abroad // EY Greater China. Multidisciplinary professional services organization. URL: https://www.ey.com/en_cn/newsroom/2024/12/ey-releases-the-11th-issue-of-china-go-abroad (дата обращения 26.02.2025)*

[8] *Muslim Population by Country 2025 // World Population Review. URL: https://worldpopulationreview.com/country-rankings/muslim-population-by-country (дата обращения 26.02.2025)*

исторически хорошо организована и экономически активна. ЮАР – многонациональное государство с развитой банковской системой, включающей как местные банки, так и филиалы международных. Учитывая статус ЮАР как финансового центра Африки, неудивительно, что именно здесь исламский банкинг получил наибольшее развитие среди стран БРИКС до недавнего времени.

ЮАР имеет самый богатый опыт внедрения исламских финансов среди стран БРИКС. Ещё в 1989 году был учреждён первый исламский банк – Al Baraka Bank South Africa, связанный с одноимённой бахрейнской банковской группой. Он действует до сих пор, предлагая полный спектр банковских услуг согласно шариату. Кроме того, несколько крупнейших южноафриканских банков открыли исламские окна: например, ABSA Islamic Banking (подразделение одного из четырёх крупных банков ABSA), FNB Islamic Finance (Первый национальный банк) и отделение HBZ Bank (Habib Bank Zurich) с исламскими продуктами [9]. Эти подразделения предлагают мусульманским клиентам беспроцентные счета, ипотеку-такафул, автокредитование по иджаре и др. ЮАР также имеет развитый рынок исламских инвестиционных фондов: компания Oasis Crescent и ряд других управляют десятками паевых фондов, ориентированных как на местных, так и на зарубежных инвесторов, с активами около $2 млрд [20]. По числу исламских инвестиционных фондов ЮАР занимает 7-е место в мире (101 фонд), что выдающийся показатель для страны с небольшим мусульманским населением.

Правительство ЮАР достаточно рано признало потенциал исламского финансирования. Ещё в 2011 году налоговое законодательство было скорректировано, чтобы обеспечить нейтральный режим для исламских сделок – убрана двойная налоговая нагрузка при мурбаха (двойной транзакции купли-продажи). В 2014 году ЮАР стала первой страной Африки, выпустившей суверенный сукук на международном рынке. Этот дебютный выпуск объемом $500 млн на 5 лет был успешным – спрос превысил предложение в 4 раза[9]. Выпуск закрепил репутацию ЮАР как страны, открытой к исламским финансам, и привлёк внимание ближневосточных инвесторов. После перерыва почти в 9 лет, в 2023 году правительство ЮАР вновь вышло на рынок сукук, но уже с размещением на внутреннем рынке: в ноябре 2023 г. был выпущен домашний сукук на 20,4 млрд рандов (≈$1,08 млрд), разбитый на 4 транши с погашением в 2029–2036 гг. [19]. Этот выпуск стал первым исламским облигационным займом ЮАР с 2014 года и прошёл успешно – спрос превысил предложение (1,74х подписка). Суверенные сукук ЮАР показывают готовность государства использовать исламские инструменты для финансирования бюджета и инфраструктурных проектов.

В банковском регулировании ЮАР нет отдельного закона об исламских банках – они действуют по общим правилам, но регулирующие органы (Банк резервов ЮАР и Управление пруденциального надзора) выпускают рекомендации и надзорные стандарты, учитывающие специфику. Например, от исламских банков не требуют соблюдения нормы по резервированию процентов, а оценка рисков производится с поправками на партнерский характер контрактов. ЮАР также активно участвует в международных организациях: она член IFSB (Совета по финансовой стабильности исламских финансов) и применяет стандарты AAOIFI в деятельности своих исламских финансовых институтов.

Исламский банкинг в ЮАР остаётся нишевым сегментом, но имеет тенденцию к росту. По оценке Moneyweb, на март 2021 года активы исламских банков составляли лишь ~0,16% от совокупных банковских активов страны [12]. Однако такая низкая доля не отражает весь исламский финансовый сектор: если включить инвестиционные фонды и сукук, то общий размер исламских финансовых активов в ЮАР на конец 2021 г. достиг около $10 млрд (вместе с остальными странами Африки к югу от Сахары) [20]. Из них примерно $3 млрд приходится на активы исламских банков (включая окна), ещё $3 млрд – на сукук, около $2 млрд – на исламские фонды и остальное – takaful и пр. [20]. Доля чисто банковских активов (0,1–0,2%) невелика, но рост их заметен: по данным отдельных банков, депозиты в исламских подразделениях росли на 15–20% в год, опережая рост традиционных депозитов [12]. Пандемия COVID-19 не снизила темпы развития: некоторые исламские окна отчитались о притоке

[9] *Sovereign Sukuk – South Africa ZAR20.4bn Sukuk Ijarah // DDCAP Group. URL: https://www.ddcap.com/sovereign-sukuk-south-africa-zar20-4bn-sukuk-ijarah/ (дата обращения 26.02.2025)*

новых клиентов, привлечённых этическими мотивами и устойчивостью исламских продуктов.

В ЮАР исламские банки предлагают конкурентоспособные продукты. Например, ипотечные займы по модели мурбаха сопоставимы по ставке с обычными ипотеками, но заинтересовали не только мусульман, а и часть немусульманских клиентов, ищущих участие банка в рисках. Также были запущены исламские сберегательные счета, где доход выплачивается в форме бонуса (подарка) от банка, а не процента – это нашло отклик у консервативных вкладчиков. На волне ESG-инвестиций исламские фонды ЮАР позиционируются как соответствующие принципам устойчивости и социальной ответственности (избегая «греховных» индустрий, они фактически близки к ESG-фондам). Всё это расширяет привлекательность исламского финансового сегмента за рамками только религиозной ниши.

Таким образом, Южно-Африканская Республика доказала жизнеспособность исламского банкинга даже в среде с малым числом мусульман. При поддержке государства и гибком регулировании исламские финансовые институты интегрировались в финансовую систему ЮАР. Хотя их доля остаётся небольшой, страна использует преимущества: привлекает капитал через сукук, продвигает себя как центр исламских фондов на континенте, удовлетворяет потребности своей мусульманской общины, не вызывая противоречий с остальной частью населения. Этот опыт ценный для других стран БРИКС, стоящих перед выбором стратегии развития исламского банкинга.

Обсуждение

Проведённое исследование позволило всесторонне оценить текущее состояние исламского банкинга в странах БРИКС и определить основные тенденции и перспективы его развития.

Степень развития исламского банкинга в странах БРИКС существенно различается. На начало 2025 года можно выделить три группы стран по стадиям развития исламского банкинга:

1. Стадия зрелости исламского банкинга: ЮАР – наиболее интегрированный исламский банкинг (действующий исламский банк, окна в крупных банках, регулярные выпуски сукук), хотя и с рыночной долей более 1%.

2. Стадия интеграции исламского банкинга: Россия и, в определённой мере, Китай – сделали значимые шаги недавно. Россия запустила правовой эксперимент, позволивший начать деятельность исламских финансовых организаций; Китай использует Гонконг и внешние инструменты для исламского финансирования проектов. Оба государства демонстрируют политическую поддержку развитию сектора, ожидается рост его масштабов в ближайшие годы.

3. Стадия формирования исламского банкинга: Бразилия и Индия – исламский банкинг либо практически отсутствует (Индия), либо ограничен неформальными инициативами (Бразилия). Однако в Бразилии наметился прогресс в виде обсуждения законодательного маркера, тогда как в Индии существенных изменений пока не предвидится без смены регуляторной позиции.

Общим трендом является постепенное повышение интереса к исламскому банкингу после 2020 года. Это связано как с внешними факторами (рост глобальных исламских финансовых активов, расширение экономических связей БРИКС со странами ОИС), так и с внутренними (поиск альтернативных источников финансирования, потребность удовлетворить запрос мусульманского населения). Практически во всех странах БРИКС в период 2020–2024 гг. тема исламского банкинга вышла в публичное поле: проводились конференции, обсуждения в парламентах или правительственных структурах, заключались международные соглашения.

Исламский банкинг не конкурирует, а дополняет традиционную банковскую систему стран БРИКС. Его текущая и перспективная роль – нишевая, адресная: привлечение капитала из исламских рынков (через сукук и инвестиции), финансовая инклюзия мусульманских сообществ, предложение этичных финансовых продуктов, которые могут заинтересовать и немусульман (особенно в контексте ESG). Влияние на общую финансовую стабильность пока нейтральное ввиду малого масштаба, но по мере роста исламского сегмента можно ожидать позитивных эффектов диверсификации финансовых рисков. Традиционные банки начинают воспринимать исламские финансы не как угрозу, а как ещё

один инструмент – например, южноафриканские и российские банки сотрудничают с исламскими финансовыми институтами, вместо конфронтации (Сбербанк РФ заключил соглашение с группой ICD (Исламская корпорация развития) о партнёрстве в 2023 г., а в ЮАР Standard Bank являлся андеррайтером суверенного сукук [19].

Основные препятствия на пути развития исламского банкинга в БРИКС – правовые барьеры, налоговые особенности и недостаток осведомлённости – постепенно преодолеваются. Опыт ЮАР и теперь уже России показывает, что при политической поддержке можно создать эффективную регуляторную среду (будь то постоянные законы или временный спецрежим), снимающую ключевые ограничения (запрет процентов, двойное налогообложение). Это открывает двери для бизнеса. Слабая информированность компенсируется просветительскими мероприятиями – заметно усилилась роль конференций БРИКС и двусторонних форумов, где популяризируются исламские финансы. Тем не менее, в ряде стран (Индия, в меньшей мере Бразилия) ещё предстоит работа по разъяснению выгод исламского банкинга широкой общественности и элитам, чтобы преодолеть возможное сопротивление или инерцию.

Перспективы развития исламского банкинга в странах БРИКС в целом положительные, с оговорками по отдельным странам. Ожидается, что в течение ближайших 5-10 лет сектор будет расти во всех пяти экономиках, хотя и разными темпами. ЮАР, вероятно, упрочит своё положение африканского исламского финансового центра (возможен рост доли рынка до нескольких процентов). Россия имеет шанс из стадии интеграции перейти в группу лидеров региона ЕАЭС по исламским финансам, если эксперимент будет успешно институционализирован – её мусульманское население и интерес со стороны стран-партнеров могут обеспечить быстрый скачок сегмента. Китай будет усиливать исламский банкинг через Гонконг и внешние каналы, что косвенно отразится на материковом Китае, особенно если Гонконг привлечёт значительные исламские инвестиции в юанях. Бразилия, преодолев начальный этап, способна построить мосты финансирования с Ближним Востоком – реалистично ожидать появления исламских финансовых продуктов в крупнейших банках Бразилии в долгосрочной перспективе, а доли даже 1% исламских активов от банковской системы Бразилии эквивалентны десяткам миллиардов долларов, что существенно. Индия остаётся самым неопределённым звеном – потенциал огромен, но нужен политический импульс. Если он возникнет (например, в связи с изменением правительства или экономическими соображениями), Индия может стремительно догнать и превзойти других по объёму исламского банкинга, учитывая масштаб её рынка. Если же статус-кво сохранится, исламские финансы останутся на периферии её экономики, реализуясь главным образом через внешние связи (индийские фирмы будут привлекать средства через исламские инструменты за рубежом, как это уже происходит).

Заключение

На основании изложенного, можно предложить рекомендации для продвижения исламского банкинга в регионе БРИКС:

1. Правительствам стран БРИКС следует интегрировать вопросы исламского финансирования в повестку сотрудничества (через рабочие группы, обмен опытом между центральными банками). Особенно полезно создать постоянный консультативный совет БРИКС по альтернативным финансам, куда войдут представители как традиционных регуляторов, так и эксперты исламского банкинга.

2. Странам, не имеющим профильного законодательства (Бразилия, Индия), целесообразно рассмотреть временные «пилотные» режимы по примеру России – это снизит риски и позволит протестировать рынок без немедленного принятия всеобъемлющих законов.

3. Усилить информационную поддержку: проводить регулярные семинары для банковских руководителей в БРИКС о том, как работать с исламскими инвестициями, развенчивать мифы о «низкой прибыльности» или «исключительности» исламского банкинга. Опыт ЮАР показывает, что правильное позиционирование (как этическое и инновационное финансирование) привлекает даже немусульманских клиентов, что расширяет рынок.

4. Использовать многосторонние институты (Новый банк развития БРИКС) для практических шагов – например, пилотный выпуск «Sukuk BRICS» мог бы стать знаковым проектом, продемонстрировавшим единство стран в освоении исламских инструментов.

5. Стимулировать академические исследования и сотрудничество университетов стран БРИКС в области исламских финансов, чтобы накапливать собственную экспертизу и готовить кадры на месте, а не полностью полагаться на внешних консультантов.

В заключение, исламский банкинг в странах БРИКС переходит из разряда экзотической новинки в реальную составляющую финансового ландшафта, хотя пока и небольшую. Его дальнейшее развитие будет зависеть от продолжения реформ и инициатив, начатых в 2020-х годах. Успехи ЮАР и первые плоды эксперимента в России демонстрируют жизнеспособность модели при поддержке государства. Остальным странам важно учитывать этот опыт. В мире, стремящемся к более диверсифицированной и устойчивой финансовой системе, исламский банкинг может занять достойное место, и страны БРИКС, обладая значительным экономическим весом, способны стать одним из драйверов этого процесса, обеспечив тем самым себе дополнительный приток инвестиций и укрепление связей с динамично развивающимся исламским экономическим пространством.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Антропов В.В. Исламские банки в мировой финансовой системе // Деньги и кредит. – 2017. – № 7. – С. 57-64.

2. Веретехина С.В., Хаддад Б. Исламский банкинг: моделирование динамики исламского банкинга для настоящего времени и на будущие периоды // Экономика. Бизнес. Банки. – 2024. – № 4(74). – С. 8-19.

3. Глебова А. Г. Экосистемный подход к формированию единого института развития на примере стран БРИКС // Международная торговля и торговая политика. – 2024. – Т. 10, № 4(40). – С. 168-182. – DOI 10.21686/2410-7395-2024-4-168-182.

4. Исламский банкинг в России: в чем суть партнерского финансирования // РБК Инвестиции. 01.02.2025. URL: https://www.rbc.ru/quote/news/article/64d61d2a9a7947eb00acb24b (дата обращения: 26.02.2025).

5. Нагимова А. З. Исламские финансы глазами бизнеса и населения стран СНГ // Вопросы экономики. – 2022. – № 6. – С. 69-90. – DOI 10.32609/0042-8736-2022-6-69-90.

6. Фитуни Л.Л., Абрамова И.О. Мусульманский полюс мировой экономики и джинн глобализации // Вестник МГИМО Университета. – 2018. – № 4(61). – С. 55-77. – DOI 10.24833/2071-8160-2018-4-61-55-77.

7. Хаддад Б. Внедрение исламского банкинга в маркетинговую деятельность финансовых организаций // Экономика. Бизнес. Банки. – 2023. – № 1(67). – С. 79-85.

8. Aamer Yaqub. Hong Kong Relaunches Islamic Finance Drive Under Paul Chan's Plan // The Halal Times. 03.11.2024. URL: https://www.halaltimes.com/hong-kong-relaunches-islamic-finance-drive-under-paul-chans-plan/ (дата обращения: 26.02.2025).

9. Abdu Seid Ali. Islamic Banking and Finance in South Africa // Country Reports 14, No:29, April, 2023. DOI: http://dx.doi.org/10.26414/ur14

10. Ahmed H.M. What Is the State of Islamic Banking in India? // The Halal Times. 23.11.2021. URL: https://www.halaltimes.com/what-is-the-state-of-islamic-banking-in-india/ (дата обращения: 26.02.2025).

11. Chai Hua. Hong Kong ready for Islamic finance takeoff // China Daily. 27.09.2024. URL: https://www.chinadaily.com.cn/a/202409/27/WS66f63b11a310f1265a1c53c3.html (дата обращения: 26.02.2025).

12. Clark J. Islamic banking: A growth market for customers seeking no-interest products // Moneyweb. URL: https://www.moneyweb.co.za/in-depth/absa-relationship-banking/islamic-banking-a-growth-market-for-customers-looking-for-no-interest-products/ (дата обращения: 26.02.2025).

13. Daniel I. Brasil vai discutir marco legal de finanças islâmicas // Agência de Notícias Brasil-Árabe (ANBA). 15.04.2021. URL: https://anba.com.br/brasil-vai-discutir-marco-legal-de-financas-islamicas/ (дата обращения: 26.02.2025).

14. Djafri F., Laldin M.A., Laallam A. The Global Perspective of Islamic Finance and the Potential for China to Tap into the Islamic Finance Market // Journal of Islamic Business and Management. 2021. Vol. 11, No. 1. pp. 14-28. DOI: 10.26501/jibm/2021.1101-002 (дата обращения: 26.02.2025).

15. Erie M.S. China and Islamic Finance: Past, Present, and Future. Transnational Dispute Management. Vol. 19, Issue 6. ISSN: 1875-4120. November 2022.

16. Islamic banking: Government has no intention of introducing Islamic banking: Mukhtar Abbas Naqvi // The Economic Times. 26.11.2017. URL: https://economictimes.indiatimes.com/news/economy/policy/government-has-no-intention-of-introducing-islamic-banking-mukhtar-abbas-naqvi/articleshow/61806915.cms (дата обращения: 26.02.2025)

17. Not to pursue Islamic banking in India, says RBI // The Economic Times. 12.11.2017. URL: https://economictimes.indiatimes.com/industry/banking/finance/banking/not-to-pursue-islamic-banking-in-india-says-rbi/articleshow/61614540.cms (дата обращения: 26.02.2025)

18. Pincer P. Especialistas discutem possível marco legal para finanças islâmicas no Brasil // Senado Noticias (Brasil). 13.12.2021. URL: https://www12.senado.leg.br/radio/1/noticia/2021/12/13/especialistas-

discutem-possivel-marco-legal-para-financas-islamicas-no-brasil (дата обращения: 26.02.2025).

19. SA government issues R20.4 billion domestic sukuk, marks first Islamic bond since 2014 // IOL (Independent Online, South Africa). 23.11.2023. URL: https://www.iol.co.za/business-report/economy/sa-government-issues-r204-billion-domestic-sukuk-marks-first-islamic-bond-since-2014-e13ea27c-fb9a-4fd6-a8bd-c7264cb1d525 (дата обращения: 26.02.2025).

20. SSA: Islamic finance assets rose 20% YoY in 2021 (report) // Agence Ecofin. 30.11.2022. URL: https://www.ecofinagency.com/finance/3011-44076-ssa-islamic-finance-assets-rose-20-yoy-in-2021-report (дата обращения: 26.02.2025).

Islamic Banking in BRICS Countries: Current State and Development Prospects

Anna G. Glebova
Doctor of Economic Sciences, Associate Professor
Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation
E-mail: nauka_rf@mail.ru

KEYWORDS

Islamic banking, BRICS countries, Islamic finance, partnership financing, Sukuk, Islamic investment funds, Halal industry, financial inclusion

ABSTRACT

The article examines Islamic banking in the BRICS countries (Brazil, Russia, India, China, South Africa) as an alternative financial model capable of offering innovative solutions amid global economic challenges. The primary objective of the study is to assess the current state of Islamic finance in these nations and identify prospects for its integration into their economic systems, taking into account the unique characteristics of each country. To achieve this goal, the authors analyze the regulatory frameworks, compare the principles of Islamic banking with conventional banking systems, and identify key barriers and growth factors influencing the development of this sector in the region. The methodological foundation of the research includes comparative cross-country analysis, statistical methods, and the processing of secondary data from relevant sources covering the period from 2020 to 2025. The findings reveal significant discrepancies in the development of Islamic banking across BRICS countries. The most successful implementation is observed in South Africa, where effective mechanisms have already been established, while India and Brazil remain at a nascent stage of adoption. In Russia and China, despite limited penetration of Islamic finance, there is growing interest in its potential. The study highlights the capacity of Islamic banking to enhance financial inclusivity, attract foreign investment, and diversify economic ties within BRICS. In conclusion, the authors propose recommendations for overcoming regulatory and infrastructural barriers, emphasizing the need to adapt Islamic financial instruments to local contexts to strengthen their role in the financial systems of the BRICS alliance.

Влияние региональной интеграции на торговлю сельскохозяйственной продукцией в ЭКОВАС

Н'Горан Коффи Селестен

кандидат экономических наук, старший преподаватель
Университета Пелефоро Гон Кулибали в Корого, Кот-д'Ивуар
E-mail: nkoffiagos2012@gmail.com

Титова Людмила Анатольевна

кандидат экономических наук, доцент
Ярославский государственный университет имени П.Г. Демидова, г. Ярославль, Российская Федерация
E-mail: luxe22@yandex.ru

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

сельскохозяйственная интеграция, региональная интеграция, торговля сельскохозяйственной продукцией, ЭКОВАС, единый внешний тариф, гравитационная модель, нулевая торговля, сельскохозяйственная политика

АННОТАЦИЯ

Сельскохозяйственный сектор ЭКОВАС сталкивается с низкими объемами обмена по сравнению с другими регионами. Развитие сельскохозяйственного производства и торговли имеет решающее значение для обеспечения продовольственной безопасности, что является приоритетом для стран-членов. Целенаправленные и укрепляющие производственные системы способствуют развитию торговли внутри сообщества и интеграции региональных рынков. Однако разнообразный сельскохозяйственный потенциал ЭКОВАС сдерживается фрагментацией и различиями в национальных интересах, что делает интеграцию жизненно важной для развития внутрирегиональной торговли. Мы намерены выявить последствия и факторы, влияющие на потоки сельскохозяйственных товаров. Целью данного исследования является анализ влияния региональной интеграции на торговлю сельскохозяйственным сырьем в пятнадцати странах ЭКОВАС за период 2015-2020 гг. Этот вопрос рассматривался с использованием гравитационной модели. Методологический подход, по сути, основан на нескольких моделях. Для анализа технических характеристик моделей были использованы тесты Сяо, Хаусмана и гетероскедастичности. Пуассоновская оценка псевдомаксимального правдоподобия этой модели указывает на то, что уровень развития стран через богатство, качество инфраструктуры и уровень региональной интеграции оказывают влияние на торговлю, но с разными эффектами. Сочетание сельскохозяйственной политики (ECOWAP/PDDAA) не достигло своих целей и не оказывает влияния на торговлю. Более того, единый внешний тариф оказывает различное влияние в зависимости от выбранного показателя торговли. Всестороннее внедрение единого внешнего тарифа во всех странах ЭКОВАС необходимо для расширения двусторонней торговли. Сельскохозяйственная политика должна координироваться и систематически контролироваться для повышения производительности, продовольственной безопасности и уровня жизни в сельской местности. Таким образом, интеграция торговли сельскохозяйственной продукцией в рамках ЭКОВАС демонстрирует значительный потенциал.

JEL codes: F13, F14, F15, F31

DOI: https://doi.org/10.52957/2221-3260-2025-3-68-82

Для цитирования: Н'Горан, К.С. Влияние региональной интеграции на торговлю сельскохозяйственной продукцией в ЭКОВАС / К.С. Н'Горан, Л.А. Титова - Текст : электронный // Теоретическая экономика. - 2025 - 3. - С.68-82. - URL: http://www.theoreticaleconomy.ru (Дата публикации: 28.03.2025)

Introduction

The problem of developing the agricultural sector in the Economic Community of West African States (ECOWAS) is still a topical one. The volume of trade in agricultural products between ECOWAS countries

© Н'Горан К.С., Титова Л.А. 2025

remains very low compared with other integration areas. The exchange of agricultural products between the community could be a powerful tool for strengthening and deepening economic integration. Regional trade integration improves economic activities. production and specialization, and reduces unemployment and food insecurity The agricultural sector plays an extremely important role in the economic and social development process in ECOWAS countries. In these countries, more than half (around 55%) of the workforce is employed in the agricultural sector, which creates national wealth. It generates around 30% of gross domestic product (GDP) and contributes to economic growth. Given that one of the priorities of any nation is food security through the development of production and trade, studies of cross-border dynamics have highlighted the existence of regional trade strategies [1]. This policy has three main objectives: to strengthen production systems, to develop intra- community trade and to integrate regional markets.

It would appear to be essential to examine the causes of the trade malfunction in agricultural products and to adopt a coherent and global approach to the issues related to agricultural products. The regional environment is considered to be the most appropriate place in which to develop a strategy for the agricultural sector. The ECOWAS states have been engaged for several years in a regional process to establish a common agricultural policy.

The agro-ecological diversity and fragmented character of ECOWAS make it a highly diversified agricultural region with considerable potential, but with a number of constraints. The cohabitation of many different interests between countries does not facilitate the emergence of a common vision. The integration of agriculture should make it possible to resolve this problem and intensify intra-regional trade.

The aim of this study is to analyse the effects of regional integration on trade in agricultural products within ECOWAS. One of the most important elements of modern trade systems are commercial agreements, which can be regional, continental or global. This is where the trade integration of ECOWAS agricultural products comes in.

The contribution of regional integration to trade in agricultural exports from ECOWAS was analysed by Wumi and Oluyomi [26]. Using the Within estimator and the GMM panel method, they showed that trade integration is dominated by agricultural exports between member countries.

The study conducted in the West African Economic and Monetary Union (WAEMU) and Central African Economic and Monetary Community (CEMAC) zones for the period 1996-2006 showed the integration effect on trade through a gravity model. Using the pseudo-maximum likelihood poison model (PPML), it showed that the benefits of the union in terms of trade are not equitably distributed between member countries due to the fact that some members of the union have not diversified their economies [6, 3]. African countries need to develop their industrial sector in order to export more high value-added manufactured products.

The structural gravity model will make it possible to measure more fully the impact of the integration of agriculture in ECOWAS, and more specifically the flow of intra-member country trade, by taking into account multilateral resistance, both observable and unobservable. The understanding of the realities of the West African region is essential if we intend to develop an integration model that meets the challenges it faces.

Agriculture, driving forces for integration and a victim of regional fragmentation. It is one of the region's main assets. It is based on extremely diverse agro-ecological zones. These zones range from rainfall gradients of less than 400 mm in the north to rainfall gradients of more than 3,000 mm per year in some parts of the Gulf of Guinea. This allows for a very wide range of crops and cropping systems. Given the high mobility of populations and past and recent migrations within the region, the circulation of West African agricultural products has allowed a diversified food supply to be provided. This diversified nutrition includes a variety of cereals and tubers, as well as a variety of protein sources depending on the availability of meat, milk or fish. The integration of agricultural and food markets is therefore one of the main drivers of trade, given its vitality for economic operators in the region. As well as the size of their economies, West African countries are also fragmented in many ways. This complicates the processes of regionalization and integration of sectoral policies and markets.

The West African region hosts more than nine different currencies. Eight countries are members of the

Franc zone and are united within the West African Economic and Monetary Union (WAEMU). Within this zone, they are committed to an integration strategy based on the creation of a common internal market, with a customs union (Common External Tariff) and the gradual convergence of economic, fiscal and budgetary policies.

All the other countries have their own currency. A second monetary zone project bringing together ECOWAS countries outside the CFA currency from 2004 onwards has not really been implemented. In the near future, the zone will merge with the CFA zone to create the «West African Monetary Zone» (WAMZ).

Commercial fragmentation is a key issue for the agricultural sector. The WAEMU member states have a customs union (in force since January 1st 2000), which means that they apply common external customs duties at the external borders of the WAEMU zone. The trade policy includes a common nomenclature and distinguishes four categories of products to which the increased tariffs are applied. Within the zone, products must meet the principle of free trade, without tariffs or quantity restrictions. Most agricultural products are considered to fall into categories 2 and 3, and are therefore subjected to a community tariff based on the respective 10 or 20% categories [7]. The implementation of this customs union is not yet fully complete, and some countries are worried about its impact, in terms of both competition with their own agricultural production sectors and the reduction in customs revenues, which are regarded as a significant element in national budgets.

There are still obstacles within the internal market. This is particularly pertinent because of all the informal barriers to trade associated with illegal arrests by police and customs authorities. There are also occasional border closures and controls related to security issues and arms flows from conflict zones. The landlocked countries, all members of the WAEMU, benefit from a certain natural protection inherent in their location, making it easier for their local products to protect themselves on the national market than coastal products. On the other hand, when exporting to coastal countries (e.g. rice in Mali, livestock products, horticultural products such as tomatoes, onions, etc. in Niger, Mali and Burkina Faso), transport costs and informal trade barriers are factors that considerably reduce the competitiveness of regional production compared to imported products for export.

Contrary to what the liberalization of trade might lead us to believe, borders are still significant: at comparable sizes and distances, two regions trade less when a border separates them. Assessing border effects, with reference to the trade standard provided by the gravity model, makes it possible to measure the degree of integration or fragmentation of a geographical area, or even to measure the discrimination that may exist between different sources of supply [15]. How is it possible to explain the high level of border effects within an integrated zone? Currency volatility provides part of the answer. Consumer preferences and the existence of particularly dense social or professional networks within borders also explain this phenomenon. However, long-term data suggests a downward trend in border effects, which could be further accentuated by new information technologies.

Inter-ECOWAS agri-food trade takes place between or within member cities through specific trade routes/corridors that cross different borders and are formally established by the trading countries. However, agri-food trade also occurs along informal trade corridors due to the porous nature of land borders and the influence of the culture and traditions of border communities in trading countries.

Methods

The application of the gravity model to international trade goes back to the work of Tinbergen [21] who showed that the size of the importing and exporting country (measured by GDP) is a determining factor in the standard evolution of trade between two countries as well as the geographical distance between these two countries, and refers to the studies of Pöyhönen [19]. A simplified version of this model is presented as follows:

$$c_{ij} = G\frac{M_i M_j}{D_{ij}} \quad (1)$$

Where c_{ij} is the value of exports from country i to country j, M_i and M_j are the national income of country

i and country j, with D_{ij} the distance between the two countries and G is the constant of proportionality. A number of studies employing gravity modelling techniques have been carried out on international business opportunities. Linnemann added new commodity flow explanatory variables to the gravity model to increase the descriptive power of the model [12]. Indeed, his model has had great empirical success. The factors that explain the flow of goods in this model are: the export supply of country i, the import demand of country j and the resistance coefficient. The model is constructed by replacing these factors with the variables that determine them, namely: national income, geographical distance, population and the existence of a preferential trade agreement.

The study covers the fifteen ECOWAS countries, namely Benin, Burkina Faso, Cape Verde, Côte d'Ivoire, Gambia, Ghana, Guinea, Guinea-Bissau, Liberia, Mali, Niger, Nigeria, Senegal, Sierra Leone and Togo. The study was conducted over the period from 2005 to 2020 due to the availability of statistical reports. The data used comes from several databases. Real GDP in US dollars, population, arable land and official bilateral exchange rates were obtained from the World Bank's WDI database. Data on the road infrastructure are extracted from the INS database (AIDI). Data on bilateral trade in agricultural products (imports and exports) come from WITS, the UNCOMTRADE database. Other data related to the gravity model come from the Center for Prospects and Information International (CEPII).

The gravity model describes global and sectoral bilateral trade flows using forces of attraction such as the distance between the partners and their economic scale. The model can also be used to identify countries and sectors for which there are potential trade gains, and to simulate the impact of an import duty shock on trade flows. Such a model is fairly common in the analysis of the determinants of international trade, and helps to describe the relationship between bilateral trade flows and pull variables such as the distance and size of the partners' economies. Nevertheless, the existence of common borders, former colonial links or a free trade agreement between states all contribute to the intensification of trade. The gravity model is estimated at an aggregate level (based on global annual bilateral trade flows between 15 countries over a 15-year period. The estimation is based on the panel gravity model with zero trade flows and multilateral terms.

The model can then be used to identify countries and sectors with potential trade gains. It therefore serves as a tool to help better target foreign trade support policies at the agricultural level in ECOWAS, and finally to simulate the impact of a tariff shock on trade flows.

The gravity model assumes a «normal» level of bilateral trade and, as a result, the introduction of dummy variables relating to membership of an economic grouping or a monetary zone makes it possible to capture the «atypical» levels of trade resulting from regional integration. In its simplest form, the gravitational equation for any pair of countries (i, j) is as follows:

$$\mathrm{COM}_{ij} = \alpha_0 \frac{(Y_i Y_j)^{\alpha_1}}{(D_{ij})^{\alpha_2}} \tag{2}$$

Where COM_{ij} represents the value of bilateral trade between country i and country j,
Y is the Gross Domestic Product (GDP),
Dij is the distance separating the trading partners.
β_0, β_1 and β_2 are coefficients.
The log-linear form is :

$$\ln \ln \mathrm{COM}_{IJT} = \ln \ln(\alpha_0) + \alpha_1 \ln \ln(Y_{it} Y_{jt}) - \alpha_4 \ln \ln(\mathrm{Dist}_{ij}) \tag{3}$$

The authors suggest that specific variables are generally added, depending on the objectives pursued and theoretical sensitivities. They are quantitative (population, arable land, GDP per capita etc.) and/or qualitative (sociological and historical context, geographical location, integration variables etc.). We refer to Rose [20] for the specification of the extended log-linear form and also introduce control and indicator variables to address the research question of capturing different aspects of the integration of agriculture on West African trade. With the specification of an extended log-linear form to answer our research question, we also introduced control and indicator variables to our basic model [23]. Thus, the extended gravity model looks like this:

$$\begin{aligned}
&\ln \ln \mathrm{COM}_{IJT} = \beta_0 + \beta_1 \ln \ln (Y_{it} Y_{jt}) + \beta_2 \ln \ln (\mathrm{POP}_{it} \mathrm{POP}_{jt}) \\
&+\beta_3 \ln \ln (\mathrm{Terre}_{it} \mathrm{Terre}_{jt}) + \beta_4 \ln \ln (\mathrm{Dist}_{ij}) + \beta_5 \ln \ln (\mathrm{Infrat}_{it}) \\
&+\beta_6 \ln \ln \left(\mathrm{Infrat}_{jt}\right) + \beta_7 \ln \ln \left(\mathrm{Tcr}_{ijt}\right) + \beta_8 \mathrm{Proxy}_{ijt} \\
&+\beta_9 \mathrm{Front}_{ij} + \beta_{10} \mathrm{ComCol}_{ij} + \beta_{11} \mathrm{Enclav}_{ij} \\
&+\beta_{12} \mathrm{LangOff}_{ij} + \beta_{13} \mathrm{LangEthni}_{ij} + \beta_{14} \mathrm{zone}_{ij} \\
&+\emptyset_1 \mathrm{uemoa}_{ij} + \emptyset_2 \mathrm{Tec}_{ijt} + \emptyset_3 \mathrm{Pac}_{ijt} \\
&+\gamma_{ij} + \varphi_{ijt}
\end{aligned} \tag{4}$$

Justification of variables and expected signs

The explained variable ln(COM_{ijt}) represents agricultural trade, i.e. the logarithm of imports M_{ijt} of agricultural products from country i to country j or the logarithm of exports X_{ijt} of agricultural products from country i to country j over a period t. The choice of imports is motivated by the quality and availability of the data. Indeed, data on imports are generally reported more cautiously with regard to the duties and taxes to be collected [5]. However, some authors give priority to export data [4, 18]. In this research, trade in agricultural products is assessed separately by bilateral imports lnM_{ijt} and bilateral exports of agricultural products lnX_{ijt} to compare the effect of the nature of trade data on the impact of regional integration.

For the product of GDP ln(Y_{it} Y_{jt}), as well as the size of the population ln($POP_{it}POP_{jt}$), the expected sign is positive because the more countries develop, the more there is a tendency for trade to increase - these are indicators of potential market size. The variable ln($Terre_{it}Terre_{ij}$) measures the logarithm of the product of the arable land areas of countries i and j. It provides a partial measure of the supply capacity of the partner countries. The expected sign of the coefficient of this variable is positive, given the existing literature.

The logarithmic distance ln($Dist_{ij}$) is used to estimate the cost of transporting agricultural products from one country to another. Geographically very distant countries have to bear higher costs, this is a factor that negatively affects trade, so the sign of the distance should be negative.

The impact of transport infrastructure is measured by the indicator ln(Infratit). Poor transport infrastructure or inefficient transport services result in higher direct transport costs and longer delivery times. According to a study by [11], the variable ln(Tcr_{ijt}) corresponds to the logarithm of countries' bilateral real exchange rates.

This variable takes the value of 1 when one of the countries uses a floating exchange rate regime and 0 if it does not. The variable Proxyijt is a variable introduced into the model as an indicator variable for trade facilitation incentives, its coefficient shows the impact of trade facilitation measures on official bilateral trade. It is represented by the proxy variable as a variable of trade agreements implemented between countries.

On the one hand, sharing a common border influences the production and trade of agricultural goods through geographical proximity. Through the variable dummy Ad_{jijt} which takes the value of 1 when the two countries share a common border and 0 if not. The landlocked variable Enclavij, assesses the effect of openness to the sea on trade. It takes the value of 1 if at least one of the countries is landlocked and 0 otherwise. Empirical work on the past shows that countries with common colonisers have greater bilateral trade. The importance of the common language as an explanatory factor for trade links has several foundations, each of which relates to an aspect of the argument that defends the importance of border effects.

One of the simplest explanations is the transaction costs argument put forward by [25], which states that just as language barriers make communication more expensive, the absence of a common language between two potential trading partners increases the economic distance between them. The use of a common language can help establish bonds of trust and create networks of shared institutions to promote the dissemination of material. Having a common language should therefore have a positive impact on trade between countries. For example, the WAEMU countries should be trading a lot of agricultural products. Therefore, a positive sign on

bilateral trade in agricultural products is expected from the common colonising variables $ComCol_{ij}$, common official language $LangOff_{ij}$ and common ethnic language LangEthniij due to consumption habits.

The variables Tec_{ijt} and $uemoa_{ijt}$ make it possible to measure the supposed positive effect of regional integration. It captures the impact of the establishment and common external tariff in the WAEMU on trade in agricultural products between member countries. Indeed, thanks to the deepening of economic integration with the lowering of tariffs and the implementation of community programmes in the field of infrastructure and agriculture could stimulate trade in agricultural products. The variable Tec_{ijt} reflects the effects of the implementation of the WAEMU common external tariff from the year 2000. For pairs of WAEMU countries, it is 1 and 0 for the others. The variable pac_{ij} is a variable introduced into the model to capture the effect of integration policies through agriculture. Its coefficient shows the impact of the offensive measures taken by the Heads of State to promote food sovereignty.

The variable $zone_{ij}$ is a binary variable equal to 1 if the importing (exporting) country is a member of the Union excluding the exporting (importing) country and zero otherwise. It takes on names according to the estimated trade indicators muemoaoij for imports and $xuemoao_{ij}$ for exports. New trade corresponds to the case where the increase in intra-zone trade is not accompanied by a reduction in trade flows between the countries in the zone and their external partners. The effect is analysed according to the adoption of the combination of the two agricultural policies.

The term γ_{ij} constitutes the stochastic error while φ_{ijt} is an effect specific to each pair of countries, fixed or random.

The estimation steps of the model will be presented followed by the estimation results, interpretation and hypothesis testing.

Results and Discussion

Result of the Hsiao test

With a rejection of the null hypothesis (H03) of homogeneity of the constants, the panel presents a model with individual effects. Since the probability of test 3 is less than 5%, the null hypothesis (H03) of homogeneity of the constants is rejected, giving a panel model with individual effects.

Table 1 - Result of the Hsiao test

	Importations	Exportations
F-statistic	2.2579531	1.7870851
P-value	0.00702	0.042

Source: Author based on STATA 15 software

The Hsiao test was used to select the model specification. The panel respects the individual effect structure. Indeed, for exports the P-valF3=0.042<0.05 and for imports the P-valF3 = 0.00702<0.05. The null hypothesis H0 of a panel with a totally homogeneous structure for the two variables is rejected. We accept the alternative hypothesis H1, that our panel has an individual effect. The question here is whether the effects are fixed or random. This question leads us to carry out the following two tests: the Hausman specification test and the Lagrange multiplier test, also known as the Breusch-Pagan test.

Results of the Hausman test

Table 2 - Results of the Hausman test

	Importations	Exportations
chi2(17) = (b-B)'[(V_b-V_B)^(-1)](b-B)	211.26	329.65
Prob>chi2	0.0000	0.0000

Source: Author based on STATA 15 software

For exports and imports the p-value = 0.0000 < 0.05, so the individual fixed effect model is preferred. The probability of the Hausman test is below the 1% threshold, so the null hypothesis is rejected. The fixed-

effect model is therefore preferred. We will perform the Breusch-Pagan test for the presence of a random effect to confirm the result of the Hausman test.

Result of the Breusch-Pagan test

When the probability of this test is lower than the chosen threshold, the fixed-effect model is preferred. Otherwise, the random effect model is used.

Table 3 - Heteroskedasticity test

	Importations	Exportations
chi2(1)	971.94	1279.37
Prob>chi2	0.0000	0.0000

Source: Author based on STATA 15 software

When the p-value of the test is less than 5%, H0 is rejected. Otherwise, H0 cannot be rejected. Since the probability of the test on the two indicators is 0.000 < 5%, the null hypothesis is rejected. The test therefore accepts the specification of a compound error structure or the presence of random effects.

Since the two tests are in contradiction in our analysis, we will opt instead for the two models, fixed effect and random effect, to which we have decided to add the PPML model in order to invalidate or confirm the results obtained in the event of contradiction.

Model validation

In our study, we retain the PPML as the main estimation technique with reference to and [3]. The other estimation techniques (fixed effect and random effect) will allow us to test the sensitivity of our results. We estimate the panel augmented gravity model after adding to each bilateral trade value the arbitrary value of 10 so that the considered trade value is $\ln(COM_{IJT}+10)$.

Table 4 - Estimation results using bilateral exports as the explained variable

	ESTIMATING METHOD		
VAR	FIXED EFFECTS	RANDOM EFFECT	PPML
ln(yij)	-0,009	0,33	0,52
	(0,88)	(0,00) ***	(0,05) *
ln(popij)	0,81	-0,527	0,27
	(0,00) ***	(0,59)	(0,57)
ln(terreij)	-0,50	-0,14	-0,47
	(0,00) ***	(0,01) **	(0,01) **
ln(dist)	-0,22	-0,15	0,47
	(0,00) ***	(0,00) ***	(0,00) ***
ln(infrati)	-0,29	-0,07	0,06
	(0,00) ***	(0,1)	(0,00) ***
ln(infratj)	0,10	0,008	-0,50
	(0,1)	(0,87)	(0,02) **
ln(tcr)	-0,17	-0,19	-0,66
	(0,00) ***	(0,00) ***	(0,00) ***
Proxy	0,12	0,17	0,68
	(0,14)	(0,03) **	(0,13)
Front	0,76	0,84	1,66
	(0,00) ***	(0,00) ***	(0,00) ***
Comcol	1,10	1,11	-0,72

	ESTIMATING METHOD		
VAR	FIXED EFFECTS	RANDOM EFFECT	PPML
	(0,00) ***	(0,00) ***	(0,2)
Enclav	0,01	0,07	0,24
	(0,87)	(0,28)	(0,4)
lang_off	-1,05	-1,23	1,65
	(0,00) ***	(0,00) ***	(0,02) **
lang_ethni	0,46	0,75	0,28
	(0,00) ***	(0,00) ***	(0,3)
Xuemoa	0,13	0,39	0,37
	(0,52)	(0,00) ***	(0,2)
Tec	-0,56	-0,41	-0,71
	(0,00) ***	(0,00) ***	(0,06) *
Pac	0,13	0,01	0,26
	(0,16)	(0,85)	(0,62)
Uemoa	0,06	0,34	1,67
	(0,72)	(0,00) ***	(0,00) ***
Cons	-5,12	-4,67	-13,34
	(0,00) ***	(0,00) ***	(0,00) ***
Observations	3360	3360	3360
Number of pairs of countries	224	224	224
Chi 2		1210,23	
f-stat	64,46		
Proba		0,00	0,00

Source: Author based on STATA 15 software.
Probabilities are in brackets. (***), (**), (*) Significant at 1%, 5% and 10% respectively. For the Fixed Effects and Random Effects estimation methods, the explained variable is (ln(X)=export+10). For the PPML method, the explained variable is (export) without correction for zero trade.

Table 5 - Estimation results using bilateral imports as the explained variable

	ESTIMATING METHOD		
VAR	FIXED EFFECTS	RANDOM EFFECT	PPML
ln(yij)	0,19	0,16	1,06
	(0,00) ***	(0,00) ***	(0,00) ***
ln(popij)	-0,11	0,17	-0,35
	(0,37)	(0,12)	(0,15)
ln(terreij)	0,002	-1,99	-9,95
	(0,98)	(0,02) **	(0,00) ***
ln(dist)	-0,23	-0,20	0,72
	(0,00) ***	(0,00) ***	(0,00) ***
ln(infrati)	-0,36	0,18	-0,69
	(0,00) ***	(0,00) ***	(0,00) ***

	ESTIMATING METHOD		
VAR	FIXED EFFECTS	RANDOM EFFECT	PPML
ln(infratj)	0,30	-0,12	-0,02
	(0,00) ***	(0,03) **	(0,93)
ln(tcr)	-0,07	-0,20	-0,74
	(0,01) **	(0,00) ***	(0,00) ***
Proxy	0,88	0,45	-1,04
	(0,35)	(0,00) ***	(0,00) ***
Front	0,86	0,94	1,4
	(0,00) ***	(0,00) ***	(0,00) ***
Comcol	0,44	0,92	4,33
	(0,01) **	(0,00) ***	(0,00) ***
Enclav	0,39	0,25	-0,98
	(0,00) ***	-0,28	(0,00) ***
lang_off	0,06	-0,44	-6,38
	(0,71)	(0,00) ***	(0,00) ***
lang_ethni	0,18	0,32	2,16
	(0,02) **	(0,00) ***	(0,00) ***
Xuemoa	-0,16	-0,39	-2,15
	(0,46)	(0,00) ***	(0,00) ***
Tec	-0,62	-0,41	1,15
	(0,00) ***	(0,00) ***	(0,00) ***
Pac	0,11	-0,15	0,37
	(0,29)	(0,1)	(0,58)
Uemoa	0,29	0,33	2,50
	(0,16)	(0,00) ***	(0,00) ***
Cons	-0,37	-2,29	-19,67
	(0,65)	(0,00) ***	(0,00) ***
Observations	3360	3360	3360
Number of pairs of countries	224	224	224
Chi 2		1012,71	
f-stat	38,24		
Proba	0,000	0,000	0,000

Source: Author based on stata 15 software.
Probabilities are in brackets. (***), (**), (*) Significant at 1%, 5% and 10% respectively. For the Fixed Effects and Random Effects estimation methods, the explained variable is ln(M)= (import+10). For the PPML method, the explained variable is (import) without correction for zero trade.

Interpretation of results

The development variables are the product of the GDP taken in logarithm ($\ln(Y_{it}Y_{jt})$), the logarithm of the product of the populations ($\ln(Pop_{it}\ Pop_{ij})$) are indicators of the potential size of the market and the infrastructures. GDP is significantly positive but has different thresholds depending on the trade indicator.

Similar results were found by Martínez-Zarzoso and Nowak-Lehmann [13] for Mercosur-EU trade. According to these authors, the positive influence of this variable on trade is due to the fact that exporting countries with higher incomes suggest higher levels of production, and importing countries with higher incomes imply higher purchasing power.

The variable population is significantly positive for imports but not for exports. In terms of imports, the result can be explained by the fact that an increase in population leads to a reduction in agricultural exports, insofar as an increase in population leads to a reduction in a country's wealth, which in turn weakens its capacity to export goods. Walsh notes that «Population size can have a negative effect on exports if countries export less as they grow (because they rely more on domestic trade) or a positive effect if they export more as they achieve economies of scale. Population size will have a similar effect on imports» [24].

The parameters associated with the infrastructure variables are all negative, even though the parameter for partner country infrastructure is not significant for imports. In fact, the negative sign corroborates the literature, as indicated in the 2011 report on international trade [14], the poor development of transport infrastructure considerably increases the logistical costs of trade in agricultural goods [16]. The region's transport infrastructure is less developed, and this hinders countries' access to intra-regional markets. The quality of the region's infrastructure increases the logistical obstacles.

The availability of agricultural land influences the economic specialization of countries in the agricultural sector. Countries with large areas of cultivable land can specialize in the production of agricultural commodities and agri-food products, which can lead to specific trade in these areas. This is the case in ECOWAS, with several countries producing the same commodity. This confirms the negative sign of the coefficient associated with the land variable.

The socio-cultural variables in this study are the colonial past shared by the partners, the common colonial variables (ComColij), the common official language (LangOffij) and the common ethnic language (LangEthnoij). They determine consumption habits.

The Lang-off variable has a significant impact on both trade indicators. It has a negative effect on imports because, in ECOWAS, countries with the same official language generally trade more than others. In contrast, the ethnic official language is only significant for imports with a positive sign. In the literature, the effects of a common language on trade are generally positive and significant. With regard to the positive sign of the common language, Montenegro and Soloaga obtained the same results when estimating the impact of NAFTA on trade flows between the United States and Mexico and third countries [17]. The reason for this is either the ease of communicating in the same language, or cultural similarity between countries that share the same language.

The positive coefficient on distance is contrary to the literature in the context of the gravity model. The result, which is consistent with economic theory, shows that an increase in distance leads to a decrease in trade, since the greater the distance between two countries, the higher the transport costs and, consequently, the higher the prices of goods, which leads to a reduction in the competitiveness and trade of the country with its partner. Our result therefore contradicts the literature. The most logical explanation would be that political stability has an effect on bilateral agricultural trade in Africa. This effect seems contrary to expectations. Indeed, the study period marks a period of political instability in certain countries, especially those of the WAEMU. In the event of a political crisis, the country's production system is paralysed and the country is heavily dependent on imports of agricultural products from its regional partners. Trade with other countries in the zone is therefore at a higher level. It therefore costs more to transport a good as the distance increases in these unstable zones, and the sign is in line with the study by Walsh [24].

The effects of the Regional commercial rate (RCT) on international trade have been studied at length and have produced different results. Moreover, the negative and significant impact of the real exchange rate on trade seems to indicate that an appreciation of the currency of the exporting country against that of the partner country has the effect of reducing its exports to the partner. This result also extends to imports insofar as the parameter associated with it in the regression is positive whatever the trade indicator used. The RCT

has a significant influence since it determines the relative cost of products on the international market. In the same vein, Kepaptsoglou and al point out that the devaluation of the local currency in developing countries has an impact on international trade [10].

The variable that enables us to capture trade facilitation through the signing of trade agreements is not significant for the two trade indicators. These results are in line with the studies by Cegloswski [8] and Kimura and Lee [9] which showed that trade agreements were not significant.

The border effect is positive on both trade indicators, which shows an intensification of trade, unlike the border effect between Canada and America, which can be explained by the volatility of exchange rates, as there are several currencies with different exchange rate regimes in ECOWAS. It should be noted that there is a widely accepted notion of the positive and significant influence of the border effect on international trade. This is indicated by the evidence found in Masudur and Arjuman [14].

The main variables of interest in this research are WAEMU, CET and the CAP, which allow us to understand the supposed positive effect of regional integration.

The CET variable, considered here as the Common External Tariff, has a dual effect on bilateral trade, being positive and significant at the 1% threshold for imports and negative at the 5% threshold for exports. Contrary to the conclusions of Rose [20] and the reports of the Central Bank of West African States (CBWAS) and the WAEMU Commission, the WAEMU CET has failed to achieve its objectives. In fact, it was introduced to reduce imports from non-member countries of the union to the benefit of member countries. It should therefore logically increase exports from the union to third countries.

The WAEMU variable, which is designed to capture the effect of the WAEMU RTA on the trade flows of its member countries, is positive and significant. It therefore has a positive impact on member countries' trade. All other things being equal, countries belonging to this union trade more than other countries. This result is in line with that found by Gbetnkom and Avom [2].

The lack of significance of the combined effect of agricultural policy (ECOWAP /SADP) on intra-ECOWAS trade induced by the variable Pacijt is in contradiction with the literature, but the positive sign is in agreement with Tchitchoua and [22]. Given that the adoption of this policy was aimed at achieving food security in the zone by filling certain gaps, this can be explained by several reasons, starting with the existence of structural rigidity. ECOWAS has a coexistence of RECs. It may also be due to divergent agricultural policies and heterogeneous agricultural structures, but above all to the political and social sensitivity of the sector. The issue of import diversion of agricultural products is ruled out by the positive sign and insignificance of the β14 coefficient in our estimation.

Hypothesis testing

Agriculture plays a crucial role in the Economic Community of West African States (ECOWAS) due to its vital importance for food security, rural livelihoods and its economic contribution. The development and promotion of sustainable agriculture in the region is essential to ensure economic prosperity and improve living conditions. Given the importance of agriculture and trade in this study, three hypotheses were tested, namely in (1) the effect of regional integration on trade in agricultural products in ECOWAS varies with the level of regional integration (UEMOA) and economic development; (2) regional integration increases trade in agricultural products in ECOWAS through the common external tariff and (3) the combination of agricultural policy (ECOWAP/SADC) intensifies trade in agricultural products in ECOWAS.

The first hypothesis is verified, given the positive significance of GDP and the negative significance of transport infrastructure on trade indicators. In addition, the population variable is significantly positive for imports but not for exports. For the second hypothesis, the effect of the common external tariff varies according to the chosen trade indicator, so it is verified for imports, but for exports the tec tends to reduce them in ECOWAS. Our third hypothesis is not verified because the variable that captures the effect of the combination of the two agricultural policies is insignificant. This is because agricultural integration policies can be constrained by structural rigidities, such as geographical constraints, climatic differences and productivity differences between regions. The agricultural sector is often politically and socially sensitive.

Governments can be reluctant because of their concern for food security, the preservation of rural employment and the protection of local producers. Another very important factor that could explain this is that farmers' needs and priorities can vary considerably from one country to another, making it difficult to coordinate and implement common policies. It is important to note that the integration of agriculture in ECOWAS is an ongoing and complex process, and the effects may vary from one area to another and from one country to another. Achieving more meaningful integration will require further efforts to overcome obstacles and strengthen cooperation and coordination mechanisms at regional level.

Conclusions

The aim of this study is to analyze the effects of regional integration on trade in agricultural commodities in ECOWAS. The objectives of the study are firstly to identify the effect of regional integration and the factors influencing agricultural commodity flows in ECOWAS; secondly to examine the effect of trade policies on trade in agricultural commodities in ECOWAS; and thirdly to assess the implications of the effect of regional integration on trade in agricultural commodities in ECOWAS. The study shows that regional integration is based primarily on the conclusion of intra-regional trade agreements. The West African region is no exception, as it has also adopted a number of agricultural policies (ECOWAP/SADC) to intensify production and market these products (common external tariff). The theoretical background to the literature is that there are channels through which regional integration has a significant influence on trade. In terms of the trade flow analysis, the gravity model is one of the most successful empirical models in economics, and this has made it possible to capture the effects of regional integration on trade in agricultural products. Variables were included in the model to provide a simplified representation of intra-ECOWAS trade patterns. Three methods were used to estimate intra-ECOWAS trade over the period 2005-2020. Several variables were found to be significant for both indicators, although the effects were different. The PPML estimates allow us to verify our first two hypotheses, but the third is not verified.

In particular, the combination of ECOWAP (Economic Community of West African States Regional Agricultural Plan) and CAADP (Comprehensive Africa Agriculture Development Programme) is of considerable importance for agriculture in the ECOWAS region. Both ECOWAP and CAADP aim to improve agricultural productivity, strengthen food production systems and increase food availability. For the combined effect of the two agricultural policies to be significant, ECOWAP and CAADP must pay particular attention to sustainable rural development and poverty reduction. These initiatives will aim to improve the livelihoods of rural populations by promoting access to agricultural resources, basic infrastructure, financial services and agricultural markets. As regards the common external tariff, which influences bilateral trade, in order to achieve more conclusive results, it must involve all countries without exception. In particular, the WAMZ countries must ensure that it is effectively implemented, thereby giving fresh impetus to the process already begun by the WAEMU zone.

By combining these two initiatives, we can expect to achieve a significant improvement in food security in the ECOWAS region by increasing agricultural production, reducing food imports and strengthening farmers' resilience to economic and infrastructure development shocks.

The integration of agriculture in ECOWAS may not yet have reached the expected level of significance, but the prospects for the combination of ECOWAP and CAADP are promising. By strengthening the coordination, implementation and monitoring of agricultural policies and investments in the ECOWAS region, we can expect to see an increase in agricultural productivity, improved food security, a reduction in rural poverty and greater resilience in the face of current and future challenges. However, the full achievement of these objectives will require the continued commitment of governments, development partners and stakeholders.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Abdoul, M., Dahou K., Guèye C., Hazard, E. (2007). Le cas de la Sénégambie Méridionale dans «Les dynamiques transfrontalières en Afrique de l'Ouest», ENDA DIAPOL Karthala.

2. Avom, D. et Gbetnkom, D. (2005). Intégration Par Le Marché : Le Cas De L'Uemoa // Region et Developpement, LEAD, Universite du Sud - Toulon Var, Vol. 22, P. 85-103.

3. Avom, D. et Mbouandi Njikam, M. (2013). Intégration par le marché cas des pays de la CEEAC // Conference economiaue africaine, 28 - 30 Octobre 2013, Johannesbourg-Afrique du Sud.

4. Camara, I. (2013), Impact des unions monétaires sur les échanges: le cas de l'UEMOA // African Economic Conference CEA 2013, Regional Integration in Africa, Conference Paper.

5. Carrère, C. (2004). African Regional Agreements: Impact on Trade with or without Currency Unions // Journal of African Economies. Vol. 13. No. 2. P. 199-239.

6. Carrère, C. (2013). UEMOA et CEMAC : Quelle performance en matière de commerce ? // Revue d'économie du développement. Vol. 1. № 21. P. 33-60. URL: https://doi.org/10.3917/edd.271.0033

7. CEDEAO (2005). Plan d'actions régional 2006-2010 pour la mise en œuvre de la Politique Agricole de la CEDEAO (ECOWAP) et du PDDAA/NEPAD en Afrique de l'Ouest, 49 p. URL : https://www.diplomatie.gouv.fr/IMG/pdf/03_Plan_d_actions_2006_2010_version_juin_05.pdf

8. Ceglowski, J. (2006). Does Gravity Matter in A Service Economy? // Review of World Economics. Vol. 142. Issue 2. P. 307-29.

9. Kimura, F. et Lee, H. (2006). The Gravity Equation in International Trade in Services // Review of World Economies. Vol. 142, Issue 1. P. 92-121.

10. Kpepaptsoglou, K., Karlaftis, Matthew G., Tsamboulas, D. (2010). The gravity model specification for modeling international trade flows and free trade agreement effects: a 10-year review of empirical studies// The Open Economics Journal. Vol.3. P. 1-13. URL : https://doi.org/10.2174/1874919401003010001

11. Limao, N., Venables, A. J. (2001). Infrastructure, Geographical Disadvantage, and Transport Cost // The World Bank Economic Review 15. №. 3(3). P. 451-479. DOI:10.1093/wber/15.3.451

12. Linnemann, H. (1966), An Econometric Study of International Trade Flows. Amsterdam: North Holland Publishing Co. URL : https://archive.org/details/econometricstudy0000linn/page/n7/mode/2up

13. Martinez-Zarzoso, I. (2013). The Log of Gravity Revisited // Applied Economics. Vol. 45. №. 3. P. 311–27. URL : https://hal.science/hal-00734529v1

14. Masudur R., Arjuman L. (2010). Bangladesh trade potential: A dynamic gravity approach // Journal of International Trade Law and Policy №. 9(2). P.130-147. DOI:10.1108/14770021011054296

15. McCallum, J. (1995). National Borders Matter: Canada-U.S. Regional Trade Patterns // The American Economic Review. Vol. 85. P. 615–23. URL : https://api.semanticscholar.org/CorpusID:152433069

16. McCord, G., Sachs, J., Wing, T., (2005). Understanding African Poverty: Beyond the Washington Consensus to the Millenium Development Goal Approach // Africa in the World Economy. FONDAD. URL : https://www.researchgate.net/publication/237273080_Understanding_Africa_Poverty_Beyond_the_Washington_Consensus_to_the_Millennium_Development_Goals_Approach

17. Montenegro, C., Soloaga, I., (2006). NAFTA's trade effects: New evidence with a gravity model // Estudios de economía. № 33(1). URL : https://hdl.handle.net/10419/66697

18. Ndong, B., Mboup, S. D. (2013). Accords commerciaux et flux de commerce dans la CEDEAO : le partage d'une monnaie unique est-il determinant // African Economic Conference CEA 2013, Regional Integration in Africa, Conference Paper. URL : https://archive.uneca.org/sites/default/files/uploaded-documents/AEC/2013/accords_commerciaux_et_flux_de_commerce_dans_la_cedeao.pdf

19. Pöyhönen P., (1963). A Tentative Model for the Volume of Trade between Countries // Weltwirtschaftliches Archive. №90. P. 93-100.

20. Rose, A. (2000). One Money, One Market: the Effect of Common Currencies on Trade // Economic Policy. Vol. 15. № 30. URL : http://www.nber.org/papers/w7432

21. Tinbergen J., (1963). Shaping the World Economy : suggestions for an international Economic Policy.

New York : The Twentieth Century Fund. Currencies on Trade // Economic Policy. Vol. 15. № 30. URL : https://archive.org/details/shapingworldecon0000tinb

22. Tchitchoua, J., Nguekeng, B. (2020). Compétitivité et ouverture commerciale : une étude empirique du cas BRICS et Afrique Sub-saharienne // Repères et Perspectives Economiques. Vol. 4. №1. URL : https://doi.org/10.34874/IMIST.PRSM/RPE/18990

23. Vigninou, G. (2017). Intégration Régionale et Commerce Agricole Bilatéral en Afrique de L'Ouest // African Development Review. Vol. 29, № S2. P. 147-162.

24. Walsh, K. (2006). Trade in Services : Does Gravity Hold ? A Gravity Model Approach to Estimating Barriers to Services Trade // HIS Discussion Paper. №. 183. Dublin : Institute for International Integration Studies (HIS).

25. Williamson, O.E. (1979). Transaction-Cost Economics: The Governance Of Contractual Relations // The Journal of Law and Economics. Vol. 22. № 2. P. 233-61.

26. Wumi K. O. , Evans, O., Henry, O. et al. (2015). Economic Integration, Trade Facilitation and Agricultural Exports Performance in ECOWAS Sub-Region // Regional Integration and Trade in Africa. UK / Editors: M. Ncube, I. Faye, A. Verdier-Chouchane. Publisher: Palgrave Macmillan. P. 31-46.

Effects of regional integration on trade in agricultural products in ECOWAS

N'Goran Koffi Célestin
PhD in Economics, Senior Lecture,
University Peleforo Gon Coulibaly of Korhogo, Côte d'Ivoire
E-mail: nkoffiagos2012@gmail.com

Titova Liudmila Anatolievna
PhD in Economics, Associate Professor,
Yaroslavl State University named after P.G. Demidov, Yaroslavl, Russian Federation
E-mail: luxe22@yandex.ru

KEYWORDS

agriculture integration, regional integration, agriculture trade, ECOWAS, common external tariff, gravity model, zero trade, agricultural policies

ABSTRACT

The agricultural sector in ECOWAS faces low exchange volumes compared to other regions. Developing agricultural production and trade is crucial for achieving food security, that is priority for member nations. Aimed and strengthening production systems enhance intra-community commerce and integrate regional markets. However, ECOWAS's diverse agricultural potential is hindered by fragmentation and the difference in national interests, making integration vital for fostering intra-regional trade. We intend to identify the effects and influencing factors on agricultural commodity flows. The objective of this study is to analyze the effect of the regional integration on the trade of agricultural raw materials of the fifteen ECOWAS economies over the period 2015-2020. This question was addressed using a gravity model. The methodological approach is essentially based on several models. The Hsiao test, the Hausman test, the Heteroskedasticity test were used to analyse models' specifications. The Pseudo Maximum Likelihood Poisson estimate of this model indicates that the level of development of countries through the wealth, quality of infrastructure and the level of regional integration have an influence on trade but the different effects. The combination of agricultural policy (ECOWAP/PDDAA) has not achieved its objectives, it has no effect on trade. Moreover, the common external tariff has a different effect depending on the trade indicator chosen. Comprehensive implementation of the common external tariff across all ECOWAS countries is necessary to enhance bilateral trade. The agricultural policies must be coordinated and systematically monitored to improve their productivity, food security, and rural livelihoods. Thus, integration of agricultural trade within ECOWAS shows significant potential.

Трансформация мировой финансовой системы: доллар США и национальные валюты

Омарова Зарема Курбановна
доктор экономических наук, ведущий научный сотрудник
ФГБУН Центральный экономико-математический институт РАН, Москва, Российская Федерация
ФГОБУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации», Москва, Российская Федерация
E-mail: ZKOmarova@fa.ru

Короваевич Александр Андреевич
ФГОБУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации», Москва, Российская Федерация
Email: korovaevich@gmail.com

Коноплев Станислав Игоревич
ФГОБУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации», Москва, Российская Федерация
Email: 239604@edu.fa.ru

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА
мировая финансовая система, ФРС, доллар, национальные валюты, дедолларизация, нефть, фьючерсы, юань, рубль, деглобализация

АННОТАЦИЯ
Статья посвящена вопросам эволюции и современной трансформации архитектуры мировой финансовой системы. Актуальность исследования заключается в важности детализации актуальных вопросов влияния валютного фактора на международную торговлю, проведение расчетов и осуществление ценообразования на сырьевых рынках в условиях деглобализации и стремительной трансформации мировой финансовой системы, переходу к многополярному миропорядку. Цель исследования – анализ роли национальных валют в трансформации мировой финансовой системы и их влияния на процессы формирование многополярного миропорядка. Задачи исследования включают проведение комплексного анализа валютной композиции международных расчетов и валютных резервов, а также детализации динамики использования национальных валют в международных резервах и расчетах. Методы исследования включают анализ (структурно-динамический, статистический), метод экспертных оценок. Выборка данных охватывает период с 2000 по 2024 годы и основана на данных международных финансовых институтов и организаций, таких как Международный Валютный Фонд (МВФ), SWIFT. В результате исследования на основе статистических данных подтверждена гипотеза о снижении роли доллара США в мировой финансовой системе, что проявляется в сокращении его использования в суверенных международных валютных резервах, а также при осуществлении международных расчетов. Параллельно со снижением доли доллара США происходит его замещение национальными валютами. В свою очередь, изменение валютной композиции служит дополнительным драйвером деглобализации мировой финансовой системы, формированием новых валютных объединений и альтернативных систем расчетов. Область применения результатов включает разработку стратегий валютного регулирования, улучшение международного финансового сотрудничества и формирование более справедливой и устойчивой глобальной финансовой системы. Ограничения исследования связаны с ограниченной периодичностью выпуска статистических данных по международным валютным резервам, а также ограниченной доступностью статистической информации об инвестициях в государственные ценные бумаги КНР. Будущие исследования могут быть направлены на изучение влияния цифровых валют и блокчейн-технологий на трансформацию мировой финансовой системы.

© Омарова З.К., Короваевич А.А., Коноплев С.И., 2025

JEL codes: G1, F310, F330, O2

DOI: https://doi.org/10.52957/2221-3260-2025-3-84-95

Для цитирования: Омарова, З.К. Трансформация мировой финансовой системы: доллар США и национальные валюты / З.К. Омарова, А.А. Короваевич, С.И. Коноплев. - Текст : электронный // Теоретическая экономика. - 2025 - 3. - С.84-95. - URL: http://www.theoreticaleconomy.ru (Дата публикации: 30.03.2025)

Введение

После двух мировых войн ослабленность экономических систем крупнейших стран-участниц и возросший уровень долговой нагрузки не позволяли более поддерживать «золотой стандарт», что позволило устойчивому доллару США, подкрепленному стабильному экономикой и крупнейшими в мире золотыми резервами, осуществить активную экспансию на международной арене, становясь сначала одной из основных валют международной торговли, а позже и главной, в силу его сохраняющегося золотого обеспечения.

Доминирующее положение доллара США в мировой валютно-финансовой системе установилось после введения Бреттон-Вудской валютной системы на конференции ООН в Бреттон-Вудсе в 1944 году. Доллар, как и английский фунт стерлингов, были определены в качестве мировых резервных валют. Цена тройской унции золота была определена и зафиксирована на уровне в 35 долларов США [3]. Дополнительным фактором поддержки американского доллара в мировой валютно-финансовой системе стала концентрация 75% мировых запасов монетарного золота к концу войны в хранилищах Федеральной резервной системы (ФРС) США.

В 1976 году был осуществлен переход к Ямайской валютной системе, главным отличием которой стал переход от государственного определения курса национальных валют на основе золотого стандарта, согласно которому ранее национальные валюты привязывались к драгоценным металлам (в т.ч. золоту), к рыночному механизму определения курса национальных валют и отказу от золотого стандарта. Переход к новой валютной системе послужил началом стремительной финансиализации мировой экономики и формированию международной ликвидности в банковских и небанковских секторах [10. стр.192-193].

Отказ от золотого стандарта позволил центральным банкам стран более гибко управлять национальными валютами. В то же время уход от золотого стандарта вызвал обоснованные опасения со стороны финансового сообщества по вопросу перспектив устойчивости национальных валют, усилил проинфляционные настроения в обществе и повысил вероятность инфляционных рисков.

Принятые в ходе валютной конференции решения сформировали благоприятное положение для правительства США и Федерального резерва посредством передачи им рычагов реального управления мировой финансовой системой, осуществляемого путем организованного целенаправленного воздействия на денежную массу и процентные ставки.

В результате проведенной реформы главным бенефициаром стал американский доллар, зависимость мировой экономики от которого усилилась, а влияние ФРС как главного эмиссионного центра американской валюты приобрело беспрецедентный характер.

Нефтедоллар и бумажная нефть как основа доминирования доллара в международной финансовой системе

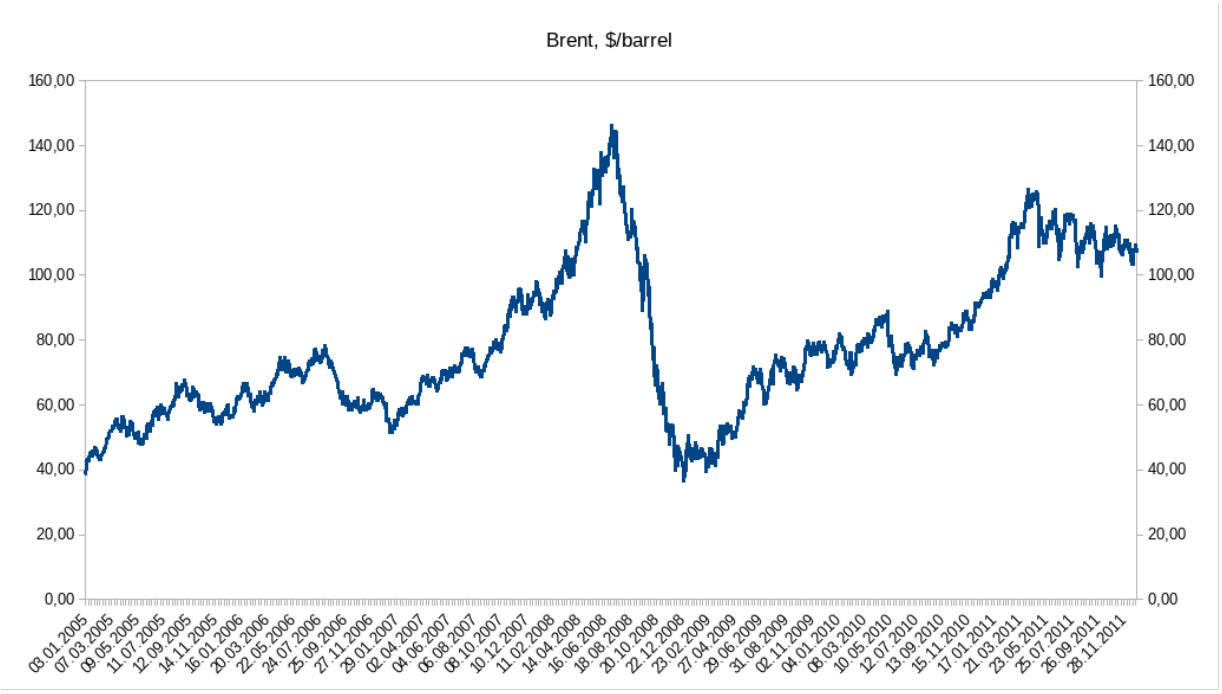
Дальнейшим проявлением долларизации мировой валютно-финансовой системы стало наступление эпохи «нефтедоллара» («petrodollar») в результате осуществления перехода к долларовой системе ценообразования и расчетов на мировом нефтяном рынке благодаря интеграции одного из крупнейших мировых нефтедобытчиков – Саудовской Аравии, – в долларовую систему торговли сырой нефтью благодаря неформальному соглашению с США, достигнутому в 1974 году в условиях нефтяного кризиса [30]. Дальнейший запуск долларовых торгов нефтяными фьючерсами на сорт West Texas Intermediate (WTI) в 1983 году и BRENT в 1988 на Нью-Йоркской бирже окончательно

закрепил положение «нефтедоллара» и усилил влияние ФРС на мировой рынок нефти [6, с.101-102].

Стремительная финансиализация мирового нефтяного рынка и рост биржевых спекуляций нефтяными деривативами привели к формированию рыночного дисбаланса в пользу «бумажной нефти», то есть производных финансовых инструментов в расчетной форме (фьючерсных контрактов и опционов), при заключении которых заранее определено отсутствие реальной поставки товара. В момент экспирации расчетного контракта происходит процесс взаиморасчетов между контрагентами по окончательной цене на момент экспирации без необходимости осуществления реальной поставки товара. В свою очередь, «физическая нефть», торгуемая на биржевом и внебиржевом рынке, основой которых являются поставочные контракты, оказывается в подчиненном положении перед «бумажной нефтью», так как её доля в мировом объеме торгов с момента запуска расчетной формы нефтяных фьючерсных контрактов неуклонно сокращается, а значит и ценообразование на мировом нефтяном рынке оказывается под существенным влиянием «бумажной нефти».

Так, в 1986 г. на долю «бумажной нефти» по различным оценкам приходилось порядка 80% всего совокупного объема торгов на мировом нефтяном рынке, а его доля продолжала постоянно увеличиваться [18.] В начале 2000-х годов доля «бумажной нефти» на мировом рынке превысила 90%. [13] Сегодня её доля по различным оценкам составляет 93% и более [18, с. 290].

После наступления мирового финансового кризиса именно спекулятивные операции с «бумажной нефтью» стали фактором аномально высокой волатильности мировых нефтяных цен, колебания которых привели сначала к экстремально высоким мировым ценам, достигнув $150 за баррель за период 2008-2009 годов. Затем на фоне ожидания мировой рецессии и резкого сокращения объемов мирового потребления нефти, а также необходимости перенаправления денежных потоков финансовых спекулянтов из нефтяных деривативов в иные инструменты, нефтяные котировки опустились до диапазона $30-40 за баррель, однако уже к 2011 году цены вновь устремились к уровню в $100 за баррель [рис.1].



Рисонок 1 – Динамика цены нефти марки BRENT (2005-2011 г.г.), $US/барр

Источник: составлен авторами на основе Investfunds.ru [8].

Ключевыми бенефициарами аномальной волатильности мировых нефтяных цен выступали профессиональные участники биржевых торгов, такие как Morgan Stanley, JP Morgan Chase, Goldman Sachs, Bank Of America и иные. Совокупный размер портфеля нефтяных деривативов шести крупнейших банков-спекулянтов нефтяными фьючерсами в 2009 году составил $195,6 млрд. [11].

Обладая достаточными ресурсами для осуществления интервенций и манипулирования рынком, крупнейшие банки напрямую влияли на мировую ценовую конъюнктуру, поддерживая при этом повышенный уровень волатильности нефтяных цен с целью извлечения сверхприбыли от намеренного манипулирования рынком и инсайдерской торговли. Однако масштабность спекуляций «бумажной нефтью» вскоре обернулась проблемой. В 2014 году Morgan Stanley, JP Morgan и Goldman Sachs было предъявлено обвинение в манипулировании рыночными ценами на сырье с целью извлечения прибыли [14, 74-76].

Формирование на рынке примата «бумажной нефти» над «физической» было продиктовано глобализацией и финансиализацией мировой торговли в целом, и нефтяного рынка, в частности, с целью повышения эффективности и прибыльности финансовых спекулянтов, осуществляющих систематическое извлечение прибыли от проведения операций на мировом финансовом рынке, преимущественно в краткосрочном периоде. Вторичной целью выступила необходимость повышения устойчивости транснациональных корпораций и компаний путем хеджирования рисков роста цен на энергоносители [16]. Как было установлено, физические объемы совокупных мировых нефтяных запасов и мировые цены на нефть обладают обратной зависимостью: чем меньше объем совокупных мировых запасов нефти, тем выше её цена на мировом рынке [4, с. 10-11]. Однако, рост спекуляций «бумажной нефтью» привел к существенным колебаниям мировых цен на нефть и разрушил указанную закономерность, что привело к различию в определении реального ценообразования на физическую нефть.

Формирование нового направления коммерческой деятельности по определению мировых нефтяных цен заставило участников торгов «догадываться» о реальной рыночной стоимости нефти при помощи проведения анализа косвенных признаков, таких как предположения, слухи, прогнозы, заявления и ожидания, тогда как реальная рыночная стоимость нефти, основанная на спросе и предложении, де-факто, игнорировалась.

Показатели объемов ежесуточного потребления сырой нефти в мире довольно устойчивы и в настоящее время составляют ~104,5 млн. баррелей в сутки. По данным Международного энергетического агентства, среднегодовой прирост потребления сырой нефти в мире на период 2020-2030-х годов составит порядка 0.9% в год [31; 12]. Однако, цены на мировых нефтяных рынках подвержены существенной волатильности и, как показала практика, могут принимать любые значения, вплоть до отрицательных. Подобный прецедент уже произошел в 2020 году, когда на фоне наступления мировых ограничений, в связи с наступлением пандемии COVID-19, цены на нефть сорта WTI стали отрицательными [2].

Существенные колебания мировых цен на нефть связаны с деятельностью профессиональных игроков на финансовом рынке и влиянием денежно-кредитной политики ФРС [17, с. 300-301].

Таким образом, ФРС сконцентрировала в своих руках возможность контроля и влияния на мировые нефтяные цены при помощи манипулирования нефтяными деривативами, осуществляемого посредством проведения соответствующей денежно-кредитной политики в направлении:

1. Регулирования жесткости денежно-кредитных условий при помощи ключевой ставки;
2. Активного проведения операций на открытом рынке;
3. Предоставления кредитных линий и экстренного доступа к ликвидности для финансовых организаций (выступая в роли «кредитора последней инстанции»);
4. Проведения вербальных интервенций и использования иных инструментов с целью стимулирования или давления на мировые нефтяные котировки.

Полагаем, беспрецедентная роль ФРС на мировом нефтяном рынке и в международной финансовой системе, односторонний характер проводимой внешнеэкономической (международной) политики и зависимость мировой экономической и финансовой системы от доллара США противоречит интересам мирового сообщества в целом.

В ответ на указанные вызовы ряд стран, такие как Российская Федерация и Китайская Народная

Республика, начали формировать зеркальные меры, в том числе, осуществляя политику ответного протекционизма и вынужденной дедолларизации в части перехода на расчеты и проведение клиринговых операций в национальных валютах, сокращение доли доллара США в структуре международных золотовалютных резервов и суверенных фондов, а также сокращение инвестиций в сопряженных с долларом активы в виде государственных ценных бумаг США.

Несмотря на актуальность тренда дедолларизации и перехода к национальным валютам, в настоящее время американский доллар всё ещё обладает доминирующим положением во многих странах, что подтверждается статистическими данными о его доле в международной торговле [1, с. 47].

Российская Федерация осуществляет постепенное замещение доллара США в рамках осуществления международной торговли, формирования международных валютных резервов, осуществления прямых и портфельных иностранных инвестиций. Китайская Народная Республика осуществляет замещение доллара США с целью повышения диверсификации, снижения валютных и политических рисков [25], однако процесс замещения доллара происходит медленнее, в сравнение с опытом Российской Федерации, при этом сохраняется существенная доля собственных международных валютных резервов в долларах США или сопряженных с ним активов. При этом ФРС, правительство США и американские политические элиты, осознавая потенциальные негативные эффекты от расширения практики дедолларизации, декларируют готовность к применению и расширению мер санкционного давления с целью защиты «долларовой» мировой финансовой системы и недопущения расширения практики дедолларизации.

Скрытая дедолларизация международных валютных резервов

Американский доллар на международной арене продолжает удерживать лидирующие позиции. С точки зрения мировых валютных резервов, доллар США является безусловным лидером – «резервной валютой номер один», опережая иные резервные валюты.

Представленные данные по валютной композиции международных валютных резервов, публикуемой Международным валютным фондом, подтверждают данный тезис. Однако, в последнее десятилетие отчетливо прослеживается устойчивый тренд на снижение доли американского доллара в структуре международных валютных резервов, наряду с параллельным формированием нового тренда на расширение практики использования национальных валют. Так, с 1 квартала 2000 года по 3 квартал 2024 года доля доллара США сократилась на 19,69% – с 71,46% до 57,39%, за восемь лет с 1 квартала 2016 по 3 квартал 2024 год доля доллара США сократилась на 12,33% – с 65,46% до 57,39% или на 8,07 п.п., [рис.2], тогда как доля китайского юаня, напротив, увеличилась с 1,1% в 2015 году до 2,17% в 3 квартале 2024 года [рис.3, рис.4].

Некоторые исследователи придерживаются мнения о том, что резервные валюты «старой формации» постепенно будут вытеснены валютами новых центров политико-экономической силы, таких как Китайская Народная Республика [27]. При этом наряду со снижением доли основных резервных валют укрепятся позиции национальных валют, что подтверждается примерами южнокорейской воны и канадского доллара [19].

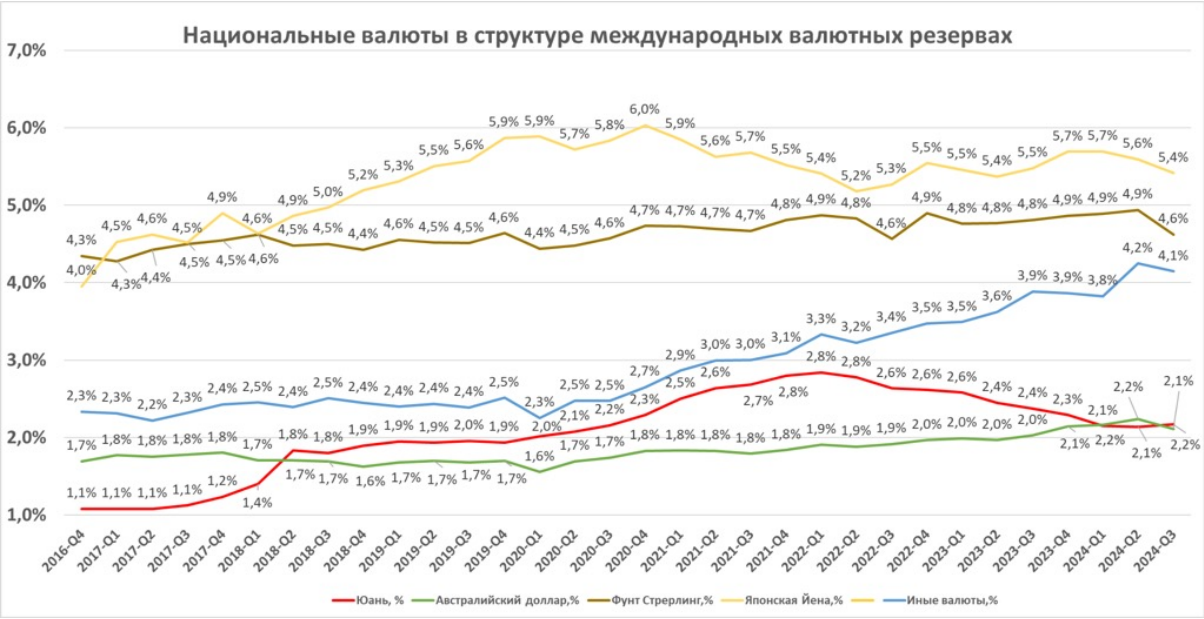
Причинами усиления роли национальных валют в международных валютных резервах являются рост геополитической неопределенности и нестабильности мировой экономической системы, подчеркивающие необходимость диверсификации валютных резервов с целью снижения политико-экономических рисков, повышения стабильности национальной экономической системы, сохранения уровня благосостояния граждан [7, с. 9-10].

Использование национальных валют предоставляет ряд преимуществ в части гибкого управления валютными резервами за счет развития инновационных финансовых технологий, облегчающих проведение операций по покупке и продаже валюты, размещение и удержание открытых валютных позиций, а также развитой системы автоматического управления ликвидностью и маркет-мейкинга, что делает размещение резервов в указанных валютах для участников международной

экономической деятельности ещё более привлекательным. Примером размещения международных валютных резервов в национальных валютах является отечественный опыт размещения ликвидной части суверенных фондов и международных валютных резервов в китайских юанях [5].

Рисонок 2 – Динамика доли доллара США в валютной композиции международных валютных резервов и линейное прогнозирование до конца 2024 года

Источник: составлено авторами на основе International Monetary Fund [20].

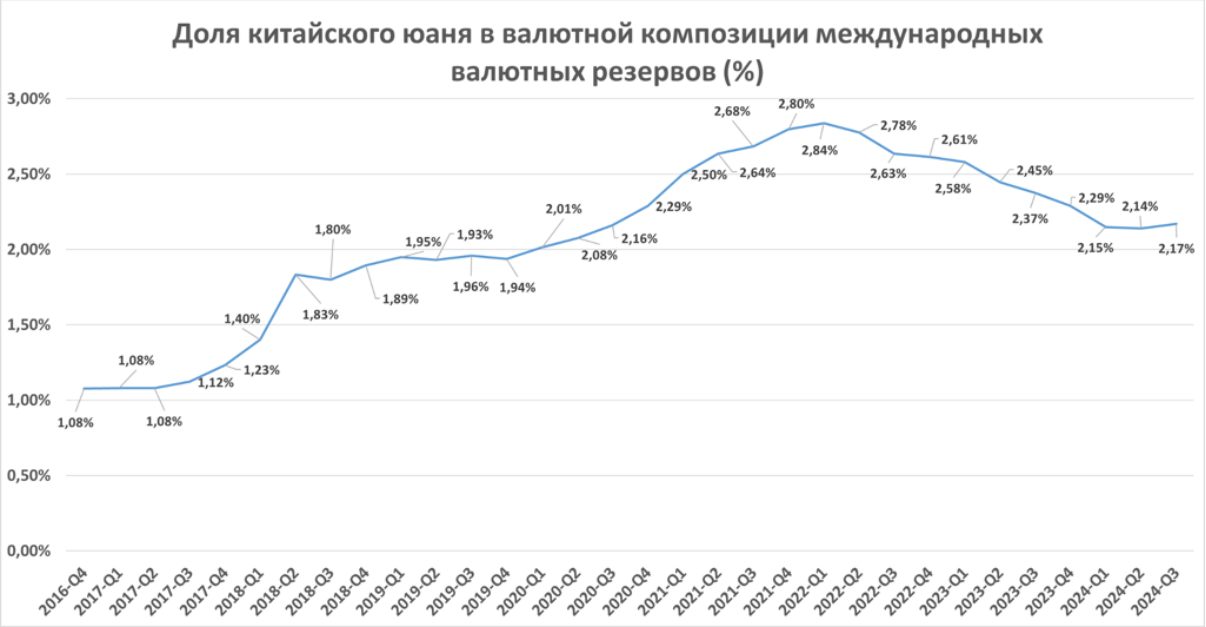


Рисонок 3 – Национальные валюты в структуре международных валютных резервов

Источник: составлено авторами на основе: International Monetary Fund [22].

Примером замещения доллара США национальными валютами является отечественная практика. Так, до 2018 года доля доллара США в международных резервах России составляла 43-48%, а в конце 2020 года сократилась до 21,2%. В условиях санкционного давления Россия была вынуждена осуществлять стремительное сокращение доли доллара США в структуре международных резервов и суверенных фондов, осуществляя переход к национальным валютам – китайским юаням, – полностью отказавшись от использования доллара США в международных резервах и суверенных

фондах в 2022 году [15, с. 24-26]. При этом тренд на сокращение доли доллара США наблюдается и в структуре золотовалютных резервов по всему миру. Так, в настоящее время лишь 58% международных золотовалютных резервов размещены в долларе США. При этом доля доллара в системе международных расчетов в последние годы также сократилась до 48% в 2022 и 40% в 2023 [9].



Рисонок 4 – Доля китайского юаня в валютной композиции международных валютных резервов
Источник: составлено авторами на основе: International Monetary Fund [22].

Дополнительным риск-фактором снижения использования доллара США в последние годы по мнению некоторых исследователей стала активная санкционная политика в отношении Российской Федерации, в результате которой произошла переориентация отечественной экономики и системы расчетов для осуществления внешней торговли на валюты развивающихся стран [24], а также рост протекционизма во внешней торговле, ограничивающего спрос на ключевые резервные валюты, в том числе, за счет репатриации капитала [21]. При этом ряд исследователей придерживаются мнения о том, что будущее глобального экономического и финансового пространства будет определяться рядом ключевых факторов, одним из которых выступает цифровизация различных секторов экономики (включая финансовый сектор), а также фактор быстрого технологического развития, влияющий на изменение глобального экономического и финансового ландшафта [12,26].

Инвестиции в государственные ценные бумаги США

Наряду с постепенным сокращением доли доллара США в международных валютных резервах происходит и постепенное сокращение доли владения сопряженными с долларом активами, включая американские государственные ценные бумаги различной дюрации, со стороны иностранных инвесторов [28].

Лидером дедолларизации инвестиций является Российская Федерация, выступающая ранее в роли одного из важнейших институциональных инвесторов в американские государственные облигации. Так, в 2010 году совокупный объем российских вложений в американские гособлигации составил $176,3 млрд, что позволило России стать шестой страной по величине совокупного объема вложения в американские гособлигации, уступив только крупнейшим держателям американского госдолга - Китаю, Японии, Великобритании, Бразилии и группе стран-экспортеров нефти (Эквадор, Венесуэла, Индонезия, Бахрейн, Иран, Ирак, Кувейт, Оман, Катар, Саудовская Аравия, ОАЭ, Алжир, Габон, Ливия и Нигерия) или же пятой страной по объему вложения в американский государственный долг (исключая группу стран-экспортеров нефти). После 2010 года Россия начала постепенно

сокращать объем инвестиций в американские гособлигации и уже в 2014 году объем вложений снизился до $131,8 млрд, в 2015 году – до $66,5 млрд. По данным на апрель 2018 года вложения в трежерис сократились до $48,7 млрд. [22] Однако на этом очевидный тренд на снижение вложений в американские гособлигации не остановился, а напротив - начал развиваться еще активнее. Так, в январе 2023 года совокупный объем вложений в американские долговые ценные бумаги составил $67 млн., а к октябрю сократился до $31 млн. [15, 29] На рис. 5 представлены крупнейшие держатели суверенных государственных ценных бумаг США.

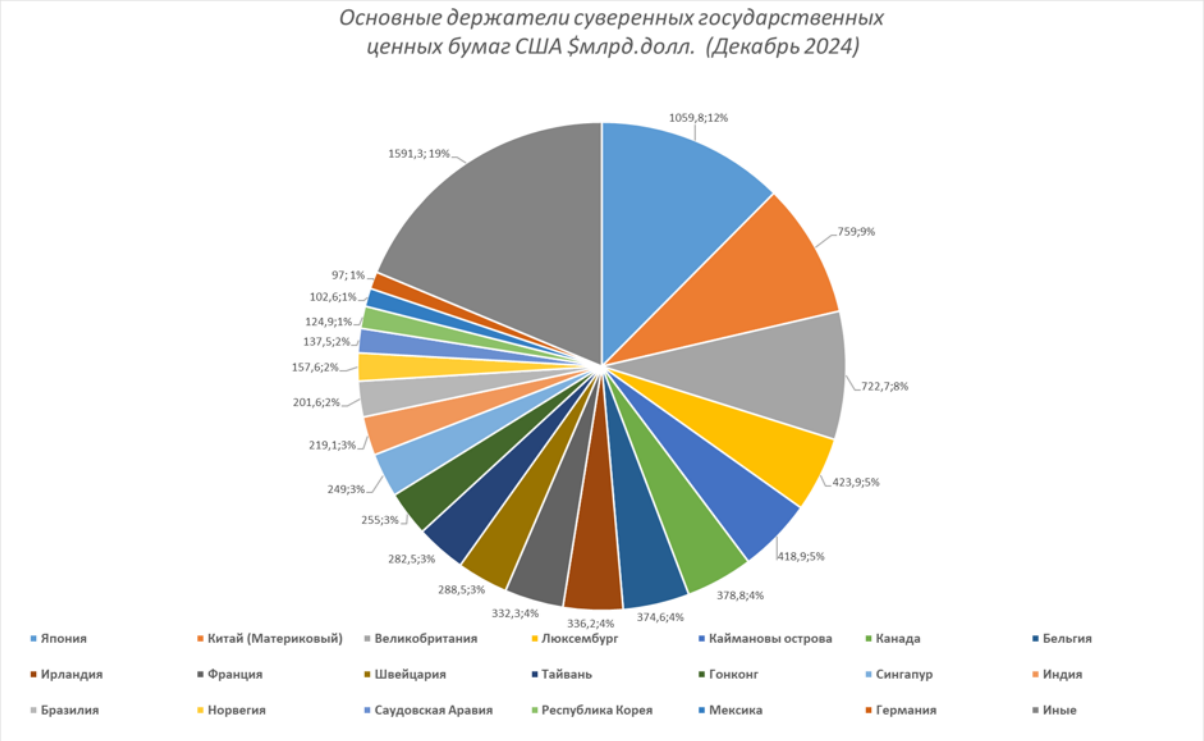


Рисунок 5 – Крупнейшие держатели суверенных государственных ценных бумаг США (млрд долл.).
Составлено авторами на основе: U.S. Department of the Treasury, 2024 [23].

Однако, Россия не единственный участник международных отношений, вынужденный «дедолларизировать» собственные инвестиции, отказавшись от инвестиций в государственные долговые ценные бумаги США. С целью защиты национальных интересов и снижения рисков экстерриториальных санкций, политику дедолларизации проводит и дружественная России Китайская Народная Республика. В последнее десятилетие Китай активно предпринимает действия по отказу от сопряженных с долларом активов и последовательно проводит «расчистку баланса», избавляясь от американских государственных облигаций. Являясь ключевым инвестором на рынке государственного долга США, с января 2013 года по декабрь 2024 года совокупные инвестиции Китая в государственные ценные бумаги США сократились на $455,2 млрд. с $1214,2 млрд. до $759 млрд или на 37,49% [рис.6].

Таким образом, необходимость хеджирования политико-экономических рисков и диверсификации инвестиционных вложений приводит к тому, что крупнейшие участники международных экономических отношений в лице России и Китая вынуждены отказываться от инвестиций в государственные облигации США, перераспределяя инвестиционные потоки в иные независимые от политического влияния активы.

Заключение

Закрепление позиции доллара США как лидера мировых валютных единиц в международной финансовой системе, окончательно сформировавшееся по результатам Ямайской валютной

конференции, позволило правительству США длительное время поддерживать отрицательное сальдо торгового баланса и осуществлять неэквивалентный обмен взамен на приток иностранных инвестиций в государственные ценные бумаги США.

Рисунок 6 – Динамика инвестиций КНР в государственные долговые ценные бумаги США (U.S. Treasuries) и полиномиальная линия тренда (млрд долл. США).

Составлено авторами на основе: U.S. Department of the Treasury [23].

В результате исследования выявлено, что одной из основ лидирующего положения американского доллара в мировой финансовой системе является феномен «нефтедоллара» и финансиализация мирового нефтяного рынка, существенным влиянием в отношении которой обладает Федеральная резервная система США, а также осуществление ценообразования на сырьевых рынках, международных расчетов и платежей в долларах США.

В ходе исследования доказано сокращение использования доллара США в структуре международных резервов – на 19,69% с 71,46 в 1 квартале 2000 году до 57,39% в 3 квартале 2024 года, или на 14,07 б.п. Также установлено, что наибольший объем сокращения инвестиций в сопряженные с долларом США активы осуществили Российская Федерация (с $176,3 млрд в 2010 году до $31 млн. в октябре 2023 году) и Китайская Народная Республика (с $1214,2 . в 2014 году до $759,0 млрд. в декабре 2024 года).

Таким образом, в результате исследования доказано, что в ходе непрерывного исторического развития международная финансовая система продолжает структурную трансформацию, проявляющуюся в устойчивой тенденции дедолларизации, одними из направлений которой являются изменение валютной композиции международных валютных резервов – замещение доллара США национальными валютами, – а также диверсификация инвестиций, проявляющаяся в форме замещения сопряженных с долларом США активов, таких как государственные долговые ценные бумаги США.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Адлер И. Э. (2010). Роль доллара США в обслуживании внешнеторговых операций. Горный информационно-аналитический бюллетень (научно-технический журнал), №7, с. 46-50. [Adler, I. E. (2010). The role of the US dollar in servicing foreign trade operations. Mining Information and Analytical Bulletin (scientific and Technical journal), No. 7, pp. 46-50. (in Russian)].

2. Боков А.Н. (2021). Кризис на мировом нефтяном рынке в 2020 году // Инновации и инвестиции, №9, с. 52-54. [Bokov A.N. (2021). The crisis in the global oil market in 2020 // Innovations and Investments, No. 9, pp. 52-54. (in Russian)].

3. Буторина О.В. (2015). Как США обеспечили победу доллара в Бреттон-Вудсе // Вопросы экономики, 2015; (8):58-72. https://doi.org/10. 32609/0042-8736-2015-8-58-72. [Butorina O. Dollar's triumph in Bretton Woods: how was it done? Voprosy Ekonomiki. 2015; №8. с. 58-72. https://doi.org/10.32609/0042-8736-2015-8-58-72 (In Russian)]

4. Бушуев В. В., Замятина Д. П. (2017). Финансиализация рынка нефти и варианты хеджирования бюджета Российской Федерации. Стратегические решения и риск-менеджмент, (4 (103)), с. 10-15. [Bushuev V. V., Zamyatina D. P. (2017). Financialization of the oil market and options for hedging the budget of the Russian Federation. Strategic Decisions and risk management, (4 (103)), pp. 10-15. (in Russian)].

5. Волынский А.И., Круглова М.С., Никитина С.А., Плущевская Ю.Л., Славинская О.А. (2024). Юанизация в России: политический конструкт или экономическая реальность?: Научный доклад. – М.: ИЭ РАН, 2024. – 54 с. [Volynsky A.I., Kruglova M.S., Nikitina S.A., Plushevskaya Y.L., Slavinskaya O.A. (2024). Yuanization in Russia: a political construct or an economic reality?: Scientific report. – M.: IE RAS, 2024. – 54 p. (In Russian)].

6. Гаранина О.Л. (2016). Актуальные вопросы биржевого ценообразования на нефть. Российский внешнеэкономический вестник, №4. С. 98-113. [Garanina O.L. (2016). Current issues of oil exchange pricing. Russian Foreign Economic Bulletin, No. 4. pp. 98-113 (In Russian)].

7. Головнин М.Ю. (2021). Механизмы расширения сферы использования валют стран с формирующимися рынками в мировой валютной системе. Вестник Института экономики Российской академии наук, (6), 7-17. doi: 10.52180/2073-6487_2021_6_7_17 [Golovnin M.Yu. (2021). Measures to expand the use of emerging market currencies in the international monetary system. Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, (6), pp. 7-17. doi: 10.52180/2073-6487_2021_6_7_17. (In Russian)].

8. Индекс нефти BRENT (2024) – [Электронный ресурс] Investfunds.ru – Режим доступа: https://investfunds.ru/indexes/624/ (дата обращения: 22.10.2024).

9. Королева А. Доллар США: ещё не вечер // Эксперт. 2023. URL: https://expert.ru/2023/02/16/dollar-ssha-yesche-ne-vecher (дата обращения: 18.04.2025). Было 25

10. Кузнецов А. В. Императивы трансформации мировой валютно-финансовой системы в условиях многополярности // Финансы: теория и практика. 2022. Т. 26, № 2. С. 190–203. DOI: 10.26794/2587-5671-2022-26-2-190-203. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/imperativy-transformatsii-mirovoy-valyutno-finansovoy-sistemy-v-usloviyah-mnogopolyarnosti/viewer (дата обращения: 18.04.2025). БЫЛО 26

11. Масленников А. О. (2015). Крупнейшие мировые банки на рынке нефтяных деривативов // Мировая экономика и международные отношения. – Выпуск №9 С. 69-79. [Maslennikov A. (2015). World leading commercial banks in crude oil derivatives market. Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnyje otnoshenija. no. 9, pp.69-79]

12. Милькин В. (2023). Высокий спрос на углеводороды сохранится вплоть до 2050 года – [Электронный ресурс] Ведомости. Режим доступа:URL: https: //www. vedomosti.ru/business/articles/2023/10/25/1002342-visokii-spros-na- uglevodorodi- sohranitsya (дата обращения: 07.06.2024). [Milkin V. (2023). High demand for hydrocarbons will remain until 2050 – [Electronic resource] Vedomosti. – URL: https: //www. vedomos-ti.ru/business/articles/2023/10/25/1002342-visokii-spros-na - uglevodorodi-

sohranitsya (access on 07.06.2024)].

13. Минаев С. В. (2001). Нефтяные цены-2000: шок, вызванный глобализацией. Глобальная экономика: 2000 год, (1), 48-61. [Minaev S. V. (2001). Oil prices-2000: the shock caused by globalization. The Global Economy: 2000, (1), 48-61. (In Russian)].

14. Россия в октябре сократила запасы госдолга США - Минфин США – [Электронный ресурс] Информационное агентство «ТАСС». – 2023. Режим доступа:URL: https://tass.com/economy/1724003 (дата обращения: 29.10.2024) [Russia reduces holdings of US state debt in October — US Treasury Department – [Electronic source] TASS News Agency (2023). – URL: https://tass.com/economy/1724003 (access on 10/29/2024)].

15. Сюй В. Дедолларизация как направление финансовой политики России в современных условиях // Проблемы прогнозирования. - 2023. № 1(196). - С.16-31. [Xu Wenhong. Dedollarization as a Direction of Russia's Financial Policy in Current Conditions // Studies on Russian Economic Development. 2023. Vol. 34. No. 1. Pp. 9-18. DOI: 10.1134/S1075700723010185 (in Russian)].

16. Фейгин В. (2009). Конец эры «бумажной нефти» – [Электронный ресурс] Россия в мировой политике. – Режим доступа:URL: https://globalaffairs.ru/articles/konecz-ery-bumazhnoj-nefti/ (дата обращения: 12.06.2024). [Feigin V. (2009). The end of the era of «paper oil» – [Electronic resource] Russia in world politics. – URL: https://globalaffairs.ru/articles/konecz-ery-bumazhnoj-nefti / (access on 06/12/2024). (in Russian)].

17. Чувахина Л.Г. (2022). Стратегические приоритеты ФРС США в условиях современной мировой экономики. С. 289– 325. – [Электроный ресурс] URL: https://mgimo.ru/upload/diss/2022/Chuvahina_diss.pdf (дата обращения: 06/07/2024)МГИМО МИД РФ. Strategic priorities of the US Federal Reserve in the context of the modern world economy. pp. 289– 325. – [[Electronic resource] MGIMO Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation. – URL: https://mgimo.ru/upload/diss/2022/Chuvahina_diss.pdf (access on 06/07/2024)].

18. Шугаев Г. (2019). США, сланцевая нефть и ОПЕК+. Штаты манипулируют мировым нефтяным рынком. В этом им помогает нефтяной картель – [Электронный ресурс] Lenta.ru. – Режим доступа:URL: https://lenta. ru/articles/2019/03/18/opek/ (дата обращения: 17.06.2024). [Shugaev G. (2019). USA, shale oil and OPEC+. The state manipulates the global oil market. The oil cartel helps them in this - [Electric resource] Lenta.ru. - URL: https://lenta.ru/articles/2019/03/18/opek / (access on 06/17/2024)].

19. Arslanalp S., Eichengreen B., Simpson-Bell C. The stealth erosion of dollar dominance and the rise of nontraditional reserve currencies // Journal of International Economics. 2022;138:103656. DOI: 10.1016/j.jinteco.2022.103656. URL: https://www.imf.org/en/Publications/WP/Issues/2022/03/24/The-Stealth-Erosion-of-Dollar-Dominance-Active-Diversifiers-and-the-Rise-of-Nontraditional-515150 (дата обращения: 18.04.2025).

20. Currency composition of Official Foreign Exchange Reserves (COFER) (2024) – International Monetary Fund (IMF). – URL: https://data.imf.org/?sk=e6a5f467-c14b-4aa8-9f6d-5a09ec4e62a4 (дата обращения: 26.02.2025).

21. Halcoussis D. The public choice approach to international sanctions: retrospect and prospect. Research Handbook on Economic Sanctions. 2021 Jan 1;152–66. DOI:10.4337/9781839102721.00014 URL: https://scholar.google.com/citations?viewop=viewcitationhl=enuser=ai6u6WgAAAAJcitationforview=ai6u6WgAAAAJ:qUcmZB5y_30C (дата обращения: 18.04.2025).

22. Major foreign holders of treasury securities – U.S. Department of the Treasury (2024). – URL: https://ticdata.treasury.gov/Publish/mfhhis01.txt (дата обращения: 29.10.2024).

23. Major Foreign Holders of Treasury Securities (2024). – U.S. Department of the Treasury. – URL: https://ticdata.treasury.gov/resource-center/data-chart-center/tic/Documents/slt_table5.html (дата обращения: 26.02.2025).

24. McDowell, D. Financial sanctions and political risk in the international currency system / D. McDowell // Review of International Political Economy. — 2020. — № 28 (3). — P. 1–27. — DOI:

10.1080/09692290.2020.1736126. URL : https://www.sci-hub.ru/10.1080/09692290.2020.1736126 (дата обращения: 18.04.2025).

25. Official Reserve Assets of China – State Administration of Foreign Exchange. URL: https://www.safe.gov.cn/en/ForexReserves/index.html (дата обращения: 18.04.2025).

26. Pazarbasioglu, C, A Garcia Mora, M Uttamchandani, H Natarajan, E Feyen and M Saal: "Digital financial services", World Bank. Digital Financial Services. Report, World Bank, Washington, D.C., 2020. URL: https://www.bis.org/fsi/fsibriefs9.pdf (дата обращения: 18.04.2025).

27. Prasad E. Has the dollar lost ground as the dominant international currency? Brookings, 2023 URL: https://www.brookings.edu/research/has-the-dollar-lost-ground-as-the-dominant-international-currency/ (дата обращения: 18.04.2025).

28. Serkan A, Barry E., Chima S. (2022). The stealth erosion of dollar dominance and the rise of nontraditional reserve currencies // Journal of International Economics. - №138. ISSN 0022-1996, https://doi.org/10.1016/j.inteco.2022.103656

29. U.S. Treasury Securities Held by Foreign Residents 1/ in January 2023 (2023). – [Electronic source] U.S. Department of the Treasury. – URL: ticdata.treasury.gov/Publish/slt3d.txt (дата обращения: 29.10.2024).

30. Wong, A. (2016). The Untold Story Behind Saudi Arabia's 41-Year U.S. Debt Secret – Bloomberg. – URL: https://www.bloomberg.com/news/features/2016-05-30/the-untold-story-behind-saudi-arabia-s-41-year-u-s-debt-secret (дата обращения: 12.06.2024).

31. World energy outlook 2024 (2024). – International energy. – URL: https://www.iea.org/reports/world-energy-outlook-2024 (английский язык) (дата обращения: 07.06.2024).

Transformation of the global financial system: the US dollar and national currencies

Omarova Zarema Kurbanovna
Doctor of Economics, Associate Professor, Leading Researcher
Federal State Budgetary Institution of Science Central Economics and Mathematics Institute of the Russian Academy of Sciences, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia
E-mail: ZKOmarova@fa.ru

Korovaevich Alexander Andreevich
Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia
Email: korovaevich@gmail.com

Konoplev Stanislav Igorevich
Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia
Email: 239604@edu.fa.ru

KEYWORDS

global financial system, Federal Reserve System, dollar, national currencies, de-dollarization, oil, futures, yuan, ruble, deglobalization

ABSTRACT

The article is devoted to the issues of evolution and modern transformation of the architecture of the global financial system. The relevance of the study lies in the importance of detailing the current issues of the influence of the currency factor on international trade, settlements and pricing in the commodity markets in the context of deglobalization and rapid transformation of the global financial system, the transition to a multipolar world order. The purpose of the study is to analyze the role of national currencies in the transformation of the global financial system and their influence on the processes of formation of a multipolar world order. The objectives of the study include a comprehensive analysis of the currency composition of international settlements and foreign exchange reserves, as well as detailing the dynamics of the use of national currencies in international reserves and settlements. The methods of the study include analysis (structural-dynamic, statistical), the method of expert assessments. The data sample covers the period from 2000 to 2024 and is based on data from international financial institutions and organizations such as the International Monetary Fund (IMF), SWIFT. As a result of the study, based on statistical data, the hypothesis about the decreasing role of the US dollar in the global financial system was confirmed, which is manifested in the reduction of its use in sovereign international currency reserves, as well as in the implementation of international settlements. In parallel with the decrease in the share of the US dollar, it is being replaced by national currencies. In turn, the change in the currency composition serves as an additional driver of deglobalization of the global financial system, the formation of new currency associations and alternative settlement systems. The scope of application of the results includes the development of currency regulation strategies, improvement of international financial cooperation and the formation of a more equitable and sustainable global financial system. The limitations of the study are related to the limited frequency of release of statistical data on international currency reserves, as well as the limited availability of statistical information on investments in Chinese government securities. Future research may be aimed at studying the impact of digital currencies and blockchain technologies on the transformation of the global financial system.

Прогнозы и сценарии изменения географии экспорта и импорта промышленных предприятий Санкт-Петербурга под воздействием деглобализации и санкций

Елкина Ольга Сергеевна

доктор экономических наук, профессор,
Северо-Западный институт управления РАНХиГС, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
E-mail: elkina-os@ranepa.ru

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

деглобализация, география экспорта и импорта, промышленные предприятия Санкт-Петербурга, прогноз изменения экспортно-импортных операций, прогноз технологического развития, риски промышленного развития

АННОТАЦИЯ

Деглобализация и санкции изменяют географию экспорта и импорта промышленных предприятий. Последствия деглобализации не всегда однозначны и положительны. В качестве плюсов можно назвать активный рост национального производства, повышение суверенитета, переход к независимой экономике. Но существуют и недостатки этого процесса, связанного со снижением дохода и необходимости переориентации производства и логистики поставок. Изучение тенденций адаптации предприятий к деглобализации и влиянию санкций позволяет спрогнозировать негативные тренды и вовремя построить политику коррекции этих процессов. Поэтому цель исследования - выявление и оценка тенденций деглобализации и влияния санкций на промышленные предприятия г. Санкт-Петербурга, географию экспорта и импорта, и построение прогнозов и сценариев развития его промышленности. Основные результаты, полученные в исследовании, следующие. Проанализирован опыт адаптации промышленных предприятий г. Санкт-Петербурга к процессу деглобализации и санкциям и определены перспективы его развития. На основе выявленных тенденций были построены краткосрочный, среднесрочный и долгосрочный прогнозы развития промышленности, в том числе по отраслям промышленности Санкт-Петербурга. В исследовании представлены прогноз направлений технологического и промышленного развития Санкт-Петербурга до 2030 года, прогноз и сценарии изменения географии экспортно-импортных операций промышленных предприятий Санкт-Петербурга. Построение прогнозов и сценариев развития промышленных предприятий позволили определить ключевые риски и вызовы, с которыми столкнётся промышленное развитие: ограничение доступа к технологиям ЕС и США, конкуренция со стороны Китая и инфраструктурные ограничения.

JEL codes: P23, P25, P11

DOI: https://doi.org/10.52957/2221-3260-2025-3-96-110

Для цитирования: Елкина, О.С. Прогнозы и сценарии изменения географии экспорта и импорта промышленных предприятий Санкт-Петербурга под воздействием деглобализации и санкций / О.С. Елкина. - Текст : электронный // Теоретическая экономика. - 2025 - 3. - С.96-110. - URL: http://www.theoreticaleconomy.ru (Дата публикации: 30.03.2025)

Введение

Деглобализация представляет собой процесс снижения уровня экономической, технологической, научной, торговой и т.п. интеграции между странами. Если в процессе глобализации происходит рост международных связей, она базируется на свободной торговле и упрощении процедур перемещения капитала, в том числе и спекулятивного, то деглобализация — это обратный процесс, при котором ужесточаются торговые барьеры посредством введения санкций, пошлин, квот и т.п; снижается

© Елкина О.С., 2025

зависимость от иностранных контрагентов и инвесторов; происходит переход на локальное производство и импортозамещение; разрушаются и перестраиваются глобальные цепочки поставок.

Последствия деглобализации не всегда однозначны или положительны. В качестве плюсов можно назвать активный рост национального производства, уменьшение зависимости от других стран и повышение суверенитета, укрепление внутреннего рынка труда и рабочих мест, переход к более независимой экономике, где страны и компании ориентируются в большей степени на внутренние ресурсы и ближайших партнеров.

Но существуют и недостатки такого процесса.

Во-первых, деглобализация может приводить к экономическому спаду и снижению доходов. Это характерно для регионов с небольшими или не диверсифицированными экономиками. Такие регионы могут столкнуться с трудностями в поддержании прежних уровней производства и занятости из-за ухода контрагентов, сокращения возможностей экспорта и иностранных инвестиций [1].

Во-вторых, увеличение цен на энергоносители и продовольствие, вызванное разрывом глобальных цепочек поставок, что может привести к росту инфляции. Это особенно опасно для регионов, зависимых от импорта товаров и технологий. Повышение стоимости жизни может спровоцировать социальные волнения и нестабильность [10].

В-третьих, деглобализация способствует разделению экономики на отдельные блоки, части, что может привести к созданию замкнутых экономических систем. Это ограничивает доступ регионов к международным рынкам, технологиями, инвестициям, продуктам, снижая их конкурентоспособность и замедляя инновационное развитие [11].

В-четвертых, регионы, зависящие от экспорта или импорта определенных товаров или технологий, становятся более уязвимыми к внешним шокам или санкциям. Например, снижение спроса на экспортные товары или перебои в поставках критически важных импортных ресурсов может существенно подорвать их экономическую стабильность [19].

В-пятых, деглобализация может усилить экономическое неравенство между регионами, поскольку более развитые регионы с диверсифицированной экономикой смогут лучше и быстрее адаптироваться к новым условиям, тогда как менее развитые регионы столкнуться с большими трудностями и ограничениями. Это может привести к увеличению разрыва в уровне жизни и социальному напряжению.

Таки образом, деглобализация представляет собой серьезный вызов для регионов, требующий разработки стратегий адаптации и диверсификации экономик для минимизации негативных последствий. Поэтому основной целью нашего исследование является выявление о оценка тенденций деглобализации и влияния санкций на промышленные предприятия г. Санкт-Петербурга, географию экспорта и импорта, и построение прогнозов и сценариев развития его промышленности.

Результаты исследования.

Тенденции деглобализации, основанные на санкционном давлении, сегодня оказывают значительное влияние и на промышленные предприятия России и Санкт-Петербурга. Происходит изменение географии экспортно-импортных операций, обусловленное изменением торговых маршрутов и глобальных цепей поставок, переориентацией на новые рынки.

Для промышленных предприятий эти изменения означают необходимость адаптации к новым условиям. Это включает поиск новых партнеров, изменение логистических цепочек и переориентацию на другие рынки сбыта. В условиях деглобализации и изменения географии торговых потоков предприятиям важно быть гибкими и готовыми к оперативным изменениям в своей внешнеэкономической деятельности.

В этой связи, в новых экономических условиях предприятия вынуждены пересматривать свои стратегии международного сотрудничества. И за период с 2022 по 2024 год произошла существенная трансформация этого сотрудничества в России (см. таблицу 1.).

Таблица 1 – Адаптация предприятий к процессам деглобализации

Тенденция	Пояснения
Переориентация на азиатские рынки	Ключевыми партнерами стали Китай, Турция, Индия, страны Юго-восточной Азии. Новые торговые соглашения заключаются в юанях и рублях для того, чтобы снизить зависимость от доллара США и Евро.
Развитие внутрироссийской кооперация	В целях замещения импорта происходит усиление связей с предприятиями внутри страны. Создаются новые производственные мощности, происходит локализация технологий и производств
Изменение логистики и транспортных маршрутов	Развивается Северный морской путь и альтернативные маршруты через Среднюю Азию и Каспийские регионы. Расширяются транспортные коридоры с участием Ирана и Индии. Все это позволило снизить зависимость от европейских портов.
Усиление импортозамещения и технологической независимости	Рост инвестиций в разработку отечественных технологий, особенно в машиностроении, микроэлектроники и химической промышленности, государственная поддержка программ по локализации производства способствует усилению импортозамещения и технологической независимости

Источник: составлено атором

Адаптация предприятий промышленности к деглобализации идет достаточно сложно, но все эти изменения создают возможности для долгосрочного развития промышленности. Новые кооперационные связи и модернизация логистики делают предприятия более устойчивыми и независимыми от геополитических рисков.

Для иллюстрации этих процессов можно привести пример судостроительная отрасли. Эта отрасль столкнулась с серьезными вызовами в связи с введением санкций против России в 2022 году. Эти ограничения привели к дефициту импортных комплектующих и оборудования, что существенно осложнило выполнение текущих проектов и планирование новых [16], а также привело к увеличению затрат, связанных с необходимостью перепроектирования.

Например, в рамках программы инвестиционных квот «Русская рыбопромышленная компания» планировала построить до конца 2025 года десять траулеров проекта ST-192 на мощностях «Адмиралтейских верфей». Однако из-за санкций удалось завершить строительство только четырёх судов, а работы над остальными были приостановлены. Для продолжения строительства требуется полная замена основных узлов судов на отечественные или альтернативные аналоги, что влечёт за собой перепроектирование и дополнительные затраты. Кроме того, санкции затруднили доступ к современным навигационным системам, двигателям высокой мощности и другим критически важным компонентам, ранее поставляемым зарубежными производителями, такими как Wärtsilä, MAN, Mitsubishi и Yanmar. До введения санкций до 95% комплектующих закупалось за рубежом, что подчёркивает масштаб проблемы [14]. В условиях прекращения поставок западного оборудования «Адмиралтейские верфи» вынуждены заменять иностранных поставщиков на отечественных. Это все требует перепроектирования судов и поиска новых решений для замены критически важных компонентов.

Позитивное влияние деглобализации для этой отрасли связано с тем, что она способствует развитию внутреннего рынка и снижению зависимости от зарубежных поставок. В частности, «Адмиралтейских верфи» планирует модернизацию своих мощностей для строительства танкеров типа Aframax, используемых для транспортировки нефти, включая маршруты по Северному морскому пути. Эта инициатива направлена на удовлетворение спроса на такие суда, что может

открыть новые возможности на международных рынках.

Введенные санкции блокировали поставки продукции предприятия в Европу, но вырос интерес со стороны Индии и стран Африки. Это способствовало переориентации экспорта и выходу на новые рынки сбыта. Сформировались новые кооперационные связи с китайскими производителями судового оборудования. В перспективе компании - создание нового типа судов с учетом импортозамещения.

Можно привести пример адаптации «Кировского завода» (производителя промышленного оборудования). Уже после введения первых санкций в 2022 году «Петербургский тракторный завод» (входит в группу компаний «Кировский завод») перенаправил экспорт с европейских и американских рынков на внутренний рынок, а также на страны ближнего зарубежья, такие как Белоруссия и Казахстан. Например, в 2023 году Белоруссия приобрела 40 тракторов, а Казахстан — 122 [5]. Однако объемы производства сократились. Причиной было снижение цен на пшеницу, что привело к сокращению доходов аграриев, и соответственно, спроса на сельскохозяйственную технику. Сейчас завод усиливает сотрудничество с партнёрами из дружественных стран, включая государства Африки и Азии. К 2024 году завод осуществил процесс импортозамещения и вышел на локализацию производства компонентов, которые ранее поставлялись из Европы. В рамках сотрудничества и кооперации осуществляет взаимодействие с предприятиями в Иране и Турции. Были сформированы новые логистические маршруты через Казахстан и Азербайджан. Изменение географии экспорта привело к снижению объемов продаж, но позволило выйти на новые рынки. Изменение импорта поставок привело к большей самостоятельности и новым кооперационным связям.

Интересен опыт компании «Силовые машины» (производство турбин и энергетического оборудования). Это предприятие не только изменило географию экспорта, переключившись на страны БРИКС, особенно Индию и Бразилию, справилось с зависимостью от импорта, организовав ускоренное производство российский аналогов западных комплектующих. Но и адаптировала свою контрактную работу, стала включать гибридные арбитражные оговорки и выбор альтернативных юрисдикций для разрешения споров, что позволяет минимизировать риски, связанные с санкциями [7].

Примеры этих предприятий показывают, что адаптация к новым реалиям возможна. Санкт-Петербургская промышленность движется в сторону диверсификации поставщиков, импортозамещения и выхода на новые рынки.

Если проанализировать тенденции адаптации и существующие программы развития компаний, то можно выделить следующие перспективы развития промышленных предприятий Санкт-Петербурга.

Во-первых, это конечно же, продолжение укрепления связей с Азией и странами БРИГС. Китай, Индия, Турция и Иран становятся ключевыми партнерами. По данным сайта Минэкономразвития, Санкт-Петербург вошел в пятерку регионов-лидеров по торговле с Китаем.

Во-вторых, будет происходить увеличение объема взаиморасчетов в национальной валюте и снижение зависимости от западных финансовых систем. За 11 месяцев 2024 года взаимный товарооборот между Россией и Китаем вырос более чем на 7%, превысив 220 миллиардов долларов. В 2024 году доля расчетов в национальных валютах между Россией и Китаем достигла 95%, а с Индией — более 65% [15]. Эти данные свидетельствуют о значительном росте использования национальных валют в международных расчетах, что отражается и на промышленных предприятиях Санкт-Петербурга в их торговых отношениях с указанными странами.

В-третьих, благодаря государственной поддержки через субсидии, налоговые льготы и инвестиции в НИОКР произойдет активное развитие машиностроения, электроники и химической промышленности. В 2023 году промышленные организации Санкт-Петербурга могли получить возмещение на выполнение научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ (НИОКР) до 50% понесенных затрат, но не более 20 млн. рублей на одну организацию [12]. В 2024 году максимальный

размер субсидий для одной организации на уплату лизинговых платежей за технологическое оборудование составлял 20 млн. рублей.

В период с 2022 по 2024 годы в Санкт-Петербурге действовали различные налоговые льготы для промышленных предприятий, направленные на стимулирование инвестиций и поддержку экономического развития. В частности, предприятия могли уменьшить налог на прибыль на 90% суммы расходов, связанных с приобретением или созданием основных средств, относящихся к определенным амортизационным группам. При этом ставка налога на прибыль, зачисляемого в региональный бюджет, составляла 5%. Организации, безвозмездно передающие движимое имущество образовательным организациям с государственной аккредитацией, могли уменьшить налог на прибыль на 100% стоимости переданного имущества. Ставка налога на прибыль в этом случае также составляла 5% [3].

Организации, осуществляющие деятельность в сферах обрабатывающего производства, производства и распределения электроэнергии, газа и воды, а также транспорта и связи, могли быть освобождены от уплаты налога на имущество на срок до 5 налоговых периодов при условии инвестиций не менее 800 млн рублей в течение трех лет. Организации, управляющие объектами, получившими статус инновационно-промышленного или технологического парка, могли быть освобождены от уплаты налога на имущество на срок до 10 налоговых периодов.

В-четвертых, произойдет окончательная адаптация портовой инфраструктуры Санкт-Петербурга под новые торговые маршруты и развитие Северного морского пути и коридора через Каспий-Иран-Индию.

В период с 2022 по 2024 годы портовая инфраструктура Санкт-Петербурга претерпела значительные изменения в ответ на изменение геополитической ситуации и торговых маршрутов. В частности, в 2023 году каботажные перевозки контейнеров на Балтике увеличились в 35 раз, что позволило преодолеть барьеры, введенные недружественными странами для сухопутных перевозок, и поддержать Калининградский порт, грузооборот которого по итогам 2023 года превысил результаты 2022 года на 6–7% [9]. Эти изменения свидетельствуют о быстрой и эффективной адаптации портовой инфраструктуры Санкт-Петербурга и других балтийских портов к новым торговым условиям, обеспечивая стабильность и развитие региональной экономики.

В-пятых, произойдет рост экспорта в страны СНГ, Ближнего Востока и Африки. Согласно стратегии социально-экономического развития Санкт-Петербурга, эти регионы рассматриваются как перспективные рынки для увеличения экспорта продукции животного происхождения, пищевой промышленности и других отраслей.

Однако, несмотря на позитивные изменения, связанные с адаптацией к санкционному давлению, промышленные предприятия Санкт-Петербурга по-прежнему должны противодействовать вызовам и рискам.

В частности, не решены проблемы, связанные с заменой западных технологий. В высокоточных отраслях, таких как микроэлектроника, авиация, машиностроение невозможны быстрые изменения и требуется сложная адаптация. Замедление развития связано с ограниченным доступом к современному оборудованию, и необходимостью постоянного поиска обходных путей поставок.

Изменение логистики увеличивает расходы на перевозку товаров, что увеличивает себестоимость производства. Азиатские комплектующие могут быть менее качественными, что приводит к снижению конкурентоспособности продукции.

Замещение европейских технологий китайскими может привести к новой зависимости, а отсутствие научно-исследовательской базы тормозит инновационное развитие.

Отсутствие доступа к западным кредитным рынкам, перестройка цепочек финансирования и страхования экспортных сделок формирует инвестиционные барьеры.

Мы видим, что промышленность Санкт-Петербурга сегодня переживает этап активной трансформации. С одной стороны, деглобализация открывает новые рынки и стимулирует

импортозамещение. С другой стороны – перед предприятиями стоят вызовы, связанные с технологическими ограничениями и изменениями логистики.

На основе текущих тенденций можно выделить несколько ключевых направлений и сценариев развития промышленности.

1. Краткосрочный прогноз (2024–2025 гг.)

Произойдет адаптация к новым логистическим маршрутам. Это будет сопровождаться ростом перевозок через порты Дальнего Востока, Каспийского региона и Среднюю Азию. Будут активнее использоваться альтернативные транспортные коридоры для снижения зависимости от Европы.

Благодаря программам поддержки со стороны государства для модернизации производств произойдет локализация производства в отраслях, зависимых от западных комплектующих. Будет наблюдаться рост экспорта в страны БРИГС и СНГ, благодаря укреплению связей с Индией, Китаем, Турцией и странами Латинской Америки. Развитие совместных производств и азиатскими партнерами.

Необходимо будет противостоять финансовым вызовам из-за роста затрат на адаптацию к новым условиям и ограниченным инвестициям со стороны западных компаний. Это будет стимулировать поиск альтернативных источников финансирования.

2. Среднесрочный прогноз (2026–2030 гг.)

Возможно формирование новых промышленных кластеров через создание высокотехнологичных производств в сфере машиностроения, электроники и химии. Произойдет укрепление кооперации внутри России и стран ЕАЭС для развития совместного производства.

Мы будем наблюдать рост технологической независимости. Произойдет развитие отечественных микроэлектронных решений. Будет активно развиваться производство отечественного промышленного оборудования для нефтехимии и машиностроения.

Будет обеспечен устойчивый экспорт в новые регионы. Произойдет увеличение объемов поставок в Азию, Ближний Восток и Африку. Но возможно и восстановление отдельных торговых связей с Европой при изменении геополитической ситуации.

Однако будут наблюдаться и риски глобального технологического разрыва, связанного с отставанием от ведущих мировых экономик из-за санкций и ограниченного доступа к западным технологиям. Это приведет к необходимости ускоренного развития собственной научной базы.

3. Долгосрочный прогноз (после 2030 года)

Произойдет полная перестройка промышленного ландшафта. Появятся новые производства, ориентированные на внутренний рынок и азиатских партнеров. Возможно ослабление санкционного давления, что может открыть возможность для частичного возврата европейских поставок.

Если будет успешное развитие отечественных технологий – Россия может стать самодостаточной в промышленном и технологическом плане. Если зависимость от китайских технологий усилится – появятся новые риски, связанные с импортом критически важных компонентов.

В условиях активных темпов цифровизации экономики произойдет развитие цифровых и роботизированных производств. Будут наблюдаться процессы ускорения автоматизации промышленности и использования искусственного интеллекта и Big Data в управлении производственными процессами.

Можно построить и прогноз по отраслям промышленности Санкт-Петербурга. Рассмотрим ключевые отрасли, их перспективы и возможные риски на ближайшие 5–10 лет.

В качестве общего прогноза к 2025 году, можно резюмировать полную переориентацию на рынки Азии, Ближнего Востока и Африки. Адаптацию логистических цепочек и транспортных маршрутов. Запуск госпроектов по импортозамещению в стратегических отраслях. В 2030 году - снижение зависимости от западных поставщиков, но сохранение технологического разрыва. Возможное усиление кооперации с Китаем и Индией. Рост внутреннего производства ключевых товаров и компонентов.

Таблица 2 – Ключевые отрасли, тренды, риски на ближайшие 5-10 лет

Ключевые предприятия	Тренды	Риски	Прогноз до 2025 года	Прогноз до 2030 года
Судостроение и морская техника				
«Адми-ралтейские верфи», «Балтийский завод», «Судостроительный завод «Север-ная верфь».	- рост заказов от ВМФ России и Росатома (атомные ледоколы, воен-ные корабли). - сотрудничество с Китаем и Индией по строительству гражданского флота. - освоение новых маршрутов через Арктику приведет к за-казу судов ле-дового класса.	- огра-ниченный до-ступ к западным судовым комплектую-щим - рост стоимости импортируе-мых компо-нентов из Азии.	- актив-ная перестройка логистики - поиск новых партнеров	разви-тие отечественного производства судового оборудования
Машиностроение и транспортное производство				
«Киров-ский завод», «Петербург-ский трактор-ный завод», завод «Крас-ный Октябрь»	- локализация про-изводства сельхозтехни-ки и промыш-ленного обо-рудования; - рост экспорта в Казахстан, Беларусь, Иран, Латин-скую Амери-ку; - получение государственной поддержки через субсидии и налоговые льготы	- огра-ниченный доступ к западным технологиям; - китайские комплек-тующие не всегда будут соответствовать высоким стандартам	- про-должится поиск новых логистических цепочек; - продолжится развитие внутренних производств	постепенное снижение завсимости от западных компонентов
Автомобилестроение				
Завод Hyundai в Санкт-Петербурге, бывший завод Nissan (выкуп-лен государством).	- приход китайских автопроизводителей (Chery, Haval, Geely) на рынок.	- воз-можность усиления зависимости от китайских технологий; - высокая конкуренция со стороны китайского импорта	перезапуск простаивающих заводов за счет азиатских партнеров	развитие собствен-ного произ-водства ключевых автокомпонентов.

Ключевые предприятия	Тренды	Риски	Прогноз до 2025 года	Прогноз до 2030 года
	- локализация производства китайских автомобилей на бывших заводах европейских брендов. - рост спроса на отечественные грузовики и автобусы			
Микроэлектроника и IT				
«Анг-стрем», «Мик-рон», «Т-Платформы»	- увели-чение господ-держки в сфере отечественного производства чи-пов. - переход на российские процессоры Baikal, Elbrus. - развитие суперкомпьютеров для промышленности	- сложности в производстве современных процессоров (отставание от Запада на 5–10 лет); - ограниченный доступ к литографическим машинам ASML (Голландия)	поиск поставщиков оборудования в Китае и Южной Корее	возможно частичное импортозамещение западных чипов, но полное достижение независимости маловероятно
Химическая и нефтехимическая промышленность				
«ФосАг-ро», «Балтий-ский завод пластмасс»	- рост экспорта удобрений и химических компонентов в Бразилию, Индию, Африку; - разви-тие нефтехимических производств для замещения импортных полимеров; - увеличение мощностей по переработке нефти внутри страны.	- высокая зависи-мость от зарубежных катализаторов и химических реагентов; - ограничения на экспорт в ЕС могут повлиять на доходность отрасли	активное развитие экспорта в альтернативные страны	развитие локального производства катализаторов и химических компонентов
Фармацевтика и медицинская промышленность				

Ключевые предприятия	Тренды	Риски	Прогноз до 2025 года	Прогноз до 2030 года
«Био-кад», «Фарма-синтез», Санкт-Петербургский институт вакцин и сывороток	- рост отечественного производства лекарств и вакцин; - развитие биотехнологий и генетической инженерии; - разработка российских аналогов западных лекарств.	- ограниченный доступ к западным патентам и технологиям; - дефицит сырья для производства сложных препаратов	локализация производства и поиск новых поставщиков сырья	возможен прорыв в области биотехнологий при поддержке государства.

Источник: составлено атором

Главным вызовом будет проблема замещения критически важных технологий в м микроэлектронике, судостроении и фармацевтике.

Главной возможностью – выход на новые рынки и развитие самостоятельных производств.

Необходимо отметить, что правительство Санкт-Петербурга активно занимается вопросами развития промышленности города. В частности, им разработана технологическая политика развития промышленности Санкт-Петербурга на период до 2030 года. Если проанализировать этот документ, по можно построить следующий прогноз технологического и промышленного развития города (см. Таблицу 3)

Таблица 3 – Прогноз направлений технологического и промышленного развития Санкт-Петербурга до 2030 года

Тенденции	Направления развития
Рост высокотехнологичных отраслей	развитие радиоэлектронной промышленности, машиностроения, фармацевтики и информационных технологий за счет инвестиций и стимулирования инноваций
Цифровая трансформация	широкое внедрение цифровых технологий в производственные процессы, переход на автоматизированные системы управления
Экологическая модернизация	развитие «зеленой» промышленности, снижение углеродного следа, переход на экологически чистые технологии
Технологический суверенитет	развитие критических и сквозных технологий для снижения зависимости от зарубежных поставщиков, особенно в условиях санкционного давления
Рост экспорта	стимулирование международного сотрудничества, поддержка экспорта высокотехнологичной продукции, диверсификация рынков сбыта
Инвестиционная активность	увеличение объемов инвестиций в промышленность, в том числе за счет привлечения венчурного капитала и государственных программ поддержки
Стимулирование НИОКР	поддержка научных исследований и разработок, взаимодействие с вузами, создание технологических кластеров

Источник: составлено атором

В целом, прогнозируется устойчивый рост промышленного производства, увеличение объемов выпуска инновационной продукции и развитие новых отраслей, таких как водородная энергетика и беспилотный транспорт

Изменится и география экспортно-импортных операций промышленных предприятий города до 2030 года (см. Таблицу 4).

Таблица 4 - Прогноз изменений в географии экспортно-импортных операций промышленных предприятий Санкт-Петербурга до 2030 года

Снижение зависимости от недружественных стран	В условиях санкционного давления и ограниченного доступа к западным технологиям предприятия Санкт-Петербурга продолжат снижать долю торговли с Европейским Союзом, США, Японией и другими недружественными странами. Импортозамещение и локализация производства снизят потребность в критически важных зарубежных поставках
Рост экспорта в страны Азии, Ближнего Востока и Африки	Вектор на укрепление экономических связей с Китаем, Индией, Турцией, ОАЭ, Ираном, Египтом, ЮАР и другими странами глобального Юга. Эти регионы становятся ключевыми рынками сбыта для российской радиоэлектроники, энергетического оборудования, транспортного машиностроения и фармацевтики.
Увеличение роли ЕАЭС и СНГ	Беларусь, Казахстан, Армения, Кыргызстан остаются важными партнерами для экспорта готовой продукции и импорта компонентов. Санкт-Петербург укрепит позиции как производственный хаб для стран Евразийского экономического союза.
Рост торговли с Латинской Америкой	Перспективными направлениями экспорта станут Бразилия, Аргентина, Венесуэла и Чили, особенно в сфере энергетического машиностроения, удобрений, медицинской продукции и транспортных технологий.
Расширение сотрудничества с Турцией	Турция укрепляет статус транзитного узла для поставок промышленного оборудования и комплектующих в обход санкций. Турецкие компании активно инвестируют в российские проекты, включая судостроение и производство автокомпонентов
Импорт из Китая и других азиатских стран	Доля Китая в импорте промышленных предприятий Санкт-Петербурга значительно вырастет, особенно в сегментах микроэлектроники, станков, химической продукции и энергетического оборудования. Индия и Вьетнам также станут источниками поставок редкоземельных материалов и комплектующих
Новые логистические маршруты	Активное развитие Северного морского пути как альтернативного маршрута для экспорта в Азию. Расширение железнодорожных и морских перевозок в обход европейских транспортных узлов

Источник: составлено атором

Заключение.

Как мы видим, к 2030 году Санкт-Петербург изменит свою экспортно-импортную географию в

пользу Азии, Ближнего Востока, Африки и Латинской Америки. Произойдет снижение зависимости от Запада и рост интеграции с дружественными странами, что позволит обеспечить стабильное развитие промышленности и торговли.

Проанализировав стратегические документы, мы можем построить прогноз изменения географии экспортно-импортных операций промышленных предприятий Санкт-Петербурга.

Основные тренды и направления.

1. Расширение экспорта высокотехнологичной продукции. Радиоэлектроника, судостроение, водородные технологии станут ключевыми статьями экспорта. Основными рынками сбыта будут:

- ЕС (Германия, Франция, страны Скандинавии), поскольку в них существует активный спрос на «зелёные» технологии и инновации.

- Азия (Китай, Индия, Южная Корея), как следствие развивающегося партнёрство в области цифровизации и энергетики.

- Ближний Восток (ОАЭ, Саудовская Аравия) через интерес к автономным транспортным системам и водородной энергетике.

2. Импорт технологий и комплектующих. Произойдет переориентация на Китай, Турцию, Индию и страны ЕАЭС для снижения зависимости от санкционных ограничений. Будет наблюдаться увеличение закупок оборудования для цифровизации, биотехнологий и фармацевтики.

3. Зелёная экономика. Экспорт экологичных решений (водородные топливные элементы, энергоэффективное оборудование) в страны ЕС, где уже действуют «углеродные налоги». Импорт сырья для «зелёных» технологий (например, редкоземельных металлов) из Монголии, Казахстана, Африки.

4. Новые рынки «продуктов-маяков». Произойдет выход на рынки Юго-Восточной Азии и Латинской Америки с продуктами FoodTech и фармацевтикой (например, дженерики и биопрепараты).

5. Логистические проекты. Будет наблюдаться развитие беспилотных коридоров (Санкт-Петербург — Москва) и автономного судовождения усилит связи с Калининградом и портами Балтийского моря, что упростит экспорт в ЕС.

Прогноз изменения географии экспорта и импорта был бы не полным, если бы не сформировали сценарии этого изменения. Результаты расчетов представлены в таблице 5.

Таблица 5 – Сценарии изменения географии

Регион	Экспорт	Импорт
ЕС	Рост на 15–20% (высокотехнологичная продукция, водородные технологии).	Сокращение на 10–15% из-за санкций, кроме «зелёных» технологий.
Азия	Рост на 25–30% (IT-решения, судостроение, фармацевтика).	Увеличение на 20% (электроника, компоненты для машиностроения).
СНГ	Стабильный рост на 5–10% (автомобили, пищевая промышленность).	Увеличение на 10% (металлы, сельскохозяйственное сырье).
Ближний Восток	Рост на 20–25% (транспортные системы, энергетика).	Импорт нефтегазового оборудования и инвестиции
Африка/Латинская Америка	Новые рынки для фармацевтики и FoodTech (+10–15%).	Сырьё для промышленности (какао, кофе, минералы).

Источник: составлено атором

Ключевыми рисками останутся:

Во-первых, геополитическая напряженность. Санкции могут ограничить доступ к технологиям ЕС и США.

Во-вторых, конкуренция со стороны Китая. В частности, это может проявиться в секторе

водородной энергетики и электроники.

В-третьих, инфраструктурные ограничения. Темпы построения инфраструктуры могут не успевать за развитием логистики для новых направлений.

Таким образом, география экспортно-импортных операций промышленных предприятий Санкт-Петербурга изменится, но риски и вызовы требуют более активного внимания в этом направлении.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Kenneth Rogoff. Деглобализация повредит росту экономики во всех странах [Электронный ресурс] URL: // https://www.project-syndicate.org/commentary/deglobalization-threat-to-world-economy-and-united-states-by-kenneth-rogoff-2020-06 (дата обращения 28.01.2025)

2. Афонина С. Петербургская промышленность разогналась на фоне сильнейших потрясений// России [Электронный ресурс] URL: // https://www.dp.ru/a/2024/02/02/peterburgskaja-promishlennost?ysclid=m87nlghyw396522974 (дата обращения 02.02.2025)

3. ЕС наращивает импорт азотных удобрений из России [Электронный ресурс] URL: // https://dairynews.ru/news/es-narashchivaet-import-azotnykh-udobreniy-iz-ross.html (дата обращения 29.01.2025)

4. Инвестиционный портал Санкт-Петербурга [Электронный ресурс] URL: // https://spbinvestment.ru/ru (дата обращения 29.01.2025)

5. Индия стала лидером по росту импорта удобрений из РФ на фоне санкций [Электронный ресурс] URL: // https://www.alta.ru/external_news/111540/ (дата обращения 28.01.2025)

6. Интервью. Сергей Серебряков: «Мы сократили производство тракторов из-за падения цен на пшеницу» [Электронный ресурс] URL: // https://kzgroup.ru/press-tsentr/sergey-serebryakov-my-sokratili-proizvodstvo-traktorov-iz-za-padeniya-tsen-na-pshenitsu (дата обращения 28.01.2025)

7. Интервью. Денис Коротких. Сломать лёд автоматизации [Электронный ресурс] URL: // https://ascon.ru/news/2018/12/18/slomat-lyod-avtomatizacii-kak-baltijskij-zavod-stroit-samye-bolshie-v-mire-atomnye-ledokoly-s-pomoshchyu-po-askon/ (дата обращения 26.01.2025)

8. Ирина Колосова. Взаимодействие с санкционными юрисдикциями в международном арбитраже [Электронный ресурс] URL: // https://obplaw.ru/2025/01/vzaimodejstvie-s-sanktsionnymi-yurisdiktsiyami-v-mezhdunarodnom-arbitrazhe (дата обращения 28.01.2025)

9. Кириллов К. Как преодолеть зависимость от импортных микросхем [Электронный ресурс] URL: // https://rg.ru/2023/02/28/reg-cfo/chipmejkery-speshat-na-pomoshch.html (дата обращения 28.01.2025)

10. Кувалин Д.Б., Щербанин Ю.А. Адаптация экономики Российских регионов к разрыву отношений с Европой (на примере портов Балтийского моря)// Балтийский регион – 2023. – Т.15. - № 4. С. 62-78

11. Кувшинова О. Перспективы регионов мира, риски деглобализации и «перемасштабирование неопределенности» [Электронный ресурс] URL: // https://econs.online/articles/blogs/perspektivy-regionov-mira-riski-deglobalizatsii (дата обращения 27.01.2025)

12. Миронов В. Острова инноваций: почему России стоит готовиться к деглобализации/ [Электронный ресурс] URL: // https://www.forbes.ru/mneniya/483913-ostrova-innovacij-pocemu-rossii-stoit-gotovit-sa-k-deglobalizacii (дата обращения 26.01.2025)

13. Официальный сайт Администрация Санкт-Петербурга //[Электронный ресурс] URL: // https://www.gov.spb.ru/ (дата обращения 03.02.2025)

14. Официальный сайт Союз «Санкт-Петербургская торгово-промышленная палата» // [Электронный ресурс] URL: // https://spb.tpprf.ru/ru/ (дата обращения 03.02.2025)

15. Постановление от 2 ноября 2023 года N 1160 Порядок предоставления в 2023 году субсидий субъектам деятельности в сфере промышленности в Санкт-Петербурге на возмещение части затрат организаций, связанных с выполнением опытно-конструкторских работ, научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ. //Правовая система консультант Плюс. // [Электронный ресурс] URL: https://www.consultant.ru/?ysclid=m7ja7u0x3y245470257 (дата обращения 28.01.2025)

16. Постсоветские государства на современном этапе: внутриполитическая динамика и поиск путей развития / отв. ред. Э.Г. Соловьев. – Москва: ИМЭМО РАН, 2024. – 209 с. [Электронный ресурс] URL: https://www.imemo.ru/files/File/ru/publ/2024/Post-SovietStates-Solovyev.pdf (дата обращения 29.01.2025)

17. Развитие судостроительной отрасли в РФ в 2023 году: спрос превышает предложение // Группа Деловой профиль [Электронный ресурс] URL: https://delprof.ru/press-center/open-analytics/razvitie-sudostroitelnoy-otrasli-v-rf-v-2023-godu-spros-prevyshaet-predlozhenie (дата обращения 30.01.2025)

18. Росстат. Официальный сайт //[Электронный ресурс] URL: // rosstat.gov.ru

19. С Турцией и Индией мы ожидаем торговлю в пределах $60 млрд по итогам 2024 года [Электронный ресурс] URL: // https://www.alta.ru/ts_news/115517/ (дата обращения 28.01.2025)

20. Савченков К.А., Вербицкий С.В., Лобанов А.В. ОБЗОР ВЛИЯНИЯ ЗАРУБЕЖНЫХ САНКЦИЙ НА РОССИЙСКОЕ СУДОСТРОЕНИЕ // Труды Крыловского государственного научного центра. Т. 3, № 409. 2024 С 145- 160 [Электронный ресурс] URL: file:///C:/Users/%D0%90698/Downloads/obzor-vliyaniya-zarubezhnyh-sanktsiy-na-rossiyskoe-sudostroenie.pdf (дата обращения 25.01.2025)

21. США ввели санкции против «Ангстрема» и «Микрона» [Электронный ресурс] URL: // https://www.cnews.ru/news/top/2016-09-07_angstrem_i_mikron_popali_pod_amerikanskie (дата обращения 27.01.2025)

22. Технологическая политика развития промышленности Санкт-Петербурга на период до 2030 года. [Электронный ресурс] URL: // https://dspp.cipit.gov.spb.ru/news/107988/ (дата обращения 28.01.2025)

23. Тюрина О.А. Деглобализация: миф или реальность? // Вестник Алтайской академии экономики и права. – 2023. – № 10 (часть 2) – С. 262-266

24. ФосАгро публикует операционные и финансовые результаты за 12 месяцев 2024 г. [Электронный ресурс] URL: // https://www.phosagro.ru/press/company/fosagro-publikuet-operatsionnye-i-finansovye-rezultaty-za-12-mesyatsev-2024-g/ (дата обращения 29.01.2025)

25. Хмелева Г.А. Динамика импортозависимости регионов России: сопротивление автаркии //π-Economy. 2024, Vol. 17, No. 2. Pp. 86–99. С. 90-91 [Электронный ресурс] URL: https://economy.spbstu.ru/userfiles/files/volume/E17_2_2024.pdf (дата обращения 28.01.2025)

Forecasts and scenarios for changes in the geography of exports and imports of industrial enterprises of St. Petersburg under the influence of deglobalization and sanctions

Elkina Olga Sergeevna
Doctor of Economic Sciences, Professor,
North-West Institute of Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, St. Petersburg, Russian Federation
E-mail: elkina-os@ranepa.ru

KEYWORDS

deglobalization, geography of exports and imports, industrial enterprises of St. Petersburg, forecast of export and import operations, forecast of technological development

ABSTRACT

Deglobalization and sanctions are changing the geography of exports and imports of industrial enterprises. The consequences of deglobalization are not always single-valued and positive. The advantages include the active growth of national production, increased sovereignty, and the transition to an independent economy. But there are also disadvantages of this process, associated with a decrease in income and the need to reorient production and supply chain. Studying the trends of enterprises' adaptation to deglobalization and the impact of sanctions makes it possible to predict negative trends and build a timely policy to correct these processes. Therefore, the purpose of the study is to identify and assess trends in deglobalization and the impact of sanctions on industrial enterprises in St. Petersburg, the geography of exports and imports, and to build forecasts and scenarios for the development of its industry. The main results obtained in the study are as follows. The experience of adaptation of industrial enterprises in St. Petersburg's attitude to the process of deglobalization and sanctions and their identified development prospects. Based on the identified trends, short-, medium- and long-term forecasts of industrial development were built, including for the industries of St. Petersburg. The study presents a forecast of the directions of technological and industrial development of St. Petersburg until 2030, forecasts and scenarios for changing the geography of export-import operations of industrial enterprises in St. Petersburg.

Новый подход к классификации теорий развития мировой экономики

Карагулян Егине Араратовна

кандидат экономических наук, доцент,
Института экономики УрО РАН, г. Екатеринбург, Российская Федерация
E-mail: karagulyan.ea@uiec.ru

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

теории развития мировой экономики, теории трансформации мировой экономики, факторы развития мировой экономики, предпосылки развития мировой экономики, типологизация теорий развития мировой экономики

АННОТАЦИЯ

В научной литературе представлен широкий перечень исследований, посвященных теории развития мировой экономики. Вместе с тем устоявшейся теории развития мировой экономики до сих пор не существует. Представленные исследования отличаются применяемыми в них методами, а также тем, какие предпосылки, факторы и движущие силы находятся в их основе. В связи с этим именно данные критерии чаще всего используются для классификации теорий развития мировой экономики, что не позволяет в полной мере отразить разнообразие и междисциплинарность исследований в области развития мировой экономики. Классификационные методы имеют широкое значение для решения научных задач в экономике. Четко выстроенная классификация обладает большой эвристической силой, позволяет учесть результаты предшествующего развития мировой экономики и вместе с тем определить начало нового этапа в ее развитии, предсказать существование неизвестных ранее связей и зависимостей между субъектами, а также протекающими в мировой экономике процессами. Цель статьи состоит в систематизации существующих теорий развития мировой экономики с целью выработки новых критериев и признаков классификации теорий развития мировой экономики. В статье представлен авторский подход к классификации теорий развития мировой экономики. Основными методами исследования являлись критический и системный анализ теорий развития экономических систем, а также различные классификационные методы. В ходе исследования были отобраны и проанализированы в соответствии классификационными признаками более 100 наиболее цитируемых работ в области теории развития. На основе выявленных предпосылок, факторов, движущих сил развития, характера происходящих изменений было определено 10 классификационных критериев теорий развития мировой экономики, которые могут быть использованы при разработке методики оценки трансформационных процессов в мировой экономике. Полученные результаты представляют интерес для научных работников и специалистов, работающих в области мировой экономики и международных отношений. Дальнейшие направления исследования связаны с разработкой методологии оценки трансформационных процессов в мировой экономике.

JEL codes: P23, P25, P11

DOI: https://doi.org/10.52957/2221-3260-2025-3-111-129

Для цитирования: Карагулян, Е.А. Новый подход к классификации теорий развития мировой экономики / Е.А. Карагулян. - Текст : электронный // Теоретическая экономика. - 2025 - 3. - С.111-129. - URL: http://www.theoreticaleconomy.ru (Дата публикации: 30.03.2025)

Введение

В последние десятилетия в мировой экономике происходят кардинальные сдвиги, выражающиеся в изменении соотношения экономической мощи крупных развитых и развивающихся стран. Особенно ощутимы эти сдвиги в промышленном производстве и мировом экспорте. Тенденция к сокращению доли промышленно развитых стран началась в мировом выпуске промышленной продукции наметалась в 1989 году и продолжается по сегодняшний день. Промышленно развитые страны стремительно теряют конкурентоспособность на мировом рынке. Ситуация усугубляется из-за обострения торговых войн между странами, развала сложившейся после Второй мировой

© Карагулян Е.А., 2025

войны системы международных организаций, несоблюдения развитыми странами установленных принципов и правил международных отношений, а также обострившимся политическим противостоянием между Западом и Востоком. Глобализация мировой экономики, предполагавшая свободное перемещение товаров и капитала, сменилась новым трендом геоэкономической фрагментации мировой экономики. Мировая экономика делится на зоны, при этом акцент с общего макроэкономического блага переходит на защиту собственных интересов, глобалистские представления о том, что надежные взаимовыгодные соглашения могут быть достигнуты со всеми странами, оказались разрушены. В мировой экономике продолжается формирование конкурирующих в финансовой, технологической и торговой сферах блоков. Наметившиеся геоэкономические тренды создают значительный риск замедления мирового экономического роста, повышения инфляции и снижения рентабельности деятельности компаний во многих отраслях. Данные тенденции и тренды делают затруднительным прогнозы развития мировой экономики, требуют внимательного изучения теорий развития, причин и факторов структурной трансформации мировой экономики, в том числе с целью разработки новой теоретической базы, позволяющей объяснить динамику происходящих изменений, а также оценить перспективы развития мировой экономики.

На сегодня в научной литературе представлено достаточно большое количество теорий развития мировой экономики, в основе которых лежат различные факторы, предпосылки и движущие силы трансформации мирового хозяйства. На наш взгляд все теории развития мировой экономики условно можно разделить на четыре группы: экономические теории, социально-экономические, социологические и социокультурные теории развития.

Группа экономических теорий объясняет развитие мировой экономики действием различных факторов производства или факторами экономического роста. Некоторые исследователи данную группу теорий идентифицируют как ресурсно-технологические [39]. Тем не менее, в первую группу теорий будут включаются не только факторные теории развития мировой экономики, но и теории экономического роста, теории экономических циклов, теории кризисов, теории трансформации экономических систем. В первую группу теорий входит обширный перечень исследований, развитие в которых развитие мировой экономики объясняется действием различных факторов экономического роста, такими как природные ресурсы, физический и финансовый капитал, рабочая сила, технологии, проводимая экономическая политика и др. В данную группу можно отнести работы меркантилистов Ж. Бодена [4], А. Монкретьена, исследования классиков А. Смита, Д. Рикардо, Т. Мальтуса [59,56], А. Сови [61], Л. Герша [33], А Ландри и ряда других авторов [41]. К этой же группе относятся исследования представителей географического детерминизма Ш. де Монтескье [40], Г. Болкля [5], Ф. Ратцеля [55]. Огромный вклад в теорию развития внесла экономическая концепция К. Маркса [21, 22, 23], Й. Шумпетер [79, 80], Дж. М. Кейнс [26], С. Кузнец [97] и множество других авторов [28, 34].

Отдельного внимания заслуживают циклические теории Н. Кондратьева [28], Й. Шумпетера [79], К. Переса [96], Дж. Арриги [3] и др. авторов, а также линейные теории У. Ростоу, Т. Пирсона [48], Ж. Лескюра и др. [32, 39]. Главным отличием данных теорий является не только выделение определяющих факторов развития мировой экономики, но и описание характера происходящих изменений.

Вторая группа исследований в области теории развития представлена социально-экономическими теориями развития. Как отмечают многие авторы, развитие мировой экономики является частью общественного развития, поэтому исследовать только экономические или социальные факторы не целесообразно. В группе социально-экономических теорий отдельного внимания заслуживают исследования, проведенные представителями институциональной школы. В работах Т. Веблена [11], Дж. Гобсона [15], Дж.Р. Коммоноса [85], Дж.К. Гэлбрейта [16] развитие связывается со становлением институтов, эффективностью функционирования имеющихся институтов.

Социологические теории развития представлены такими теориями как: теория социальной динамики П. Сорокина, теория структурного функционализма Т. Парсона, М.Вебера [10], теория

исторического развития О. Конта [29] и др.

Социокультурные теорий развития также считаются комплексными, поскольку в их основании находятся прежде всего социальные и культурные факторы, которые определяют характер экономического развития. В данной группе теорий следует выделить работы формационного, цивилизационного или геополитического подходов к объяснению причин и факторов развития мировой экономики. Наиболее известной теорией, формационного подхода принято считать работы К. Маркса [37], цивилизационного подхода – Н.Я, Данилевского [18], О. Шпенглера и А.Дж.Тойнби [78 67], С. Хантингтона [13] и др. Среди значимых работ геополитического подхода можно выделить исследования Ф.Ратцеля, К. Шмитта, Э. Реклю и др., С. Коэна [34], Э. Хантингтона, Н. Спикмена, Дж. Киффера, П.Дж. Тейлора [77] и др. Ко второй группе можно отнести институциональные теории развития экономики Т

Системный анализ теории развития мировой экономики позволяет сделать вывод о том, что в исследованиях используются различные факторы и подходы к объяснению происходящих в мировой экономике процессов. Вместе с тем, в научной литературе не сложился единый подход к классификации теорий развития мировой экономики. Отдельные попытки классифицировать теорий развития предприняты в работах экономистов А.Г. Мовсесяна [39], С.М. Васина [101], Буценко И. Н. и Бездушного Н. С. [9], М.А. Индустриева [24], а также таких известных социологов, как П. Сорокин, Р. Будон, С.А. Хмелевской. Полученные авторами результаты нельзя считать исчерпывающими поскольку они охватывают только часть представленных в научной литературе концепций развития. Вместе с тем, классификационные методы имеют широкое значение для решения познавательных задач, поскольку достаточно строго проведенная классификация обладает большой эвристической силой. Классификация теорий позволяет подытожить результаты предшествующих этапов развития мировой экономики и вместе с тем определить начало нового этапа в ее развитии, предсказать существование неизвестных ранее связей и зависимостей между субъектами, а также протекающими в мировой экономике процессами.

Методы и данные

Основными методами исследования являлись критический и системный анализ теорий развития и трансформации экономических систем, а также классификационные методы научных исследований. На первом этапе исследования, по ключевым словам, было отобрано более 100 наиболее цитируемых работ в области теории развития. На первом этапе исходя из частотности использования термина в текстах были определены критерии, наиболее часто выделяемые в экономических и социологических исследования, посвященных теории развития. Полученные результаты были проанализированы и обобщены, были определены общие критерии, которые встречаются в обоих предметных направлениях исследований. В дальнейшем при определении классификационных признаков теорий развития исходили из того, что классификация считается полной, если выявленные при этом существенные характеристики отражают такие параметры как: воздействие; движение, покой, пространство и время.[97]. Исходя из данных параметров, на втором этапе в качестве основных критериев классификации теорий развития мировой экономики были определены факторы, предпосылки и движущие силы развития. На третьем этапе, системный анализ теорий развития позволил расширить перечень критериев классификации. В качестве классификационных признаков были выделены такие критерии, как характер движения системы, длительность протекающих процессов, пространственный охват, используемые методы анализа и т.д.

В итоге было определено 11 классификационных признаков применимых к теориям развития мировой экономики, которые в дальнейшем будут учтены при разработке методики оценки трансформационных процессов в мировой экономике.

Теории развития мировой экономики: критерии классификации

Под развитием в экономической теории, как правило понимают способность экономической системы находиться в состоянии статического равновесия, создавать импульсы и поддерживать положительные темпы роста. Также развитие ассоциируется со структурными изменениями в производстве и занятости, со снижением уровня нищеты, неравенства и безработицы в мире. То есть развитие всегда предполагает качественное изменение экономической системы, преобразование ее внутренних и внешних связей, за счет появление инноваций и нововведение, новых форм бытия. Теории трансформации мировой экономики по сути являются частью теорий развития мировой экономики или теорий экономической динамики. В связи с этим четкой грани между данными теориями не существует, поскольку трансформация является частью процесса движения экономической системы, так же, как и процесс развития экономической системы. Поскольку экономические развитие является частью общественного развития, то в ходе исследования были изучены не только экономические, но и социологические исследования в области общественного развития. Проведенный анализ работ позволил выделить классификационные критерии теорий развития, который представлен на рисунке 1.

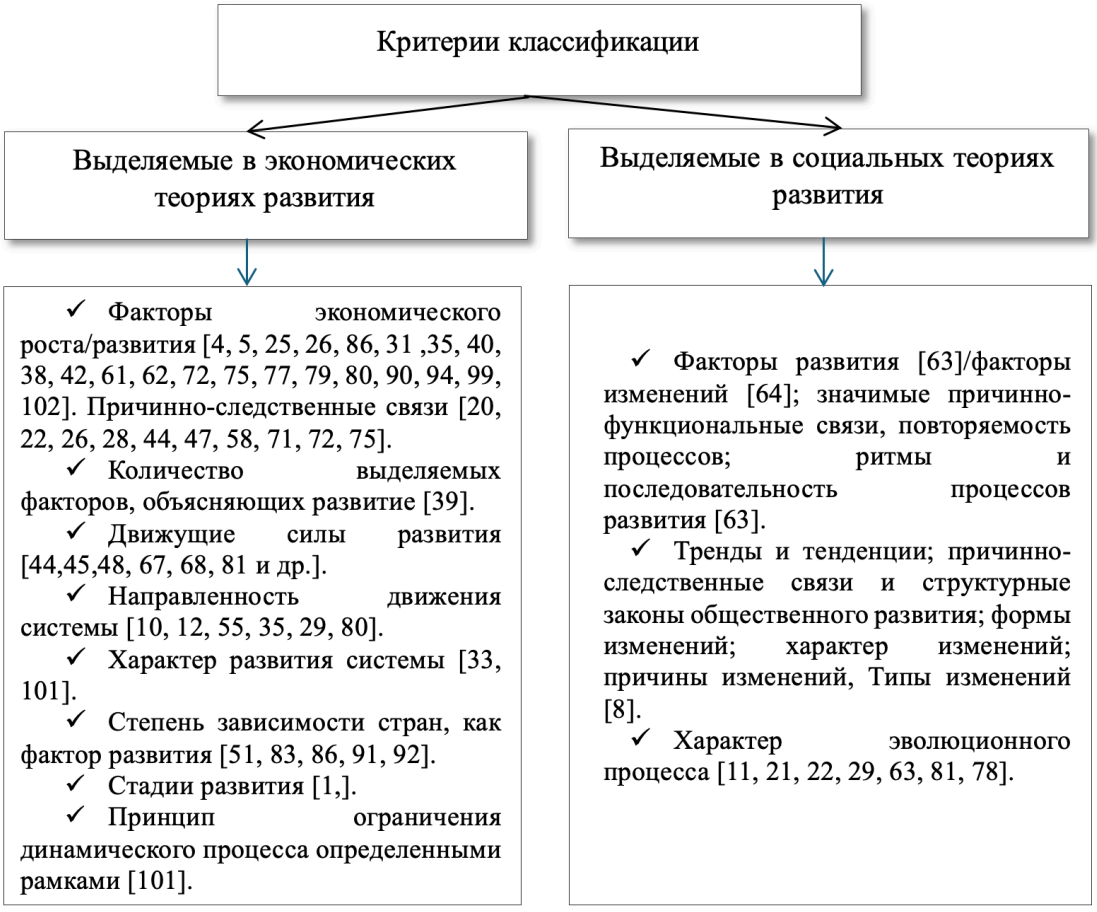


Рисунок 1 – Наиболее часто встречаемые в исследованиях критерии классификаций теорий развития

Анализ литературы свидетельствует о том, что наиболее часто встречающимся критерием для классификации теорий развития являются факторы развития, перечень которых в экономике и социологии отличается. На втором месте по частотности как в экономических, так и социальных теориях находятся причинно-следственные связи развития системы. К наиболее часто выделяемым критериям классификации теорий развития также относятся направленность и характер развития системы, а также временной и пространственный охват анализа процесса развития.

В социологических исследованиях можно также встретить такой критерий для классификации

теорий развития, как характер эволюционного процесса. Принято выделять однолинейные и многолинейные теории развития. В экономических исследованиях выделяют также выделяют такой критерий, как степень зависимости стран как фактор развития мировой экономики и исходя из ограничения динамического процесса определенными рамками. При этом из поля зрения исследователей выпадают такие критерии для классификации как: предметная область исследования, метод анализа исторического процесса, характер стадия развития, тип движения экономической системы, фактор зависимости стран в процессе развития, количество охватываемых цивилизаций. В таблице 1 представлена расширенная классификация теорий развития.

Таблица 1 – Расширенная типологизация теорий развития

Классификационный признак	Виды теорий, выделяемые на основе классификационного признака	
По факторам экономического роста	1.1	Теории природно-географических факторов
	1.2	Демографические теории.
	1.3	Теории человеческого капитала.
	1.4	Технологические теории.
	1.5	Инвестиционные теории.
	1.6	Теории международной торговли и теории международного разделения труда.
По количеству факторов развития в теориях	2.1	Однофакторные теории
	2.2.	Многофакторные теории
По движущей силе развития	3.1.	Теории международной конкуренции (конкуренция как движущая сила развития мировой экономики)
	3.2.	Технологические теории (научно-технический прогресс -главная движущая сила развития мировой экономики)
	3.3.	Теории транснационализации мировой экономики (деятельность ТНК и их стремление к увеличению прибыли – основная движущая сила развития мировой экономики)
	3.4.	Теории вывоза капитала/инвестиционные теории развития (интернационализация финансовых рынков – основная движущая сила развития мировой экономики)
По предметной области исследования	4.1.	Экономические теории
	4.2.	Социально-экономические теории
	4.3.	Социологические теории
	4.4.	Социокультурные теории
	4.5.	Политические теории
По методу анализа исторического процесса	5.1.	Теории формационного подхода
	5.2.	Теории цивилизационного подхода
	5.3.	Теории геополитический подхода
По направленности движения системы	6.1.	Линейные теории
	6.2.	Волновые теории

Классификационный признак	Виды теорий, выделяемые на основе классификационного признака	
	6.3.	Циклические теории
	6.4.	Теории спирального развития
По характеру развития системы	7.1.	Эволюционная теория
	7.2.	Революционные теории
По числу охватываемых цивилизаций	8.1.	Теории, в основе которых лежит локально-цивилизационный подход
	8.2.	Мир-системный анализ
По степени зависимости стран	9.1.	Теории зависимости
	9.2.	Теории развития стран с опорой на собственные силы:
По основному критерию периодизации стадий развития	10.1.	Археологический подход М.В. Аниковича (в основе периодизации определение в условных хронологических границах массового распространения и внедрения в повседневную практику соответствующих материалов, орудий труда и предметов быта)
	10.2.	Историко-этнографический подход Л.Г. Моргана. (в основе периодизации - понимание того, что историческое развитие всех культур и народов происходит в рамках единого закона и одинаковых стадиях).
	10.3.	Формационный подход К. Маркса (в основе периодизации - понимание истории как линейно-прогрессивного процесса смены общественно-экономических формаций, основанных на соответствующем способе производства)
	10.4.	Цивилизационный подход Н.Я. Данилевский, А.Тойнби, О. Шпенглер, С.Ф. Хантингтона и др. (в основе периодизации - обобщенный синтезированный взгляда на историю, т.е. совокупность материальных, социальных, религиозных, нравственных, культурных факторов в их единстве и взаимодействии)
	10.5.	Эволюционная концепция развития экономики Э. Тофлера и Д. Белла (в основе периодизации - изменения в НТП).
	10.6.	Теория технологических укладов (Глазьев С.Ю.)
	10.7.	Культурно-технологическая периодизация эпох Л. Мамфорда (в основе периодизации используемый в технике основной вид энергии и то «вещество», которое занимает центральное место в создании технических устройств)

Классификационный признак	Виды теорий, выделяемые на основе классификационного признака	
	10.8.	Системный подход К. Шваба (в основе периодизации темпы развития и масштабы изменений)
	10.9.	Информационный подход Дж. Гэлбрейта и Р. Арона (в основе периодизации уровень развития техники)
	10.10.	Теория стадий роста У. Ростоу (в основе периодизации - уровни развития техники, деловой активности, потребительский уровень)
По характеру ограничения динамического процесса	11.1.	Теории описывающие специфические изменения или переход экономической системы из одного состояния в другое
	11.2.	Теории описывающие динамику развития экономики в «непрерывном потоке»

Источник: составлена автором на основе источников

Проведенный анализ теорий развития позволяет сделать вывод о том, что можно выделить несколько критериев, которые могут лечь в основу классификации теорий развития мировой экономики.

Первый классификационный признак – это факторы экономического роста, которые определяют динамику и структуру развития мировой экономики. С этой точки зрения в экономической литературе представлено большое количество научных трудов, объясняющих развитие мировой экономики природно-географическими, демографическими, технологическими и другими факторами. Данные теорий могут быть как однофакторными, так и многофакторными. Часть факторных теорий можно также считать комплексными, в частности в новой теории экономического роста оценивается комплекс факторов экономического роста. Исходя из факторов экономического роста теории развития могут быть разделены на 6 групп: теории природно-географических факторов развития [4,38,40,56, 59, 62], демографические теории [35, 60, 61], теории человеческого капитала, технологические теории [58, 62], инвестиционные теории и теории международной торговли и международного разделения труда [43, 87].

Третий критерий для систематизации теорий развития мировой экономики – это движущая сила, которая выделена в той или иной теории, так называемые целевые ориентиры. Так, например в качестве движущих сил развития в работах А. Смита выделяется стремление к увеличению богатства нации за счет торговли, в работах К. Перес [46] и Дж. Арриги [3] – это финансовый капитал и развитие технологий, в теории М. Портера [50] – конкуренция, у К. Маркса [37] – нарастание внутреннего конфликта и социальных противоречий и др.

Четвертый классификационный признак – это основная предметная область исследований, в которой рассматривается теория развития. Таких предметных областей можно выделить по меньшей мере пять: экономические теории, социологические теории, социокультурные, политические и социально-экономические исследования. Экономические исследования, посвященные развитию мировой экономики представлены исследования различных экономических школ (от меркантилистов до неоклассиков). Как было отмечено выше, одними из первых, вопросы развития стран и регионов в своих исследованиях затронули меркантилисты, а затем представители классической экономической школы.

Рассматривая экономические теории, следует отметить, что чаще всего в теориях экономисты использовали понятие «экономический роста», который означает количественные изменения

показателей экономической системы, например рост ВВП, доходов на душу населения. Экономические теории роста были направлены на определение основных факторов роста, а также на выработку экономической политики направленной на поддержание стабильных и высоких темпов роста. Так, например, в работе Т. Мальтуса, основным фактором роста была численность населения. У А. Смита рост был связан с процессом накопления капитала, с инвестициями и торговлей, которые стимулировали процесс роста экономики.

Представители неоклассической школы Р. Солоу и Т. Свон полагали, что темпы роста экономики зависят от таких факторов как капитал, рабочая сила, производительность труда [62]. По их мнению, рост экономики возникает в результате накопления физического и человеческого капитала и продолжается пока экономика не достигнет устойчивого развития. В устойчивом же развитии экономический рост объясняется исключительно техническим прогрессом. Дж. Стиглиц выделял в качестве преобладающих факторов экономического роста природные ресурсы и оптимальную скорость их использования. С зарождением кейнсианской школы также стали говорить, о экономической политике как факторе экономического роста.

Огромный вклад в теорию развития внесла экономическая концепция К. Маркса [37]. Карл Маркс считал основой экономического роста и развития общества материальное производство. К. Маркс одним из первых указал на то, что капиталистическая система не может избежать кризисов перепроизводства [37]. Данная идея получила развитие в работах Й. Шумпетера [96], который впервые сформулировал понятие «экономическое развитие». Й. Шумпетер, считал, что основной движущей силой экономического развития являются структурные изменения, использование новых технологий, производство новых благ, освоение новых рынков сбыта и сырья [79, 80]. Понятие «экономическое развитие» по своей сути более широкое и включает в себя не только количественные, но также и качественные изменения экономической системы. Причем в случае экономического развития, всегда говорят о положительных изменениях системы.

Наибольший вклад в теорию развития внесли представители институционализма. Р. Нельсон и С. Уинтер [95] считали, что экономике присущи два уровня динамики: уровень организационных структур и отношений; уровень институциональных правил. По мнению Д. Норта институты как «правила игры в обществе» определяют взаимодействие людей в обществе, способствуют росту и развитию. Благодаря институционалистам, в научной литературе утвердилось понимание того, что развитие охватывает не только экономическую систему, но и широкий спектр неэкономических характеристик, таких как ценности, культура, институты, политика [63]. Начавшаяся после Второй мировой войны деколонизация мировой экономики, привела к тому, что феномен развития стал предметом самостоятельных исследований. В частности, Г. Мюрдаль писал, что под развитием необходимо понимать движение вперед всей социальной системы [94]. Таким образом, институциональные теории развития по своим характеристикам можно отнести к группе социально-экономических теорий, поскольку развитие в них объясняется не только экономическими факторами, но и устоявшимися в обществе, культуре традициями и нормами. К социально-экономическим теориям можно также отнести работы К. Маркса, Дж. К. Гэлбрейт, Д. Белла и прочих авторов, в которых экономическое развитие рассматривается как часть общественного.

Третье предметное направление в теориях развития представлено социологическими исследованиями. В данной группе теорий акцент делается на изучение социальных изменений, происходящих в обществе на протяжении длительного периода, исследуются процессы, посредством которых происходят преобразования социальных структур, институтов, социально-экономических отношений в обществе. Социальные теории также изучают процессы модернизации, в том числе предпосылки и факторы перехода от традиционного общества к современному [6, 11].

Бразевич С.А. отмечает, что на сегодня существует несколько оснований для классификации понятия «развитие» [6]. Так, например, Э. Гидденс выделяет только две теории социальных изменений: теорию социальной эволюции, которая отражает связь между биологическим и социальным и

исторический материализм [6].

П. Сорокин разделяет теории развития по принципу направленности развития на теории однолинейной социальной эволюции и критические теории линейности эволюционного социального развития [63]. Сорокин П. отмечает, что критические теории линейности эволюционного социального развития в свою очередь подразделяются на теории, в которых:

- факторы рассматриваются как основа изменений;
- исследуются и описываются значимые и причинно-функциональные связи, а также повторяемость происходящих в системе изменений;
- изучаются ритмы и последовательность фаз развития [63, с. 358–378].

Сущностные основания различных типов теорий развития представлены в работе Раймона Будона. В своем исследовании Р. Будон также выделяет четыре типа теорий [8, с14,]. Первый тип, по его мнению, стремится выявить и доказать существование более или менее значимых необратимых тенденций или трендов. Второй тип теорий описывает действие причинно-следственных связей и структурных законов в обществе. Особенность первых двух типов теорий в том, что полученные в них выводы и заключения можно считать эмпирическими, то есть они демонстрируют появления определенных состояний в обществе. Третий тип теорий исследует и описывает формы изменений, не затрагивая вопросов содержания происходящих изменений. Четвертый тип теорий фокусируется на выявлении причин изменений. Р. Будон отмечает, что все 4 типа теорий являются взаимосвязанными. На практике одни и те же теории могут иметь характерные черты нескольких типов [8]. В качестве примера можно привести теорию развития К. Маркса, которая описывает не только причины, вызывающие социальные изменения, но также формы их протекания. Теория содержит утверждения, которые К. Маркс сформулировал как причины, так и структурные и причинно-следственные законы развития.

Хмелевская С.А. [64] утверждает, что в социологии долгое время господствовал эволюционистский подход социальных изменений. Однако, позже стала развиваться теория катастроф, которая исходит из внезапности и скачкообразности изменений. Наряду с эволюционистскими теориями и теориями катастроф стали формироваться синтетические теории социально-исторических изменений, в которых рассматривается и учитывается комплекс факторов. По мнению Хмелевской С.А. в зависимости от того какие факторы являются важнейшими в социальной эволюции, можно выделить три типа теорий: социокультурные, индустриально-технологические или социально-экономические теории развития [64].

Четвертое предметное направление представлено социокультурными теориями развития П. Сорокина [63], О. Шпенглера [78], А.Дж. Тойнби [67], С. Хантингтона [74], Ф. Фукуямы [69,70]. Отличительной чертой социокультурных теорий является тот факт, что изменения в социальной сфере базируются на изменениях в социокультурной сфере (в мировоззрении, религии, системе ценностей, менталитете и пр.).

Пятое предметное направление теорий – это политические теорий мирового развития экономики, которые представлены геоэкономическими и геополитическими направлениями исследований [2, 68, 77]. В данной группе основным фактором развития является политический.

В качестве еще одного критерия для классификации теорий развития можно выделить метод анализа исторического процесса. В экономической теории развитие рассматривается часть исторического процесса и предполагает выделение формационного [31, 37], цивилизационного [22,23, 67, 69, 74, 78] и геополитического подхода [48, 55] к анализу развития мировой экономики. В данном случае теории развития также можно считать комплексными, так как мировая экономика оценивается во взаимосвязи с культурными и социальными процессами.

С точки зрения типа движения системы, теории развития мировой экономики разделяются на линейные и циклические. В первой группе развитие расценивается как линейный процесс, в данную группу входят эволюционистские теория развития. Во второй группе развитие рассматривается

как циклический процесс. С позиции описания характера развития мировой экономики теории делятся на эволюционные, революционные. По принципу ограничения динамического процесса определенными рамками теории развития мировой экономики могут быть двух типов. Первый тип описывает специфические изменения экономической системы при переходе из одного состояния в другое. Второй тип описывает процесс развития в непрерывном потоке.

Еще одним критерием для классификации теорий развития является наличие фактора взаимозависимости стран в развитии. Как было отмечено выше наибольший интерес к теории развития у экономистов начал развиваться после Второй мировой войны, из-за начала процесса деколонизации развивающихся государств. В результате в 1960-е годы появились теории, посвященные проблемам развивающихся стран, большая часть которых объясняла отсталость развивающихся стран зависимостью от капиталистических стран. В теориях зависимого развития представлены реформистстко-структурная, а также неомарксистская позиция. Основная причина отсталости кроется в накоплении капитала развитыми странами из-за неравноценного обмена с развивающими странами. Основной рекомендацией в данной группе теорий было развитие за счет опоры на внутренние силы, отказ от капиталистической системы. К данной группе теорий можно также отнести мир-системную теорию Э. Валлерстайна [23].

Неоклассическая теория экономического роста ставит задачу преодолеть несовершенство теорий зависимого развития. В основе неоклассических теорий экономического роста лежит идея опоры на собственные силы и внутренние ресурсы [62]. Экономика в неоклассической теории рассматривается как система, а рост зависит от трех основных факторов: количества и качества человеческого капитала, наличие физического капитала, технологический прогресс. В отличии от теорий зависимого развития в неоклассической теории экономического роста, развивающиеся страны идут по тому же пути развития, что и промышленно-развитые страны.

Еще одним критерием для классификации теорий развития является подход к периодизации общественно-исторического развития. Анализ теорий позволил выделить как минимум десять отличных друг от друга подходов к периодизации развития общества и экономики. Первый подход — это археологический подход М.В. Аниковича [1]. В основе периодизации развития общества лежит определение в условных хронологических границах массового распространения и внедрения в повседневную практику соответствующих материалов, орудий труда и предметов быта. По сути, смена периодов связана с изобретением новых орудий труда, технологий. Второй подход представлен историко-этнографическим подходом Л.Г. Моргана. В основе периодизации Л.Г. Моргана лежит понимание того, что историческое развитие всех культур и народов происходит в рамках единого закона и одинаковых стадий развития. Третий подход – это формационный подход К. Маркса. В основе периодизации развития общества лежит понимание истории как линейно-прогрессивного процесса смены общественно-экономических формаций, основанных на соответствующем способе производства. Четвертый подход – это цивилизационный подход, который представлен исследованиями Н.Я. Данилевского, А.Тойнби, О.Шпенглера, С.Ф. Хантингтона и др. Данный подход часто противопоставляется формационному подходу К. Маркса. В основе периодизации находится обобщенный синтезированный взгляда на историю, т.е. совокупность материальных, социальных, религиозных, нравственных, культурных факторов в их единстве и взаимодействии. Цивилизационный подход представлен в исследования авторов, которые имеют разные взгляды и убеждения относительно определения ступеней историко-экономического прогресса. Авторы цивилизационного подхода, опираясь на определенные критерии, предлагают разную классификацию ступеней развития цивилизации. Цивилизационный подход отражает исторический процесс с точки зрения разнообразных факторов (технико-экономических, культурные, духовные, социально-психологические и др.) взаимосвязь между которым не всегда очевидна. Пятый подход представлен эволюционная концепция развития экономики Э. Тофлера [99, 100] и Д. Белла [82], в корне отличается от предыдущих подходов, поскольку в основе смены периодов лежит изменения в технологиях,

НТП. Шестой подход представлен Теорией технологических укладов Глазьева С.Ю. В основе смены технологических укладов лежит НТП. Седьмой подход – это культурно-технологическая периодизация эпох Л. Мамфорда, в основе периодизации используемый в технике основной вид энергии и то «вещество», которое занимает центральное место в создании технических устройств). Восьмой подход - Системный подход, предложенный К. Шваба. Критерием периодизации мировой экономики в данном подходе являются темпы развития и масштабы изменений, происходящие в мировой экономике. Девятый подход получил название информационного подхода Дж. Гэлбрейта и Р. Арона. Сторонники данного подхода главным критерием для периодизации развития общества считают уровень развития техники. На основе данного критерия выделяется три стадии развития общества: индустриальная стадия, постиндустриальная, неоиндустриальная (информационное общество). Десятый подход является одним из самых популярных в экономической теории – это теория стадий роста У. Ростоу [57]. В основе периодизации развития мировой экономики находятся уровни развития техники, деловой активности, потребительский.

Еще одним критерием для классификации теорий развития мировой экономики является характер «ограничений динамического процесса определенными рамками» [101]. В соответствии с данным критерием теории развития можно разделить на две группы. Первая группа теорий описывает специфические изменения экономической системы, в том числе переход из одного состояния (формы) в другое. К подобным теориям можно отнести «Теорию катастроф» [78, 97], «Теорию экономической патологии» [22, 33, 45, 53] и «Теорию переходной экономики» [9], «Теория цикла» [28, 32, 79]. Первая группа теорий описывает изменения системы в моменте, при этом внимание в большей степени уделяется причинам неустойчивости экономической системы, причинам и факторов возникновения кризисов, причины и факторов цикличности развития экономики, а также природу внутрисистемных противоречий.

Вторая группа теорий, описывают динамику развития экономики в «непрерывном потоке» [101]. К данной группе теорий можно отнести «Эволюционную теорию развития», «Институциональные теории» [16, 17, 42], «Синергетический подход» [73], «Цивилизационный подход» [36, 69, 74, 78, 81, 88, 89,].

Изучение теории развития имеет важно значение для понимания трансформационных процессов, протекающих в мировой экономике, но объяснить динамику этих процессов с помощью одной теории невозможно. Связано это с тем, что принципы построения теорий развития зачастую очень схожи, а границы между ними размыты. Кроме того, развитие мировой экономики всегда носит системных характер и затрагивает не только экономические, но и социальные, культурные, политические процессы. Каждая новая теория развития или трансформации мировой экономики создается для восполнения пробелов в предыдущих теориях, зачастую является продолжением более ранних работ. Таким образом, в таблице 1 представлен новый подход к классификации теорий развития. Учитывая, что многие теории по своей сути являются многофакторными и междисциплинарными, то данный перечень, может быть, в будущем дополнен другими факторами и критериями классификации теорий развития.

Заключение

В научной литературе накоплено большое количество научных работ, посвященных изучению истории развития общества и мировой экономики как ее части. Под развитием принято понимать направленное, закономерной изменение, в результате которого возникает новое качественное состояние экономической системы, меняется ее состав или структура. Экономическое развитие всегда предполагает положительные изменения системы. В противном случае речь не идет о развитии. В ходе данного исследования было проанализировано более 100 научных работ – теорий развития. Учитывая, специфику теории развития и тот факт, что развитие мировой экономики является частью общественного развития, то большинство отобранных работ для анализа теорий находятся в междисциплинарном пространстве и рассматривают не только экономическую сферу развития,

но социальную, социокультурную и политическую аспекты теории развития. В этой связи главным фактором, определяющим развитие мировой экономики, являются объективные общественные законы развития. Действия национальных властей и международных организаций способно лишь ускорить или замедлить движение человечества по пути, определенному объективными общественными законами развития. Тем не менее систематизация теорий развития мировой экономики позволила выделить 19 классификационных признаков, которые характерны для всей совокупности анализируемых работ в данной области. Результаты проведенной работы также позволяют сделать вывод о том, что большинство теорий развития мировой экономики строиться на принципах экономической эклектики, то есть на сочетании различных факторов, причин, объясняющих развитие мировой экономки. Полученные результаты могут быть в дальнейшем использованы для создания методики оценки трансформационных процессов мировой экономики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аникович М.В., Некоторые методологические проблемы первобытной археологии и основные обобщающие понятия: «археологическая эпоха», «археологическая культура», «технокомплекс», «историко-культурная область» // Stratum Plus. 2005. № 1 (2003–2004). В эпоху мамонтов. С. 487–505.

2. Арон Р., Мемуары. 50 лет размышлений о политике. М.: Ладомир, 2002. 873с.

3. Арриги Дж. Долгий двадцатый век: деньги, власть и истоки нашего времени / Джованни Арриги; пер. с англ. А. Смирнова и Н. Эдельмана. - Москва: Территория будущего, 2006. – 469 с.

4. Боден Ж. Метод легкого чтения историй [Текст]: [в трех томах] / Жан Боден; перевод с латинского языка, научные статьи и комментарии И. В. Кривушина и Е. С. Кривушиной; Высшая школа экономики национальный исследовательский университет. - Москва: Издат. дом Высшей школы экономики, 2018 - .Т. 1: Что есть исторический жанр. Т. 1. - 2018. - 549 с.

5. Бокль Г. Т., История цивилизаций. История цивилизации в Англии: т. 1.— М.: Мысль, 2000., с.73.

6. Бразевич С. С. Социологический анализ концепций и теорий развития общества // Социология и право. 2011. №3. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sotsiologicheskiy-analiz-kontseptsiy-i-teoriy-razvitiya-obschestva (дата обращения: 10.03.2025).

7. Бродель Ф., Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV-XVIII вв : перевод с французского / Ф. Бродель. Том 1. – 2-е издание. – Москва: Весь Мир, 2006. – 592 с.

8. Будон Р. Место беспорядка. Критика теорий социального изменения/Пер. с фр. М.М. Кириченко; Науч. ред. М.Ф. Черныш —М.: Аспект Пресс, 1998,- 284 с.

9. Буценко И. Н., Бездушный Н. С. Сущность и концепции развития мирового хозяйства // Экономика и бизнес: теория и практика. 2016. №7. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/suschnost-i-kontseptsii-razvitiya-mirovogo-hozyaystva (дата обращения: 05.03.2025).

10. Вебер М. Хозяйство и общество [Текст]: очерки понимающей социологии: [в 4 т.] / Макс Вебер. - Москва: Высшая школа экономики, 2016-2019.

11. Веблен Т. 2022. Теория праздного класса. Перевод Софьи Сорокиной. М.: Азбука. Доступно в Интернете: https://www.labirint.ru/books/914563 (дата обращения: 28 апреля 2024 года).

12. Гегель Г. Наука логики. Том I. Объективная логика [пер. с нем. Б. Г. Столпнера]. — Primedia E-launch LLC, 2017 — 540 с.

13. Гильфердинг Р. Финансовый капитал. Новейшая фаза в развитии капитализма = Новейшая фаза в развитии капитализма [Текст] / Р. Гильфердинг; пер. с нем. И. И. Скворцова-Степанова. - Изд. 7-е. - Москва: URSS: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», cop. 2011. - 460 с.

14. Глазьев С. Ю. Глобальная трансформация через призму смены технологических и мирохозяйственных укладов // AlterEconomics. 2022. Т. 19. № 1. С. 93-115. https://doi.org/10.31063/AlterEconomics/2022.19-1.6.

15. Гобсон Дж. А. Эволюция современного капитализма = Evolution of modern capitalism [Текст] = The Evolution of modern capitalism: с рецензией В. И. Ленина: перевод с английского / Дж. Гобсон. - Изд. 2-е, [репр.]. - Москва: ЛИБРОКОМ, 2011. - 429 с.

16. Гэлбрейт Дж. К. Новое индустриальное общество: 50 лет спустя // Научные труды Вольного экономического общества России. – 2017. – №3. – С. 29–45.

17. Гэлбрейт Дж. К. 2018. Общество изобилия. М.: Олимп-Бизнес. Доступно в Интернете: https://inir.ru/wp-content/uploads/2018/02/Кеннет-Гэлбрейт-Общество-изобилия-Современная-экономическая-мысль-2018.pdf (дата обращения: 20 апреля 2024 года).

18. Данилевский Н.Я. Дарвинизм. Критическое исследование. Т. I. Ч. II. СПб.: Издание М.Е. Комарова, 1885. 697 с.

19. Данилевский Н.Я. Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения Славянского мира к Германо-Романскому. СПб.: Типография братьев Пантелее вых, 1895. 673 с.

20. Друкер П. Ф. (1909-2005). Эпоха разрыва: ориентиры для нашего меняющегося общества /

Питер Ф. Друкер; [пер. с англ. и ред. Б. Л. Глушака]. - Москва [и др.]: Вильямс, 2007. – 322 с.

21.Дюркгейм Э. О разделении общественного труда [Текст] / Эмиль Дюркгейм; [перевод с французского А. Б. Гофмана]. - Москва: Канон, 1996. – 430 с.

22.Загайтов И. Б., Леонид. Яновский, Светлана И. Яблоновская. 2009. Теория экономических патологий как особый раздел экономической науки. Вестник Российского гуманитарного научного фонда 1: 59–67. Доступно в Интернете: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=23945073 (дата обращения: 14 января 2024 года).

23.Закат империи США: кризисы и конфликты [Текст]: [перевод] / Иммануил Валлерстайн [и др.]; с предисл. Бориса Кагарлицкого. - Москва: МАКС Пресс, 2013. - 242, [1] с.

24.Индустриев М. А. Теория экономического развития: эволюция подходов и современная парадигма // Изв. Сарат. ун-та Нов. сер. Сер. Экономика. Управление. Право. 2023. №2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/teoriya-ekonomicheskogo-razvitiya-evolyutsiya-podhodov-i-sovremennaya-paradigma (дата обращения: 07.03.2025).

25.Карагулян Е. А. Факторы и принципы трансформации мировой экономики / Е. А. Карагулян // Экономические отношения. – 2024. – Т. 14, № 4. – С. 677-700. – DOI 10.18334/eo.14.4.122381

26.Кейнс Дж. М. Общая теория занятости, процента и денег. М.: Прогресс. -1978.

27.Клейн Л. С. Археологическая периодизация: подходы и критерии // Stratum plus. Археология и культурная антропология. 2000. №1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/arheologicheskaya-periodizatsiya-podhody-i-kriterii (дата обращения: 08.10.2024).

28.Кондратьев Н. Д. 2002. Длинные циклы конъюнктуры и теории форсайта. Избранные произведения. М.: Экономика. Доступно в Интернете: http://www.booksshare.net/books/economics/kondratievnd/2002/files/kondrat2002tsikli_kon.pdf

29.Конт О. Социальная эволюция / Огюст Конт. Избавление от иллюзий / Эмиль Дюркгейм; [перевод с французского А. Гофмана, И. Шапиро]. - Москва: Родина, 2023. - 222, [1] с.

30.Концепция модернизации в зарубежной социально-политической теории, 1950-1960 гг. [Текст]: сборник переводов / Российская акад. наук, Ин-т науч. информ. по общественным наукам; [сост. и пер. Николаев В. Г.]. - Москва: [б. и.], 2012. - 210 с.

31.Ленин В. И., Филос. тетради, ПСС, т. 29.

32.Лескюр Ж. 1908. Общие и периодические промышленные кризисы. Перевод Николая Ивановича Сувирова. Санкт-Петербург: общественное благо. Доступно в Интернете: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_003749920/

33.Лузин Г., Павлов К. В. 1999. Патоэкономика, или общая теория переходных, кризисных социально-экономических процессов и состояний. Мурманск: Региональная книга. Доступно в Интернете: https://rusist.info/book/47540 (дата обращения: 12 февраля 2024 года).

34.Маевский В. И. 2020. Концепция переключения режимов воспроизводства и теория эволюции: вопросы методологии. Вестник университета 8: 123–26.

35.Мальтус Т. Р. Опыт закона о народонаселении: [16+] / Т. Р. Мальтус. - Москва: Наше завтра, 2022. – 318 с.

36.Мальченков С. А. Концептуальные основы цивилизационных трансформаций в современной социальной философии // Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. – 2021. – Т. 21. – № 4. – С. 405–413. DOI: 10.15507/2078.

37.Маркс и бурж. историзм, М.- Л., 1933.

38.Мечников Л. Цивилизация и великие исторические реки (географическая теория прогресса и социального развития). М., 1924. С. 133–134; 136; 139–143 с.

39.Мовсесян А. Г. О классификации теорий мировой экономики // Финансы: теория и практика. 2001. №2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/o-klassifikatsii-teoriy-mirovoy-ekonomiki (дата обращения: 12 января 2025 года).

40.Монтескье Ш. Л. де. Персидские письма = Lettres persanes: Lettres persanes; Размышления о

причинах величия и падения римлян = De la grandeur et de la décadence des Romains / Шарль Луи Монтескье; [Вступ. ст. Н.Д. Саркитов]. - Москва: Канон-Пресс-Ц: Кучково поле, 2002. – 511 с.

41. Морган Л. Г. Древнее общество или исследование линий человеческого прогресса от дикости через варварство к цивилизации [Текст]: со статьей Фр. Энгельса «К доистории семьи (Бахофен, Мак Леннан, Морган)»: Прил.: предисл. Л. Г. Моргана к книге Л. Файсона и А. Хауитта «Камиларои и Курнаи» / Льюис Г. Морган; Пер. с англ. под ред. М. О. Косвена; Предисл. Я. П. Алькора. - [Ленинград]: Изд-во Ин-та народов Севера ЦИК СССР, 1934 (тип. «Коминтерн»). - Переплет, XVI, 350 с., 1 с. объявл., 1 вкл. л. портр.; 26 см. - (Материалы по этнографии/ Науч.-иссл. асс-ция Ин-та народов Севера ЦИК СССР; Т. 1).

42. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. – М.: Начала, 1997. – 198 с.

43. Олин Б. Межрегиональная и международная торговля / под ред. А. П. Киреева // Вехи экономической мысли. Т.6. Международная экономика. — М.: ТЕИС, 2006. — С. 174–187.

44. Основные проблемы политической экономии: сборник статей О. Бауэра, Л. Будина, Н. Бухарина [и др.] / под редакцией и с предисловием Ш. Дволайцкого и И. Рубина. - Москва: Гос. изд-во, 1922. - VIII, 444 с.

45. Павлов К. В. 2007. Патологические процессы в экономике. Экономический вестник Донбасса 1: 50–60. Доступно в Интернете: https://cyberleninka.ru/article/n/patologicheskie-protsessy-v-ekonomike/viewer (дата обращения: 18 февраля 2024 года).

46. Перес К. Технологические революции и финансовый капитал. Динамика пузырей и периодов процветания / Карлота Перес; пер. с англ. Ф.В. Маевского. — М.: Изд-во «Дело» АНХ, 2011. — 232 с.

47. Перру Ф. Экономика XX века. - М.: Экономика, 2000 – 326 с.

48. Пирсон Л. Б. Демократия в мировой политике: пер. с англ. / Лестер Б. Пирсон. - Москва: Изд-во Иностр. лит. (ИЛ), 1956. - 82, [2] с.

49. Поланьи К. Великая трансформация. Политические и экономические истоки нашего времени=The Great Transformation. The Political and Economic Origins of Our Time/ К. Поланьи; Перев. с англ. А.А. Васильева и др., под общ. ред. С.Е. Федорова. - СПб.: Алетейя, 2002. - 311 с.

50. Портер М. Конкурентная стретегия. Методика анализа отраслей и конкурентов - М.: Альпина Паблишер, 2016 - 456 с.

51. Пребиш Р. Периферийный капитализм: есть ли ему альтернатива? / Рауль Пребиш; [Сокр. пер. с исп. под ред. и с предисл. В. В. Вольского, И. К. Шереметьева]. - Москва: ИЛА, 1992. - 337 с.;

52. Пригожин И.Р. 1985. От бытия к становлению: время и сложность в физических науках. М.: Наука. Доступно в Интернете: https://klex.ru/gfq (дата обращения: 10 апреля 2024 года).

53. Проноза П. В. 2013. Патоэкономика: сущность, особенности, гипотеза. Вопросы экономической науки 1: 7–15. Доступно в Интернете: https://cyberleninka.ru/article/n/patoekonomika-suschnost-osobennosti-gipotezy/viewer (дата обращения: 12 января 2025 года).

54. Раджабова З.К. Мировая экономика: Учебник — 2-е изд., испр. — М.: ИНФРА-М, 2006. — 336 с. — (Высшее образование).

55. Ратцель Ф. Народоведение. СПб.: Просвещение, 1901.

56. Рикардо Д. Сочинения. Т.1-3. Начала политической экономии и налогового обложенния. — М.: Госполитиздат, 1955 .— 360с.

57. Ростоу У. У. Стадии экономического роста / В. В. Ростоу; пер. с англ. В. П. Марченко. - Нью-Йорк: Прегер, cop. 1961. - 236, [3] с.:

58. Сакс Дж. Эпохи глобализации: география, технологии и институты. М.: Изд-во Института Гайдара, 2022.

59. Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. – М.: Издательство социально-экономической литературы, 1962. – 665 с.

60. Смулевич Б. Я. Буржуазные теории народонаселения в свете марксистско-ленинской

критики [Текст] / Б. Смулевич; Ком. акад. Ин-т экономики. - Москва; Ленинград: Соцэкгиз, 1936 (М.: «Образцовая» тип.). - Переплет, 407, [20] с

61.Сови А.Л. Общая теория населения [Текст]: [В 2-х т.] / А. Сови; Сокр. пер. с фр. Ф.Р. Окуневой; Предисл. А.Я. Боярского [с. 5-26]. - Москва: Прогресс, 1977. Т. 2: Жизнь населений. Т. 2 [Текст]. - 1977. - 519 с.

62.Солоу Р. М. Несистематические мысли о том, как всё может пойти дальше. В сб.: Паласиос-Уэрт И. (ред.) Через 100 лет: ведущие экономисты предсказывают будущее. М.: Изд-во Института им. Гайдара; 247–260.

63.Сорокин П. Социокультурная динамика и эволюционизм // Американская социологическая мысль: Тексты / под ред. В. И. Добренькова. М.: Изд-во МГУ, 1994.

64.Социальная философия и социология: учебное пособие / под редакцией С. А. Хмелевской. — 3-е изд. — Москва: ПЕР СЭ, Ай Пи Ар Медиа, 2024. — 160 с. — ISBN 5-9292-0052-1. — Текст: электронный // Цифровой образовательный ресурс IPR SMART: [сайт]. — URL: https://www.iprbookshop.ru/140998.html (дата обращения: 14.03.2025).

65.Суркова О. А. 2019. Применение метода синергии в экономике. Бюллетень современных исследований 38: 243–45. Доступно в Интернете: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=36873307 (дата обращения: 12 января 2025 года).

66.Сушко В. И. Мировая экономика: учебное пособие / В. И. Сушко. – Минск: Вышэйшая школа, 2021. – 304 с. ISBN 978-985-06-3277-7.

67.Тойнби Арнольд Д. 2010. Изучение истории. Перевод Евгения Дмитриевича Жаркова. М.: Айрис-Пресс. Доступно в Интернете: https://platona.net/load/knigi_po_filosofii/filosofija_istorii/tojnbi_a_postizhenie_istorii/29-1-0-47 (дата обращения: 12 января 2025 года).

68.Фрольцов В. В. Политические теории мирового развития : пособие / В. В. Фрольцов. –

69.Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек. М.: АСТ: ЗАО НПП «Ермак». 2004. - 588 с.

70.Фукуяма Ф., Бродель Ф. Триумф глобализма. Конец истории или начало? Перевод с французского Л.Е.Куббеля, перевод с английского М.Б.Левина, 2019 -Изд-во: «Издательство Родина», 2019.

71.Хаберлер Г. 2005. Процветание и депрессия: теоретический анализ циклических колебаний. Перевод О. Г. Клесмента, К. М. Осадной, Р. Х. Хафизовой. Челябинск: Социум. Доступно в Интернете: https://www.biznesbooks.com/components/com_jshopping/files/demo_products/gotfrid-khaberler-protsvetanie-i-depressiya.pdf (дата обращения: 19 января 2025 года).

72.Хайек Ф. 2018. Собрание сочинений. 19 томов. Т. 7: Экономические циклы, ч. I. Перевод А. Резвова, Гр. Сапова. М.: Социум. Челябинск: Мысль. Доступно в Интернете: https://sotsium.ru/uploads/files/demo-sotsium/hayek-v7_p1-66%2Bindex.pdf (дата обращения: 12 января 2025 года).

73.Хакен Г. 1985. Продвинутая синергетика: иерархии неустойчивости самоорганизующихся систем и устройств. Перевод Емельянова Владимира Ивановича. М.: Мир. Доступно в Интернете: https://djvu.online/file/lymQi93FkkON1 (дата обращения: (дата обращения: 12 января 2025 года).

74.Хантингтон С. Столкновение цивилизаций / С. Хантингтон; Самюэль Хантингтон; [пер. с англ. Т. Велимеева]. – Москва: АСТ, 2011. – (Philosophy). – ISBN 978-5-17-039454-8. – EDN QONEYX.

75.Харрод Р. К теории экономической динамики // Классики кейнсианства. В. 2-х томах. Р. Харрод, Э. Хансен. – Т.1 – М.: Экономика, 1997. – 364 с.

76.Чуличков А. 2001. Теория катастроф и мировое развитие. Наука и жизнь 6: 28–35. Доступно в Интернете: https://www.nkj.ru/archive/articles/6068/ (дата обращения: 12 января 2025 года).

77.Шабров О.Ф. Политическое управление: проблема стабильности и развития Москва, Интеллект. 1997, с.47-48

78.Шпенглер Освальд. 1998. Закат Запада. Очерки морфологии всемирной истории. Том 1: Гештальт и реальность; Том 2: Перспективы мировой истории. Перевод К. А. Свасяна. М.: Мысль. Доступно в Интернете: https://djvu.online/file/NRzvjWZ3MPBIW (дата обращения: 12 января 2025

года).

79.Шумпетер Й.А. Теория экономического развития. Капитализм, социализм и демократия. – М.: Экономика, 1995. – 540 с.

80.Шумпетер, Й. А. 1939. Бизнес-циклы: теоретический, исторический и статистический анализ капиталистического процесса. Нью-Йорк и Лондон: Книжная компания McGraw-Hill. Доступно в Интернете: https://discoversocialsciences.com/wp-content/uploads/2018/03/schumpeter_businesscycles_fels.pdf (дата обращения: 12 января 2025 года).

81.Эволюционизм в биологии и социологии: (Марксизм и Дарвинизм) / Отто Бауэр. - Петербург: Антей, [19]. — 8 с.

82.Bell, D. The Coming of Post-Industrial Society: A Venture in Social Forecasting / D. Bell // Heinemann. — 1974. — 507 с. — URL: https://www.mona.uwi.edu/dlis/sit es/default/files/dlis/D_-Bell-The-Coming-of-Post-Industrial-Society-1.pdf (дата обращения: 28.02.2025).

83.CARDOSO F.H., FALETTO E. Dependence and development. – L.: Verso, 2008. – 225 p.

84.Civilization and climate, by Huntington, Ellsworth. 3 ed., New Haven, 1924

85.Commons, John R. 2004. Labor and Administration. Kitchener: Batoche Books. Available online: https://citeseerx.ist.psu.edu/document?repid=rep1&type=pdf&doi=9bb25bfa523377460357ad2c2a2f00f6830a30dd (accessed on 18 February 2025).

86.Dos Santos T., «El nuevo carácter de la dependencia», CESO, Santiago, Chile, 1968.

87.Hirschman A. The Strategy of Economic Development // Yale University Press. New Haven. — 1958. — P. 468–469. — DOI: 10.2307/1235188.

88.Huntington E. «Changes of Climate and History» American Historical Review (Jan. 1913): 213–32.

89.Huntington E. The Pulse of Asia: A Journey in Central Asia Illustrating the Geographic Basis of History (Boston, MA: Houghton Mifflin Company, 1907), 384.

90.Krugman P. Development, geography and economic theory. — Cambridge: VIT Press, 1995. — 127 p. — doi: 10.2307/1243317.

91.Lavery, Colm. (2022). The Power of Racial Mapping: Ellsworth Huntington, Immigration, and Eugenics in the Progressive Era. The Journal of the Gilded Age and Progressive Era. 21. 262-278. 10.1017/S1537781422000299.

92.Marini Ruy Mauro. The Dialectics of Dependency. - Amanda Latimer and Jaime Osorio (eds.), Amanda Latimer (trans.), Monthly Review, New York, 2022. 228 pp.

93.Movsesyan, Arsen A., Economic Sociodynamics: Criticism (January 27, 2015). Available at SSRN: https://ssrn.com/abstract=3083604 or http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3083604

94.Murdal G. Economic Theory and Underdeveloped Regions. — London: Duckworth, 1957. — 168 p.

95.Nelson R. R., Winter S. G. (1982). An Evolutionary Theory of Economic Change. Cambridge, MA: Harvard University Press (рус. пер.: Нельсон Р., Уинтер С. (2002). Эволюционная теория экономических изменений. М.: Дело).

96.Perez C. 2010. Technological Revolutions and Techno-Economic Paradigms. Cambridge Journal of Economics 34(1): 185–202 (Downloadable as Working paper TOC/TUT WP No. 20, WPs in Technology Governance and Economic Dynamics the Other Canon Foundation, Norway and Tallinn University of Technology, Estonia).

97.Street J. H. The Contribution of Simon S. Kuznets to Institutionalist Development Theory // Journal of Economic Issues, Vol. 22, No. 2 (Jun., 1988), pp. 499–509.

98.Thom, René. 1975. Catastrophe Theory: Its Present State and Future Perspectives. In Dynamical Systems–Warwick 1974. Lecture Notes in Mathematics. Edited by A. Manning. Berlin/Heidelberg and New York: Springer, vol. 468, pp. 366–89

99.Toffler, Alvin. 1971. Future Shock. (Bantam edition). New York: Bantam Books.

100. Toffler, Alvin. 1981. The Third Wave. New York: Bantam Books. Toffler, Alvin. 1991. Powershift: Knowledge, Wealth, and Violence at the Edge of the 21st Century. New York: Bantam Books.

101. Vasin, S.M. A Theoretical Review of Socio-Economic Dynamics and Structural Transformation of Society: Traits and Constraints in Validating Response Processes Due to Unpredictable Factors. Economies 2023, 11, 187. https://doi.org/10.3390/economies11070187

102. Zeeman, Christopher. 1977. Catastrophe Theory: Selected Papers, 1972–1977. Reading: Addison-Wesley. Available online: https://archive.org/details/catastrophetheor0000zeem (accessed on 16 May 2024).

A new approach to classifying global economic development theories

Karagulyan Egine Araratovna
PhD in Economics, Associate Professor,
Institute of Economics, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Yekaterinburg, Russian Federation
E-mail: karagulyan.ea@uiec.ru

KEYWORDS

theories of global economic development, theories of global economic transformation, factors of global economic development, prerequisites of global economic development, typology of theories of global economic development

ABSTRACT

The academic literature contains a large number of studies devoted to the theory of global economic development. However, there is still no established theory of global economic development. The presented studies differ in the methods they use as well as in the underlying assumptions, factors and driving forces. These criteria are most often used to classify theories of global economic development, which does not fully reflect the diversity and interdisciplinary nature of research in the field of global economic development. Classification methods are of great importance for solving scientific problems in economics. A clearly constructed classification has great heuristic power and allows taking into account the results of the previous development of the world economy and at the same time to determine the beginning of a new stage of its development and to predict the existence of previously unknown links and dependencies between entities and processes occurring in the world economy. The purpose of the article is to systematise the existing theories of world economic development in order to develop new criteria and characteristics for classifying theories of world economic development. The article presents the author's approach to classifying theories of world economic development. The main research methods were critical and systems analysis of theories of development of economic systems, as well as various classification methods. During the study, more than 100 of the most cited works in the field of development theory were selected and analysed according to the classification characteristics. On the basis of the identified preconditions, factors, driving forces of development and the nature of the ongoing changes, 10 classification criteria of theories of world economic development were determined, which can be used in the development of a methodology for the assessment of transformation processes in the world economy. The obtained results are of interest for researchers and specialists working in the field of world economy and international relations. Further directions of the research are connected with the development of a methodology for the assessment of transformation processes in the world economy.

Перспективы развития российского рынка сельскохозяйственной техники в современных реалиях

Несиоловская Татьяна Николаевна

Доктор технических наук, профессор,
ФГБОУ ВО «Ярославский государственный технический университет», г. Ярославль, Российская Федерация
E-mail: nesiolovskayatn@ystu.ru

Костриков Захар Евгеньевич

Магистрант,
ФГБОУ ВО «Ярославский государственный технический университет», г. Ярославль, Российская Федерация
E-mail: zahar.20_23@mail.ru

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА.

циркулярная экономика, трансформация, ответственность бизнеса, социальная ответственность потребителя, механизмы поддержки развития, уровни управления, инструменты управления

АННОТАЦИЯ.

Актуальность исследования обусловлена стратегической значимостью сельскохозяйственной отрасли для экономики России. В соответствии с Доктриной продовольственной безопасности, каждый житель Российской Федерации должен быть обеспечен безопасной, качественной и доступной сельскохозяйственной продукцией в объемах, обеспечивающих рациональные нормы потребления пищевой продукции. Важнейшую роль в решении этой стратегической задачи играет сельхозтехника. Отечественный рынок сельскохозяйственной техники переживает в настоящее время структурную трансформацию: с одной стороны налицо положительные тенденции, ведущие к импортозамещению, с другой - снижение динамики импорта, приводящее к дефициту сельхозтехники. Недостаточная техническая оснащенность не позволяет увеличить посевные площади, влечет за собой дополнительные издержки, является причиной низкой маржинальности. Цель настоящего исследования состоит в анализе перспектив российского рынка сельскохозяйственной техники в современных реалиях. Установлено, что современные темпы технико-технологического обновления аграрной отрасли страны объективно не соответствуют уровню, необходимому для устойчивого развития отечественного сельского хозяйства и во многом являются следствием проблем, особенно обострившихся в условиях санкционного давления. Взаимосвязанность выявленных проблем продемонстрировала необходимость комплексного подхода к решению задач, направленных на повышение оснащенности аграрной отрасли сельскохозяйственной техникой. Комплексный подход состоит в решении задач по всей цепи поставок сельскохозяйственной техники, включающей производителей, посредников и потребителей продукции на государственном, региональном и муниципальном уровнях. Интеграция экономических, технологических, организационных и социальных решений позволит значительно улучшить ситуацию на российском рынке сельскохозяйственной техники, обеспечив устойчивость развития отечественного агропромышленного комплекса.

JEL codes: I20, I21, J24

DOI: https://doi.org/10.52957/2221-3260-2025-03-130-141

Для цитирования: Несиоловская, Т.Н. Перспективы развития российского рынка сельскохозяйственной техники в современных реалиях /Т.Н. Несиоловская, З.Е. Костриков. - Текст : электронный // Теоретическая экономика. - 2025 - №12. - С.130-141. - URL: http://www.theoreticaleconomy.ru (Дата публикации: 30.03.2025)

Введение

Сельское хозяйство является одной из стратегически важных отраслей экономики России. В январе 2020 г. указом президента Российской Федерации В.В. Путина была принята Доктрина

© Несиоловская Т.Н., Костриков З.Е., 2025

продовольственной безопасности, представляющая совокупность официальных взглядов на цели, задачи и основные направления государственной политики в сфере обеспечения продовольственной безопасности Российской Федерации [1]. Основной императив Доктрины заключается в том, что каждый житель Российской Федерации должен быть обеспечен безопасной, качественной и доступной сельскохозяйственной продукцией в объемах, обеспечивающих рациональные нормы потребления пищевой продукции. Создание новых пахотных земель, а также автоматизированных средств их обработки является самым простым способом обеспечения населения продуктами питания.

Россия исторически является аграрной страной [2]. Земельные угодья ее достаточно велики, но лишь небольшая их часть используется под посевы и развитие животноводства. Это связано с тем, что большая часть земель России лежит в зоне рискованного земледелия, где урожайность колеблется под влиянием погодных условий - заморозков, засухи, наводнений и др. С древних времен крестьяне стремились освоить эту зону, используя особые приемы обработки почвы, но лишь в XX веке, в связи с промышленным производством сельскохозяйственной техники, освоение земель стало не только экстенсивным, но и интенсивным. Очевидно, что для развития аграрного сектора экономики необходимо иметь достойное техническое обеспечение [3].

Сельскохозяйственное машиностроение является ключевой отраслью Российской экономики. Достаточное количество специализированной техники у агропромышленных предприятий гарантирует их стабильное развитие, качественный и своевременный посев, обработку полей и сборку урожая.

Рынок сельхозтехники представляет собой сложную систему взаимодействия основных субъектов (производителей, посредников, потребителей), целевой функцией которой является техническое обеспечение сельского хозяйства. Корреляция между спросом на сельскохозяйственную технику со стороны агропромышленного комплекса и предложением со стороны ее производителей нелинейна и зависит от целого ряда факторов.

До 2022 г. преимущественными участниками рынка сельхозтехники были иностранные производители из Европы и США, при этом импорт достигал до 75 % [4]. Затем ситуация кардинально изменилась – в связи с санкциями рынок сельхозтехники сократился, произошла полная замена партнеров и импорт оборудования из Республики Беларусь, Китая, Турции составил порядка 40 %.

В связи с уходом с рынка крупных иностранных поставщиков возникли проблемы и с комплектующими. Почти в любой отечественной технике есть импортные комплектующие (гидравлика, двигатели и др.), при этом в себестоимости производства доля зарубежных материалов и компонентов может составлять до 45 %.

Таким образом, отечественный рынок сельскохозяйственной техники переживает структурную трансформацию: с одной стороны налицо положительные тенденции, ведущие к импортозамещению, с другой – снижение динамики импорта, приводящее к дефициту сельхозтехники.

В настоящее время доля российского оборудования на рынке сельхозтехники составляет порядка 60 %. В плане развития до 2035 г. обозначено, что производство сельхозтехники должно увеличиться до 80 %.

Цель настоящего исследования состоит в анализе перспектив российского рынка сельскохозяйственной техники в современных реалиях.

Методы

В работе использовались общенаучные методы исследования - наблюдения, анализа, синтеза, сравнения, индукции и дедукции [5].

Методология исследования базировалась на комплексном подходе, включающем теоретический анализ и практические методы сбора и обработки информации и использование эмпирических данных, что позволило выявить основные проблемы и перспективы развития российского рынка сельскохозяйственной техники в современных реалиях.

Методы системного анализа, применяемые при решении сложных и смешанных проблем

[6], позволили создать основу для логического и последовательного подхода к определению задач, направленных на решение выявленных проблем.

В процессе исследования использовались как количественные, так и качественные методы анализа. Методы корреляционного и регрессионного анализа дали возможность установить взаимосвязь между доходами аграриев и их инновационной активностью. Качественный анализ включал изучение опыта применения инновационных решений в создании сельхозтехники как в российском, так и в зарубежном контексте, что позволило выявить те направления, которые наиболее эффективно могут быть использованы в современных реалиях, обеспечив устойчивость развития отечественного агропромышленного комплекса.

Результаты

Одним из базовых элементов обеспечения населения России безопасной, качественной и доступной сельскохозяйственной продукцией в объемах, обеспечивающих рациональные нормы ее потребления, является сельскохозяйственная техника. Сельхозтехнику используют агропромышленные предприятия, фермерские хозяйства и другие участники рынка. Главными задачами использования сельхозтехники считают ускорение, упрощение и увеличение эффективности различных процессов: посадки семян, сбора урожая, обработки почвы и т.п. Современный тренд - достижение максимальной эффективности сельскохозяйственных операций при минимальных затратах ресурсов и снижении негативного воздействия на окружающую среду. Результатом применения модернизированной сельхозтехники должно стать улучшение финансовых показателей агропромышленных предприятий и фермерских хозяйств за счет роста производительности труда и уменьшения брака, а также повышение качества продукции за счет сохранения полезных свойств выращиваемых культур и высокой экологической чистоты товара.

По итогам 2022 г. доля сельскохозяйственной техники отечественного производства в России составила 61 % [7]. При этом в 2022 году производство российской сельскохозяйственной техники уменьшилось в среднем на 12,3 % по сравнению с аналогичным периодом предыдущего года. Наиболее сильное падение производства отмечено для основных видов сельхозтехники: тракторов на 16 % и зерноуборочных комбайнов на 15 % (таблица 1).

Таблица 1 – Производство сельскохозяйственной техники (шт.)

Вид техники	1 полугодие	
	2021г.	2022г.
Зерноуборочные комбайны	2823	2391
Бороны	2431	2243
Сеялки	3559	3390
Тракторы	2845	2350
Плуги	1721	1625
Опрыскиватели	1038	980
Зерноочистительные машины	922	814

Источник: [8]

За первое полугодие 2023 г. производство сельхозтехники в России в денежном выражении выросло на 17,2 % относительно аналогичного периода 2022 г. Очевидно, что рост объемов производства в денежном выражении связан с повышением себестоимости производства сельхозтехники, на что, в свою очередь, повлияло удорожание логистики и комплектующих [9]. И если в денежном выражении производство растет, то в физическом эквиваленте, наоборот, в некоторых категориях техники наблюдается снижение объемов производства.

Результатом стал рост цены на сельхозтехнику и, как следствие, падение спроса на нее.

Сложившаяся ситуация на рынке сельскохозяйственной техники контрастирует с тем, что российское машиностроение на протяжение последних лет демонстрирует значительный рост [10].

Дефицит сельхозтехники сопровождается значительным износом машинно-тракторного парка [8]. Большинство предприятий до сих пор эксплуатируют морально устаревшую сельскохозяйственную технику и оборудование, при этом степень износа зачастую составляет более 50 % (таблица 2). Это приводит к повышенной нагрузке на технику и увеличению коэффициента ее выбытия по причине выхода из строя.

Таблица 2 – Доля сельхозтехники (%), с года выпуска которой прошло более 10 лет

Вид техники	Год								
	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023
Тракторы	60,3	59,6	59,6	59,8	58,2	57,3	57,0	56,8	55,4
Зерноуборочные комбайны	45,4	45,4	44,9	45,1	44,4	45,9	45,5	45,1	44,8
Кормоуборочные комбайны	42,9	44,4	43,5	42,7	41,7	42,9	43,6	43,2	42,5

Источник: составлено аторами на основе данных официального сайта Министерства сельского хозяйства Российской Федерации

В настоящее время дефицит тракторов в российском агропромышленном комплексе составляет 65 тысяч штук, комбайнов - 34 тысячи [12]. Недостаточная техническая оснащенность не позволяет увеличить посевные площади, влечет за собой дополнительные издержки, является причиной низкой маржинальности. По расчетам Департамента растениеводства, механизации, химизации и защиты растений Министерства сельского хозяйства Российской Федерации для формирования оптимального парка техники в стране и его полноценного обновления требуется ежегодно приобретать не менее 56 тысяч тракторов, 16 тысяч зерноуборочных и 2400 кормоуборочных комбайнов [12].

В 2024 г. Российский агропромышленный комплекс оказался в новой реальности. Высокая ключевая ставка наряду с низкой доходностью аграриев негативно повлияли на рынок сельхозтехники. Ситуацию усугубил тот факт, что были пересмотрены условия поддержки отечественных производителей и аграриев, а финансирование ряда программ было сокращено.

В тоже время нельзя игнорировать позитивные тенденции развития отрасли: за период с 2019 г. сумма инвестиций в производство составила более 38 млрд рублей.

Таким образом, отрасль сельскохозяйственного машиностроения в России находится в состоянии неопределенности. Существует совокупность проблем, негативно влияющих на ситуацию на российском рынке сельхозтехники. К основным проблемам, приводящим к низкой оснащенности российской аграрной отрасли сельскохозяйственной техникой относятся:

1. Экономическая ситуация в стране.

Эксперты в области науки считают, что проблема дефицита сельскохозяйственной техники для Российских аграриев напрямую зависит от экономической ситуации в стране. Одним из факторов, повлиявших на рост дефицита сельхозтехники стала антироссийская санкционная политика ряда зарубежных стран. Первый пакет санкций пришелся на 2014 год, когда произошло присоединение Крыма к России. Санкции ограничивали деятельность РФ на рынке, в результате чего резко выросла нестабильность функционирования российских производителей сельскохозяйственной продукции и возникла угроза продовольственной безопасности страны. В ответных мерах Правительство РФ опубликовало постановление «О применении отдельных специальных экономических мер в целях обеспечения безопасности Российской Федерации», которое означало запрет на ввоз сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия из стран, которые применили санкции против России, а именно из США, стран ЕС, Канады, Австралии, Норвегии [13].

В 2022 году российское общество вновь столкнулась с санкциями, при этом список

недружественных стран оказался намного больше, а сама природа антироссийских мер изменилась - в список запрещенных для ввоза в Россию товаров попала и сельскохозяйственная техника. Всемирно известные производители тракторов, John Deere, Massey Ferguson, New Holland, Kubota остановили поставки своей продукции в Россию.

Аналитики считают, что дефицит сельхозтехники будет расти и приобретать выраженный структурный характер. Прежде всего, будет нарастать дефицит тракторов высоких классов, которые ранее закупались у иностранных производителей и сейчас находятся под санкционным давлением. Парк тракторов меньших классов пока можно восполнять за счет контрактов с дружественными странами: на российский рынок в 2023 г. пошла продукция из Китая, Турции, Ирана. Адаптация потребителей использованию оборудования из этих стран проходит достаточно сложно, т.к. техника не учитывает климатических особенностей России – перепадов температур, обильных осадков, морозов и др. Ключевым преимуществом тракторов китайского производства является их цена. Однако китайские производители не делают мощную сельхозтехнику, поставляя в Россию лишь тракторы средней и малой мощности [14].

В связи с уходом с рынка крупных иностранных поставщиков возникли проблемы и с комплектующими. Почти в любой отечественной технике есть импортные комплектующие - электронные компоненты, различные датчики, колесные диски для сельхозтехники и др. В себестоимости производства их доля может достигать 45 %.

Нарушение логистики поставок также способствовало росту дефицита сельскохозяйственной техники на российском рынке.

Таким образом, экономическая ситуация в стране привела к дефициту сельскохозяйственной техники, обусловленному как снижением динамики импорта, так и недостаточным наращиванием объема производства отечественной техники.

2. Недостаточность инновационной инфраструктуры.

В условиях формирования инновационной экономики России, производство высокопроизводительной отечественной сельхозтехники способно коренным образом изменить как жизнь аграриев, улучшив их финансовое состояние и предоставив им возможность устойчивого развития, так и жизнь всех россиян, обеспечив продовольственную безопасность страны и импортонезависимость.

Создание новой (инновационной) техники – длительный и сложный процесс, проходящий в несколько стадий, начиная от фундаментальных научных исследований, через выдвижение идеи и разработку прототипа продукта к серийному выпуску продукции и продаже его потребителю. Этот путь, называемый «инновационным коридором», зависит от наличия и качества соответствующих ресурсов [15]. Производство инновационной техники требует наличия соответствующих технологий. Совокупность структур, способствующих развитию инновационной деятельности, в том числе поддержку исследовательской деятельности и проведения опытно-конструкторских работ (НИОКР), передачу знаний и технологий между различными субъектами российского рынка сельскохозяйственной техники, представляет собой инновационную инфраструктуру [16].

В контексте создания сельскохозяйственной техники инновационная инфраструктура должна включать инновационно-технологические и инжиниринговые центры, центры трансфера технологий, бизнес-инкубаторы, технопарки, бюджетные и внебюджетные фонды технологического развития. Однако в настоящее время наблюдается дисбаланс в создании и функционировании организаций инновационной инфраструктуры, связанный с неудовлетворительным качеством взаимодействия ее объектов, что замедляет как процесс создания новой сельскохозяйственной техники, так и модернизацию имеющейся.

Очевидно, что развитие инновационной инфраструктуры является критически важным условием для решения задачи обеспечения продовольственной безопасности Российской Федерации за счет оперативного создания инновационной сельскохозяйственной техники.

3. Высокая себестоимость отечественной сельхозтехники.

Так, например, стоимость производства гидродинамической трансмиссии в России в полтора раза выше, чем в Китае что обусловлено более жестким налоговым бременем (налоги с зарплаты (НДФЛ и социальные платежи, НДС, налог на недвижимость в Китае в несколько раз ниже).

Кроме того цены на металл и электроэнергию в РФ выше, причем за рубеж российский металл продается дешевле, чем на внутреннем рынке.

Высокие процентные ставки по кредитам также не способствуют снижению себестоимости отечественной сельхозтехники.

4. Недостаточные меры государственной поддержки.

Государство компенсирует высокую себестоимость субсидиями и мерами защиты рынка, но в настоящее время эти меры поддержки недостаточны.

По Федеральной Программе 1432 в 2022 г. на поддержку производителей сельхозтехники было выделено и израсходовано 8 млрд рублей. В 2023 г. финансирование программы было сокращено в 4 раза – до 2 млрд. рублей. Из нее была исключена самоходная техника и на фоне низких цен на сельхозпродукцию рынок сразу отреагировал серьезным сокращением.

Программы льготного лизинга в зарубежных лизинговых компаниях работают по всей логистической цепочке: завод, дилер, клиент. Программы «Росагролизинга» рассчитаны только на потребителей, в то время как дилерам и заводам необходимо покрывать большие издержки на оборотные средства.

Кроме того, имеет место нецелевое использование льготных инвесткредитов Минсельхоза в рамках постановления Правительства № 1528 и региональных субсидий.

Очевидно, что для успешного развития отечественного рынка сельхозтехники необходима системная государственная поддержка.

5. Низкий платежеспособный спрос на сельхозтехнику.

Спрос на продукцию нестабилен из-за различных экономических факторов (изменение цен на зерновом рынке, колебания курса национальной валюты, рост цен на сырье, материалы, комплектующие и энергоносители, увеличение логистических затрат и т.п.).

Эксперты говорят о ежегодном ухудшении финансовых результатов сельхоз компаний. По информации Росстата, цена на пшеницу 3-го и 4-го классов снизилась в прошлом году на 22-24 %, на фуражную - на 38 %. За 2023 год убыток при выращивании зерновых вырос в два раза по сравнению с 2022 г. [17]. Российский зерновой союз оценил недополученную выручку фермеров в 1 трлн руб.

Расходы на логистику выросли на 20-25 %, оборудование и запчасти стали дороже почти на 30 %, расходы на оплату труда возросли на 10-12 %.

Еще одна ощутимая часть затрат - покупка посевного материала. Введение квоты на импорт семян ряда сельхозкультур из «недружественных» стран [18], привело к росту цен на семена различных культур в среднем на 15-20 % [19].

Таким образом, текущая ситуация ставит под угрозу рентабельность агробизнеса и лишает многих аграриев возможности приобрести новую технику [20]. Недообеспеченность сельхозтехникой стала, по мнению экспертов, вторым значимым негативным фактором после погоды [21].

Совокупность выявленных проблем развития российского рынка сельскохозяйственной техники в современных реалиях свидетельствует о необходимости комплексного подхода к решению задач, направленных на повышение оснащенности российской аграрной отрасли сельскохозяйственной техникой.

Комплексный подход состоит в решении задач по всей цепи поставок сельскохозяйственной техники, включающей производителей, посредников и потребителей. Среди ключевых задач можно выделить следующие:

1. Системная господдержка по всей цепи поставок сельхозтехники.

Поскольку сельское хозяйство является стратегически важной отраслью для экономики России,

необходимо:

- обеспечение долгосрочности (как минимум на 3-4 года) и предсказуемости программ поддержки;
- распространение налоговых льгот, которые действуют для IT отрасли, на производителей сельхозтехники и комплектующих для нее;
- финансирование участников всей цепи поставок по низким ставкам;
- разработка инновационной сельскохозяйственной техники.

Льготные инвесткредиты Минсельхоза в рамках постановления 1528 и региональные субсидии необходимо направлять только на приобретение сельхозтехники, на которую имеется заключение об отсутствии аналогов в России. Соответствующие правила должны действовать и для программ «Росагролизинга», которые необходимо расширить на дилеров и на заводы-производители, которым необходимо покрывать большие издержки на оборотные средства.

Для углубления локализации производства, необходимо выделение грантов на разработку и производство комплектующих для сельхозтехники.

Субсидии производителям сельхозтехники способствует стимулированию спроса на агротехнику, но предоставляемых субсидий недостаточно из-за низкой инвестиционной активности аграриев, поэтому необходимо выделять средства и на стимуляцию инвестирования в отрасль, в том числе за счет:

- разработки специальных страховых государственных программ, по которым фермер может получить компенсацию при потере урожая в случае, если все необходимые работы он провел в срок;
- гарантии для сельхозпроизводителей минимальных цен на сельхозпродукцию на внутреннем рынке;
- отмена экспортных пошлин на зерно на ближайшие 5 лет;
- предоставления кредитов потребителям сельхозтехники с минимальной ставкой (0-1 %).

2. Развитие вторичного рынка сельскохозяйственной техники.

В России отмечается не только дефицит сельхозтехники, но и значительный износ машинно-тракторного парка. Известно, что при дефектовке списанной техники, детали подлежащие утилизации не превышают 25 %, при этом почти половина деталей пригодны к дальнейшему их использованию, а оставшаяся часть подлежит восстановлению. Цена восстановленных деталей не превышает 50-70 % от цены новых, а ресурс составляет 80 - 90 % [22]. Данная ситуация должна стать драйвером развития вторичного рынка сельскохозяйственной техники.

Ключевую роль в формировании и развитии внутреннего вторичного рынка, могут сыграть партнерские договорённости между основными участниками рынка (ремонтные заводы, заводы производители новой техники, продавцы и покупатели подержанной техники и т.д.) на экономически взаимовыгодных условиях.

Совместно с лизинговой компанией коммерческие банки организуют финансирование цепи поставок восстановленной сельхозтехники аграриям. Благодаря взаимодействию между заводом-изготовителем сельхозтехники и ремонтным заводом у лизинговой компании открывается широкий выбор диапазона цен, условий оплаты и т.д., что приводит к расширению предложений по поставкам техники сельхозпредприятиям и получению дополнительной прибыли. В этом случае доходы банка возрастают и он, как заинтересованная структура, может свободно предоставлять кредиты поставщику техники (рисунок 1).

3. Развитие инновационной инфраструктуры.

Для преодоления существующего в настоящее время дисбаланса в функционировании организаций инновационной инфраструктуры необходимо комплексное развитие всех ее блоков (производственно-технологического, информационно-консалтингового, финансового, сбытового). Концентрация всех блоков в рамках единого пространства позволит сократить издержки и повысить эффективность разработок нового оборудования. В частности, необходима кооперация между

машиностроителями и производителями комплектующих в направлении унификации; открытие новых центров трансфера технологий в кооперации с вузами; создание единой компонентной базы и др.

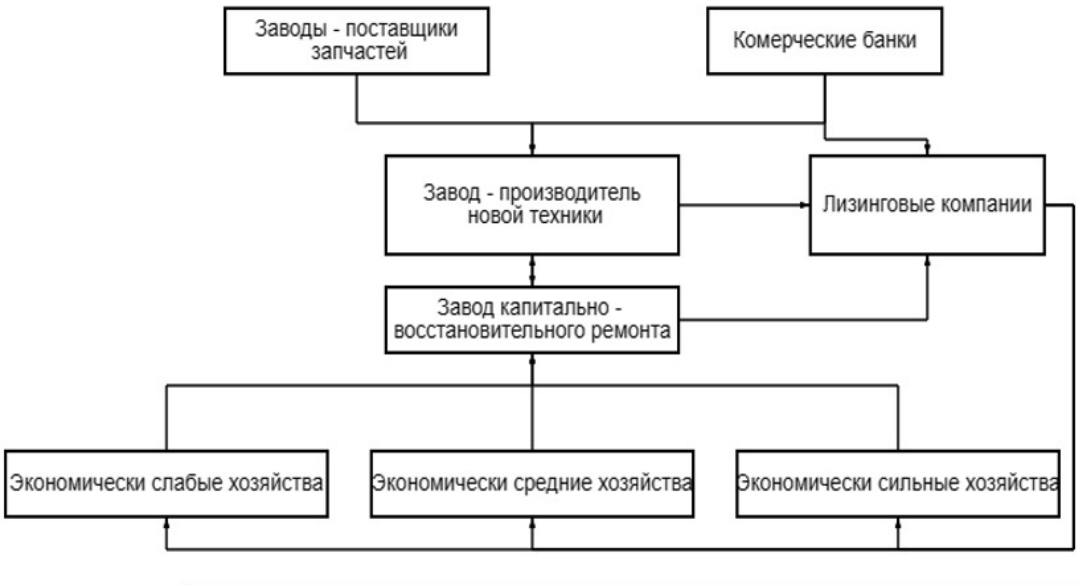


Рисунок 1 – Схема взаимодействия на вторичном рынке сельхозтехники

Источник: [23]

Разработка, выпуск и применение новых образцов сельскохозяйственной техники способствует выходу агропромышленного комплекса России на новый инновационный путь развития. Выбор инновационных технологий определяется целями участников рынка и наличием у них финансовых ресурсов.

В качестве примера можно привести использование таких новых технологий, как автопилот и системы беспилотного управления на тракторах и комбайнах, что может существенно повысить их функциональность и оптимизировать рабочие процессы [24].

Установка автопилота на отечественные тракторы (комбайны) менее затратна, и подразумевает комплексный механизм вспомогательного управления, который встраивается в гидравлику и автоматизирует процесс руления за счет сигналов, поступающих от управляющей станции, работающей с GNSS или RTK приемником. Это позволяет рабочему повысить качество выполнения технологических операций.

Внедрение систем беспилотного управления достаточно затратно. Работа беспилотного трактора (комбайна) в реальных условиях неизбежно связана с нештатными ситуациями, которые не решаются без участия человека, поэтому целесообразным будет выполнение работы группой сельхозмашин под контролем одного оператора на одном поле или на смежных полях. Система выдает оператору рекомендуемые параметры и помогает выдерживать нужный курс. В таком режиме возможна работа по принципу «роя» сельхозмашин, когда ведущая машина управляется человеком, а за ней двигаются ведомые беспилотные тракторы (комбайны). Для реализации такой технологии необходима не только модернизация агрегатов сельхозмашины, но и наличие программно-аппаратного комплекса компьютерного зрения, навигационный и инерционный датчики ГЛОНАСС или GPS. Сенсоры транспортного средства и система компьютерного зрения необходимы для обнаружения препятствий и неровностей поверхности, которых нет на карте. Навигационное оборудование необходимо для построения маршрута работы техники и контроля рабочей дистанции между соседними машинами. Использование такой инновационной системы позволит не только повысить качество выполнения отдельных технологических операций, но и существенно повысить эффективность сельскохозяйственного производства.

4. Улучшение организации труда.

В условиях дефицита сельхозтехники особое значение приобретает повышение эффективности ее использования. Эта задача может успешно решается агросервисными предприятиями, способными применять прогрессивные технологии. За счет лучшей организации труда и квалифицированного обслуживания техники возможно повысить эффективность ее использования на 25 %, что равносильно увеличению на тот же процент парка сельхозмашин [25].

Применение инновационных технологий за счет роста производительности труда позволит существенно снизить число задействованных в управлении сельскохозяйственной техникой людей. Высвобожденные «рабочие руки» будут способствовать введению в севооборот дополнительных пахотных площадей и существенному росту объемов производства сельскохозяйственной продукции.

Следует отметить, что применение инновационных технологий в сельском хозяйстве позволит сократить в отрасли дефицит кадров, который явился следствием демографического спада, наблюдавшегося в России в последние десятилетия.

Совокупность рассмотренных задач развития российского рынка сельскохозяйственной техники в современных реалиях свидетельствует о необходимости интеграции экономических, технологических, организационных и социальных решений. Основными механизмами реализации комплексного подхода выступают:

- руководство, реализующее интеграционные процессы через властные полномочия путем использования различных типов координации (превентивной, устраняющей, регулирующей и стимулирующей);
- плановая деятельность (стратегическое и текущее планирование), определяющая основные системные показатели деятельности экономических субъектов;
- инвестиционная деятельность, осуществляемая через разумную финансовую политику;
- оперативное управление (регулирование), выступающее как основной рычаг ритмичной, согласованной и сбалансированной деятельности хозяйствующего субъекта;
- социальная деятельность, которая, реализует интеграцию усилий коллектива в достижении заданных целей.

Заключение

Стратегическая значимость сельскохозяйственной отрасли для экономики Российской Федерации обусловлена тем, что каждый житель страны должен быть обеспечен безопасной, качественной и доступной сельскохозяйственной продукцией в объемах, обеспечивающих рациональные нормы ее потребления. Развитие аграрного сектора экономики требует наличия современной сельскохозяйственной техники, поскольку недостаточная техническая оснащенность не позволяет увеличивать посевные площади, влечет за собой дополнительные издержки, является причиной низкой маржинальности и т.д.

Современные темпы технико-технологического обновления аграрной отрасли ниже существующих потребностей и являются следствием множества проблем функционирования региональных рынков сельскохозяйственной техники, особенно обострившихся в условиях санкционного давления со стороны зарубежных стран.

Совокупность выявленных проблем развития российского рынка сельхозтехники в современных реалиях свидетельствует о необходимости комплексного подхода к вопросам импортозамещения за счет решения экономических, технологических, организационных и социальных задач по всей цепи поставок сельскохозяйственной техники, включающей производителей, посредников и потребителей.

Рассмотрены механизмы реализации комплексного подхода на разных уровнях управления. Успешная адаптация к новым условиям, внедрение инновационных технологий и развитие партнерских отношений будут ключевыми факторами достижения запланированного роста доли отечественной сельхозтехники на российском рынке. Это позволит обеспечить импортонезависимость и устойчивое развитие отечественного агропромышленного комплекса.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Указ Президента Российской Федерации № 20 «Об утверждении Доктрины продовольственной безопасности Российской Федерации» от 21.01.2020 г.

2. Мотревич В.П. Аграрная история России: (IX-XX вв.) //Учебное пособие. - Екатеринбург: Урал. аграр. изд-во, 2012 – 448 с.

3. Николаев В.А. Машины для обработки почвы. Теория и расчёт //Учебное пособие . – Ярославль: Изд-во ФГБОУ ВПО «Ярославская ГСХА», 2014. – 358 с.

4. Полоухин.А.А. Рынок сельскохозяйственной техники: проблемы и перспективы развития. – М. : ФГБНУ «Росинформагротех», 2021 – 200 с.

5. Рузавин Г.И. Методология научного познания //Учебное пособие для вузов. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2012. – 287 с.

6. Пономарев А.Б. Методология научных исследований //Учебное пособие. - Пермь: Изд-во Перм. нац. исслед. политехн. ун-та, 2014 – 186 с.

7. Хомяков Д.М. Обеспеченность техникой и устойчивость агропроизводства // Электронный ресурс: https://goo.su/LRM6wl6 . Дата обращения (03.02.2025)

8. Криничная.Е.П. Рынок сельскохозяйственной техники в России: современное состояние и тенденции развития. аграрной науки // Электронный ресурс: https://goo.su/wrRsyYp. Дата обращения (11.11.2024)

9. Уварова Е.В Техническая оснащенность ельского хозяйства: Тенденции и перспективы // Электронный ресурс: https://goo.su/hkJxEz. Дата обращения (27.12.2024)

10. Лола И.С., Дубкова А. Д., Усов Н.А. Трансформация отрасли машиностроения в условиях глобальных вызовов 2022 – 2024гг.: эффекты антикризисных мер – М.: НИУ ВШЭ, 2024. -18 с.

11. Количество устаревшей сельскохозяйственной техники / Официальный сайт Министерства сельского хозяйства Российской Федерации //Электронный ресурс: https://mcx.gov.ru/docs/. Дата обращения (14.05.2024)

12. Решетников М.И. Минсельхоз заявил о дефиците в 65 тысяч тракторов и 34 тысячи комбайнов // Электронный ресурс: https://www.interfax.ru/russia/988983. Дата обращения (27.12.2024)

13. Постановление Правительства РФ N 725 «О продлении действия отдельных специальных экономических мер в целях обеспечения безопасности Российской Федерации» от 11 октября 2022 г.

14. Алексеенко О.И. Китайские тракторы на российском рынке сельскохозяйственной техники: современное положение и перспективы // Электронный ресурс: https://elibrary.ru/item.asp?id=53840478. Дата обращения (11.09.2024)

15. Герасимов К.Б., Васильчиков А.В., Смирнова Е.А. Инновационная инфраструктура: проблемы и тенденции развития // Московский экономический журнал, - 2021. – № 10. - С. 291-300

16. Королева Л.П., Ермошина Т.В. Инновационная инфраструктура: состав и место в инновационной системе экономики //Инновации. – 2014. - № 12 (194).- С.59-61

17. ЕМИСС – Государственная статистика «Финансовый результат убыточных организаций // Электронный ресурс: – URL: https://www.fedstat.ru/indicator/57744. Дата обращения (14.05.2024)

18. Постановление Правительства Российской Федерации № 72 «О введении временного количественного ограничения на ввоз отдельных видов семян сельскохозяйственных растений» от 27.01.2024

19. Максимова Е.К. Аграрии оценили, как подорожает предстоящий весенний сев. // Электронный ресурс:https://www.agroinvesto.ru/markets/news/41747-agrarii-otsenili-kak-podorozhaet-predstoyashchiy-vesenniy-sev/. Дата обращения (12.12.2024)

29. Кошлаков А.Н. О результатах деятельности агропромышленного комплекса //Электронный ресурс: http://www.yartpp.ru. Дата обращения (27.12.2024)

21. Белая А.В. Сельского хозяйства: почему фермеры в России так близки к банкротствам // Электронный ресурс: https://www.forbes.ru/biznes/508720-titanik-sel-skogo-hozajstva-pocemu-fermery-

v-rossii-tak-blizki-k-bankrotstvam. Дата обращения (15.05.2024)

22. Катаев Ю.В. Ресурсосберегающие технологии ремонта сельскохозяйственной техники // Учебное пособие по направлению 35.03.06 «Агроинженерия». — М.: ФГБНУ «Росинформагротех», 2018. -183 с.

23. Катаев Ю.В. Исследование тенденций рынка вторичного использования сельскохозяйственной техники в АПК РФ: М.:ФГБОУ ВО РГАУ-МСХА им. К. А. Тимирязева, 2021 – 82 с.

24. Труфляк Е.В. Цифровые технологии в сельском хозяйстве и городской среде //Учебник для вузов - Санкт-Петербург, Изд-во «Лань» 2024. - 448 с

25. Коняева Н.И. Особенности ремонта сельскохозяйственной техники в современных условиях // Электронный ресурс: https://elibrary.ru/vqnzdk. Дата обращения (15.09.2024)

Prospects for the development of the russian market of agricultural machinery in modern realities

Nesiolovskaya Tatiana Nikolaevna
Doctor of Technical Sciences, Professor,
Yaroslavl State Technical University, Yaroslavl, Russian Federation
E-mail: nesiolovskayatn@ystu.ru

Kostrikov Zakhar Evgenievich
Undergraduate student,
Yaroslavl State Technical University, Yaroslavl, Russian Federation
E-mail: zahar.20_23@mail.ru

KEYWORDS.

agricultural machinery market, transformation, renewal rates, sanctions pressure, sustainable development, financing, innovation infrastructure, innovative technologies

ABSTRACT.

The relevance of the study is due to the strategic importance of the agricultural sector for the Russian economy. In accordance with the Doctrine of Food Security, every resident of the Russian Federation must be provided with safe, high-quality and affordable agricultural products in quantities that ensure rational consumption rates of food products. Agricultural machinery plays a key role in solving this strategic problem. The domestic market of agricultural machinery is currently undergoing a structural transformation: on the one hand, there are positive trends leading to import substitution, on the other hand, there is a decrease in import dynamics, leading to a shortage of agricultural machinery. Insufficient technical equipment does not allow to increase sown areas, entails additional costs, and is the reason for low marginality. The purpose of this study is to analyze the prospects of the Russian market of agricultural machinery in modern realities. It has been established that the current pace of technical and technological renewal of the country's agricultural sector objectively does not correspond to the level necessary for the sustainable development of domestic agriculture and is largely a consequence of problems that have become especially acute under the pressure of sanctions. The interconnectedness of the identified problems demonstrated the need for a comprehensive approach to solving problems aimed at increasing the equipment of the agricultural sector with agricultural machinery. A comprehensive approach consists of solving problems along the entire supply chain of agricultural machinery, including manufacturers, intermediaries and consumers of products at the state, regional and municipal levels. The integration of economic, technological, organizational and social solutions will significantly improve the situation on the Russian market of agricultural machinery, ensuring the sustainability of the development of the domestic agro-industrial complex

Научно-образовательное общество – основа развития России в XXI веке (пять тезисов)

Субетто Александр Иванович
доктор экономических наук, доктор философских наук, кандидат технических наук, профессор,
Северо-Западный институт управления РАНХиГС при Президенте РФ, Института истории и социальных наук РГПУ им. А.И.Герцена, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
E-mail: subal1937@yandex.ru

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА
ноосферный социализм, выход из рыночного геноцида, переход от мобилизации экономики и экономической независимости России к социальному государству, роль научно-образовательного общества в развитии России 21 века, экологическое выживание, научное управление социоприродной эволюцией

АННОТАЦИЯ
Данная работа представляет собой тезисы выступления автора (в расширенном варианте) на Круглом Столе, организованном петербургским горкомом КПРФ и Петровской академией наук и искусств. Тема Круглого Стола – «Проблемы образования в России. Методы и пути их решения». Автор излагает свой взгляд по обсуждавшейся проблеме и с позиции разрабатываемой им концепции ноосферного социализма предлагает пути развития России в 21 веке, определяет роль научно-образовательного общества в этом процессе. Предлагаемая доктрина новой научно-образовательной политики в России исходит из диагностики исторической эпохи, в которую вошли Россия и человечество, как Эпохи Великого Эволюционного Перелома. Начало этой эпохи порождено в 80-х – 90-х годах, переходом глобального экологического кризиса в первую фазу Глобальной Экологической Катастрофы, т.е. в процесс своей экологической гибели на рыночно-капиталистического пути развития уже в XXI веке. Это означает, что против Капитала и Рынка (за Социализм) выступила Природа – Биосфера и планета Земля, как суперорганизмы. Императив экологического выживания предстает как императив перехода человечества к научному управлению социоприродной эволюцией, что и означает собой Ноосферный Экологический Духовный Социализм, в свою очередь требующий перехода России и человечества к научно-образовательному обществу. Россия как евразийская цивилизация, с ведущей ролью Закона Кооперации из-за холодного климата и больших энергозатрат на воспроизводство жизни, первой в Истории совершила в начале XX-го века Социалистический Прорыв, и призвана первой совершить в XXI веке Ноосферный прорыв человечества. Наука и образование становятся ведущими механизмами развития России и человечества.

1. Тезис первый

Проблемы, которые возникли в сфере воспроизводства образования и науки в России, и которые являются результатом ошибок в целеполагании в управлении этими важными сферами в российском государстве на протяжении последних более 30 лет, могут быть решены только на основе перехода России к стратегии социально-экономического развития на основе планирования этого развития (планов развития с 5-летним, 15-летним и 50-летним горизонтами упреждения), возрождения механизмов государственного планирования (ГОСПЛАНА) и научно-технического развития (ГКНТ) на новой качественной основе).

Россия – евразийская, общинная, с самыми суровыми климато-географическими условиями воспроизводства жизни проживающего на её территории населения, в соответствии с разработанной автором теорией энергетической стоимости – с самой высокой в мире энергостоимостью воспроизводства всей экономики и общества в целом (в России энергозатраты на воспроизводства единицы валового продукта и соответственно на душу населения – в 3 – 5 раз больше, чем в Европе, которую обогревает Гольфстрим, и в 5 – 7 раз больше чем в США; Нью-Йорк находится на широте Сочи).

Поэтому Россия на протяжении всей своей истории жила по Закону Кооперации, а не по Закону Конкуренции, и по-своему «ценностному геному» является антикапиталистической страной. Именно поэтому Россия стала страной и цивилизацией, первой совершившей в истории человечества

© Субетто А.И., 2025

Социалистический Прорыв, отвергнув капиталистический путь развития и запустив тем самым альтернативу рыночно-капиталистической истории – социалистическую историю человечества.

СССР, как эпоха в истории России, – явился развитием российской цивилизации, соответствовал её цивилизационным законам, – и явил Миру невиданную до этого – управляемую, на основе «сталинских пятилеток», экономику и соответственно – «управляемую историю», что и является социализмом.

Именно советский социализм стал базисом превращения России – СССР в великую научно-образовательную державу. И это особенно ярко проявилось в годы Великой Отечественной войны, 80-летие Победы в которой над гитлеровской Германией, гитлеровским фашизмом и над всей Европой, отмобилизованной Гитлером для этой войны, мы отметим 9-го мая этого, 2025-го, года.

Рыночно-капиталистическая контрреволюция в начале 90-х годов во главе с Б.Н.Ельциным, и управляемая Западом под видом рыночных реформ и приватизации (по схеме А.Б.Чубайса), вступила в конфликт с законами бытия и развития российской цивилизации и запустила процесс её «рыночной гибели».

Автор обоснованию этого вывода посвятил в 2013 году специальную монографию «Рыночный геноцид России и стратегия выхода из исторического тупика».

К этому же выводу пришел, «параллельно» с автором, известный российский политэконом Валентин Юрьевич Катасонов. Он в книге «Экономика Сталина» в 2014 году пришел к аналогичному выводу: на пути рынка Россию ждет гибель. И сформулировал императив перехода России к экономике, подобной «сталинской», – бесприбыльной экономике, на новой качественной основе. Но для этого требуется, чтобы у России были «высшие надэкономические цели» (как это было в «эпоху Сталина»).

«Рыночный геноцид России» как процесс, который длится более 30 лет, особенно проявился в рыночно-пореформенной деградации сфер образования и науки (под «знаменами» либеральной бюрократизации образования в виде ЕГЭ, болонизации образования, и рыночно-форматных рейтингов, а де-факто – исполнения девиза «гуру» экономического либерализма и монетаризма Ф. фон Хайека – свобода основана на невежестве), в том числе в реформе РАН, которая была проведена в 2012 году (и против которой выступал академик Жорес Иванович Алферов).

В наступившую эпоху, когда Запад ведет войну против России, в том числе на Украине, поставив ту же цель, которую ставил перед собой Гитлер, гитлеровский фашизм, – расчленение России и уничтожение русского народа, Россия «обречена» на Победу в этой войне, поскольку «гибель России» обернется ядерной войной, из которой мир живым не войдет. Но для этого ей необходима мобилизация не только экономики, промышленности, ресурсного потенциала страны, но и мобилизация Духа народа, что в свою очередь требует, чтобы у России были «высшие надэкономические цели», т.е. была государственная идеология, указывающая дальние цели развития России.

2. Тезис второй

В XX-ом веке на стороне Социализма против Капитала и Рынка выступила Природа – Биосфера и планета Земля как суперорганизмы, имеющие собственные гомеостатические механизмы («механизмы устойчивости развития» в форме процессов саморегуляции) в форме процессов Глобального Экологического Кризиса (с середины XX-го века), а начиная с рубежа 80-х – 90-х годов – в виде процессов первой фазы Глобальной Экологической Катастрофы.

Косвенно этот важный теоретический вывод автора, аргументированный в серии его научных работ, подтверждают выводы целого ряда честных ученых на Западе, например таких, как Б.Коммонер, Р.Гудленд, Г.Дейли, С.Эль-Серафи, Ф.Капра, И.Шамир, И.Валлерстайн и другие. Б.Коммонер в книге «Замыкающийся круг» еще в начале 70-х годов предупредил: технологии на базе частной собственности уничтожают главное богатство человечества – экосферу. Потом этот вердикт был повторен уже в 1991 году в Докладе Мировому Банку (Нью-Йорк, США), написанном Р.Гудлендом, Г.Дейли и С.Эль-Серафи. Он «звучит» так: в экологической заполненной земной нише, которую стало занимать

человечество (мое замечание: глобальный экологический кризис – и есть отражение «заполненности» экологической ниши, которую занимает человечество), рынок, как механизм развития экономики, исчерпал себя (мое замечание: а это означает, что наступило экологическое упразднение и рынка, и частной капиталистической собственности, т.е. Природа выступила против Капитала и Рынка). Обращаю внимание всех, кто будет читать эти тезисы, что этот вердикт был сформулирован в сентябре 1991 года, когда в СССР набирала силу рыночно-капиталистическая контрреволюция под видом «рыночных реформ», во главе с М.С.Горбачевым, А.Н.Яковлевым, Б.Н.Ельциным, Е.Т.Гайдаром, А.Б.Чубайсом, и многими-многими другими адептами рыночных реформ, в том числе и рядом академиков АН СССР, а потом РАН.

К этому можно добавить оценку известного американского философа, политэконома, общественного деятеля Иммануила Валерстайна, которую он дал «капитализму» или «рыночной экономике» в начале 0-х годов уже в XXI веке в книге с символическим названием «Конец (известного нам) Света». При этом он указывает, что под «известным нам» Светом он понимает «капитализм», или «рыночную экономику», которые по его утверждению есть синонимы. И далее он определяет, что «капитализм» или «рыночная экономика» есть «болезнь» общества, от которой если оно не избавится, то его ждет гибель в форме саморазрушения.

В «Философских и экономических рукописях» Карл Маркс дал определение коммунизма, которое почему-то марксистами современности игнорируется: коммунизм есть положительное упразднение частной собственности и на этой основе – действительное присвоение человеческой сущности человеком и для человека, и благодаря этому – подлинное разрешение противоречия между человеком и природой.

Теперь за положительное упразднение частной собственности «взялась» Природа, как своеобразный «Субъект» (на то, что Природа превратилась в «Субъекта», заговорившего с человечеством на «языке» экологических потрясений и шоков, указывал в 90-х годах в своих работах Н.Н.Моисеев), - «взялась» в форме предъявленного ультиматума человечеству:

- или человечество в XXI веке переходит к Ноосферному Экологическому Духовному Социализму, т.е. к научному управлению Социо-Биосферной Эволюцией, на основе научного-образовательного общества (в соответствии с разработанной автором научно-мировоззренческой системой «Ноосферизм»),
- или оно обрекается на экологическую гибель уже в XXI веке (на рыночно-капиталистическом пути развития).

Встает вопрос, который никто из ученых в мире на поставил: «Почему именно в XX-ом веке, а ни в каком другом веке в истории человечества после Неолитический революции (а это около 100-120 веков), разразился глобальной экологический кризис?».

Ответ автора состоит в следующем положении:

- В XX-ом веке произошел скачок в энергетической мощи воздействия мировой системы хозяйственного природопотребления человечеством на Природу, в целом, в 10-ть миллионов раз в среднем, – и этот «Энергетический скачок» в XX-ом веке (автор его назвал «Большим Энергетическим Взрывом» в социальной эволюции человечества) проявил несовместимость «большой энергетики», которой стало владеть человечество, и стихийных регуляторов развития – частной собственности, рынка, капитализма в целом. А кредо Хайека – основой свободы является невежество, – кредо, которое стало основой капиталистической (рыночной)стратегии развития образования (а это кредо – есть, по автору, отражение Закона устойчивости капитализма, как Закона расчеловечивания человека), – только служит в своей реализации ускорителем развития экологической катастрофы. А цифровизация образования и управления в этой рыночно-капиталистической системе экологического самоуничтожения только усиливает этот процесс.

За этой «несовместимостью» скрывается открытый автором Закон интеллектно-информационно-энергетического баланса, который формулируется так:

● чем больше по энергетической мощи воздействие со стороны хозяйства социальной системы (общества, человечества) на живое вещество и гомеостатические механизмы Биосферы и планеты Земля как суперорганизмов, тем с большим лагом упреждения должно быть обеспечено научное прогнозирование возможных негативных экологических последствий со стороны коллективного Разума этой системы (общественного интеллекта), – и соответственно, с не меньшим лагом упреждения должно быть обеспечено научное управление социоприродной эволюцией, т.е. развитием мегасистемы <Человечество – Биосфера – Земля>.

Чтобы выполнить требования этого Закона интеллектно-информационно-энергетического баланса, – в свою очередь, необходимо, чтобы все страны мира перешли к социальной организации жизни в форме ноосферного социализма и научно-образовательного общества.

Научно-образовательное общество (его концепцию автор разрабатывает более 30 лет) есть такое общество, в котором образование является «базисом» базиса воспроизводства экономики и общества, т.е. духовного и материального воспроизводства, а наука служит не только производительной силой (по прогнозу К.Маркса), но и становится базисом научного управления социоприродной эволюцией, как единственной стратегии экологического выживания человечества на Земле.

И это еще надо осознать.

«Рыночно-капиталистический разум», или, что тоже самое, – «либеральный разум», исповедующий «свободу для себя-любимого», приобрел, на фоне процессов первой фазы Глобальной Экологической Катастрофы, как выражения его несоответствия требованиям Закона интеллектно-информационно-энергетического баланса, характеристику «интеллектно-информационно-энергетической асимметрии разума» (ИИЭАР). Её хорошо отражает метафора «динозавр»: «маленькая головка», венчающая длинную шею динозавра, – это низкая прогностичность «разума», которым человек владеет, а «огромное туловище» – отражение «огромной энергии», которой стало обладать человечество, воздействуя на Природу. Поэтому, чтобы Человек на Земле смог и дальше развиваться, он должен выйти из состояния «динозавра» и перейти в состояние «Человека», т.е. Разума, отвечающего указанному Закону интеллектно-информационно-энергетического баланса.

Поэтому наступившая Эпоха Великого Эволюционного Перелома как эпоха перехода коллективного Разума к научному управлению социоприродной эволюцией есть эпоха «Родов Действительного Разума», механизмом которых и становится научно-образовательное общество. Этому автор посвятил монографии «Роды Действительного Разума» (2015) и «Научно-образовательное общество – стратегия развития России в XXI веке» (2015).

3. Тезис третий

Закон кооперации, по которому жила Россия как цивилизация, становится ведущим законом выживания человечества на Земле и всей будущей ноосферной истории.

В России сложилась, в развитие учения о переходе Биосферы в Ноосферу В.И.Вернадского, Русская Ноосферная Научная Школа, в том числе научная школа Ноосферизма, возглавляемая автором, которые не имеют аналогов в мире, – и выступают научно-методологической базой Ноосферного Прорыва человечества из России.

России для Победы в войне с Западом, т.е. с системой глобального империализма строя мировой финансовой капиталократии во главе с США (теории капиталократии и глобального империализма автор посвятил серию своих научных монография, в том числе таких как: «Капиталократия» (2000), «Мифы либерализма и судьба Росси» (2001)., «Глобальный империализм и ноосферно-социалистическая альтернатива» (2005), «Капиталократия и глобальный империализм» (2009)), – нужна идеология, обращенная ко всему миру и спасающая весь мир от экологической гибели. Такой научный идеологией, определяющей «высшие надэкономические цели», по автору, и является Ноосферизм (монография автора, изданная в 2024 году, так и называется «Ноосферизм – «идеология XXI века», рожденная в России»).

В соответствии с изложенными «первым» и «вторым» «тезисами», и исходя из императива

Победы России в «войне идеологий», которую ведет Запад против нас (а «война идеологий», включает в себя и «ценностную войну»), ноосферная идеология и переход к Ноосферному Экологическому Духовному Социализму, – «стучатся в дверь» внутренней политики.

Наступившая Эпоха Великого Эволюционного Перелома, «старт» которой дало вступление глобального экологического кризиса в первую фазу Глобальной Экологической Катастрофы, имеет еще одну «миссию», которая вытекает из разработанной автором системогенетической, одновременно – ноосферной, парадигмы универсального эволюционизма, синтезирующей в себе 3-и известные, сложившееся системы взглядов на движущие силы прогрессивной эволюции – дарвиновскую (автор – Ч.Дарвин; акцент на конкуренцию и естественный, отбор в борьбе биологических видов, селектогенез), кропоткинскую (автор – П.А.Кропоткин, акцент на сотрудничество, взаимопомощь, любовь в её широком смысле; автор этот кропоткинский акцент связал с действием закона кооперации, и назвал кропоткинскую парадигму – коогенезом) и берговскую (автор – Л.С.Берг, теория номогенеза, утверждающая, что существуют законы, направляющие биологическую эволюцию на Земле по определенному руслу). Основой ноосферной парадигмы универсального универсализма, или, как её назвал автор, – ноо-космо-номогенеза, служит положение о существовании 2-х метазаконов, определяющих направленность прогрессивной эволюции:

– метазакона сдвига от доминирования закона конкуренции и механизма естественного отбора – к доминированию закона кооперации и механизма интеллекта (как механизма опережающей обратной связи или «управления будущим»);

– и как следствие действия первого метазакона – метазакона интеллектуализации или «оразумления» прогрессивной эволюции (т.е. опережающего развития «интеллекта» эволюционирующих систем по мере роста их сложности, или кооперированности).

В соответствии с ноо-космо-номогенезом, применительно к социальной эволюции (истории) человечества, наступившая Эпоха Великого Эволюционного Перелома и есть эпоха качественного скачка или «сдвига»:

– от «конкурентной, стихийной истории», которой Природа через процессы первой фазы Глобальной Экологической Катастрофы поставила Экологические Пределы, – к «кооперационной, управляемой истории», да еще в ноосферном качестве – как управляемой социоприродной эволюции, т.е. от доминирования Закона Конкуренции и «Мира войн и насилия» – к доминированию Закона Кооперации и «Мира без войн и насилия».

Этот «качественный скачок» или «сдвиг» – и есть одновременно скачок в эволюции Биосферы, её переход в состояние Ноосферы, означающее собой, что коллективный Разум человечества превращается в «Разум Биосферы» или «Ноосферный Разум» и начинает, на базе науки, управлять её эволюцией, соблюдая законы (ограничения), отражающие действие гомеостатических механизмов Биосферы и планеты Земля, как суперорганизмов.

Поэтому Эпоха Великого Эволюционного Перелома есть Великая Ноосферная Революция, которая вполне возможно, охватит не только XXI-й век, но и XXII-й век, поскольку, по глубине преобразований основ бытия и развития человека на Земле, намного превосходит глубину и масштаб Неолитической революции, состоявшейся 10-12 тысяч лет назад, и «запустившей» социальную историю человечества, которую мы изучаем в учебниках по истории.

4. Тезис четвертый

Процессы первой фазы Глобальной Экологической Катастрофы одновременно отражают собой наступившие глобальные информационную и антропологическую катастрофы, в том числе кризисы в культуре, науке, образовании, лежащие в основе этих катастроф.

Автор акцентирует внимание, что человечество оказалось в рыночно-капитало-генной информационной катастрофе, несмотря на все успехи в цифровизации и во внедрении искусственного интеллекта.

Вместе с глобальным экологическим кризисом, и особенно – после его перехода в первую

фазу Глобальной Экологической Катастрофы, на «Арену» Истории, вместе с Законом интеллектно-информационно-энергетического баланса, вышла Большая Логика Социоприродной Эволюции, которую ни общественные науки, ни мировая наука в целом до сих пор не знают, продолжая жить в «прометеевском пространстве», исходя из оснований Внутренней Логики Социального Развития (в разных её интерпретациях - марксистско-формационной, цивилизационной, технократической, информационной и др.).

Основанием Большой Логики Социоприродной Эволюции (БЛСЭ), по автору, является энергетика обменных процессов между обществом (социальной системой) и природой (биогеоценозами). До XX-го века история человечества реализовалась, с позиции БЛСЭ, как «Малоэнергетическая Стихийная история». «Малая энергетика» воздействия человечества на Биосферу вплоть до XX-го века позволила ей, как гомеостатической живой мегасистеме, реализовать «закон квантитативно-комплексаторной функции» (по А.Л.Чижевскому). Иными словами, Биосфера компенсировала разрушительное (экологическое) воздействие человечества на нее в этой малоэнергетической стихийной истории.

Вспомним предупреждение К.Маркса в одной из глав «Капитала»: культура, которая развивается стихийно, оставляет после себя «пустыню». «Пустыня» – это и есть «образ», отражавший энтропийное воздействия хозяйства, как системы, на природу, и которая «залечивалась» Биосферой, благодаря своему производству негэнтропии (организованности), намного превышавшего по темпам производство энтропии человечеством.

А в XX-ом веке «большой энергетический скачок» подвел человечество, как «подсистемы» Биосферы, к исчерпанию потенциала её негэнтропийного производства, т.е. компенсаторных мощностей. «Пустыня», как марксовский образ, обрела содержание первой фазы Глобальной Экологической Катастрофы к концу XX-го века. Это означает, что с позиции БЛСЭ XX-й век предстал как «Высокоэнергетическая стихийная история», которая обозначила собой к концу XX-го века Конец Стихийной истории.

Эпоха Великого Эволюционного Перелома есть Эпоха конца «беременности» Биосферы «человечеством» и начавшихся «родов» в его лице «Действительного», т.е. Ноосферного, Разума – Разума, способного научно управлять социоприродной эволюцией и, таким образом, нести ответственность за Будущее всей Мегасистемы Жизни на Земле – Биосферы.

А эти «Роды Действительного Разума» означают собой, в свою очередь, ноосферное преобразование Науки и Образования, ноосферно-парадигмальную революцию в их содержании, миссии, которую они начинают выполнять в ноосферном развитии человечества.

Проведенные в Санкт-Петербурге с 2009 года по 2024 год уже 14-ть международных научных конференций «Ноосферное образование в евразийском пространстве», с изданием монографической серии, состоящей из 16-ти томов (20-ти книг с таким же названием), а также серии коллективных научных монографий по ноосферизму как новому пути развития (более 10-ти книг), – отражают собой набирающий силу Ноосферный Прорыв в России.

5. Тезис пятый

Выход на «Арену Истории» БЛСЭ (Большой Логики Социоприродной Эволюции) к концу XX-го века, таким образом, «запустил» диалектику взаимодействия Внутренней Логики Социального Развития (ВЛСР) и Большой Логики Социоприродной Эволюции (БЛСЭ), которую можно условно назвать ноосферной диалектикой (этой диалектике автор в 2023 году посвятил специальную книгу «Ноосферная диалектика»).

Подчеркну еще раз, теперь с позиции этой ноосферной диалектики: в Будущем нет места рыночно-капиталистической системе. Наступило, и это нужно осознать современным марксистам-ленинцам, ноосферное диалектическое отрицание строя мировой финансовой капиталократии. Одну из последних монографий автор так и назвал «Онтологическая правда – «ноосферное отрицание» глобального империализма и капиталократии» (2024).

Россия (автор повторяет это положение) как евразийская, самая «холодная» цивилизация на

Земле, с высокой энергостоимостью воспроизводства жизни человека и общества, и развивающаяся по Закону Кооперации, в начале XX-го века первой совершила Социалистический Прорыв человечества, преобразовалась в Союз Советских Социалистических Республик – СССР (1922 – 1991гг.), и в начале XXI века, пройдя искушение «западнизмом» (термин А.А.Зиновьева), призвана возглавить Ноосферный Прорыв человечества к новым основам своего бытия, когда его коллективный Разум (на основе Ноосферной Кооперации цивилизаций и народов на планете Земля) станет научно управлять всей Социо-Биосферной (социоприродной) эволюцией.

Для этого Разуму, а значит – Науке и Образованию, предстоит преодолеть возникший «Барьер Сложности», который отразился в растущем отставании в темпах познания происходящих процессов первой фазы Глобальной Экологической Катастрофы от темпов развития этой Катастрофы приблизительно на 25-50 лет (это состояние общественного интеллекта автор еще в начале 0-х годов назвал «Глобальной Интеллектуальной Черной Дырой»).

Эпоха Великого Эволюционного Перелома предстает одновременно и эпохой расставания в методологии научного познания «с простотой». Академик РАН Н.Н.Моисеев в конце 90-х годов даже написал книгу «Расставание с простотой».

Императив «расставания с простотой» и «преодоления Барьера Сложности» ставит проблему перехода общества к бесплатному высшему образованию, в котором бы была реализована новая, ноосферная парадигма фундаментального образования, и в котором бы была обеспечена, наряду с подготовкой узко-ориентированных специалистов, подготовка проблемно-ориентированных профессионалов, ученых, умеющих работать на «широком междисциплинарном поле», совершая «широко-захватные» научные обобщения.

О необходимости создания комплексных, системных научных комплексов, способных обеспечивать решение сложных проблем, писал еще в начале 30-х годов В.И.Вернадский. А в 1986 году, по «урокам» катастрофы на Чернобыльской АЭС, на необходимость подготовки в системе высшего образования в СССР «специалистов-проблемников», способных осуществлять руководство ликвидаций последствий от подобных катастроф, указал академик АН СССР В.А.Легасов.

Если воспользоваться «хлёстким» определением «узко направленных специалистов» как «профессиональных кретинов», сделанным Марксом в одной из своих работ, то можно ввести положение, состоящее в том, что за «Глобальной Интеллектуальной Черной Дырой» скрывается «диктатура профессионального кретинизма», как результат действия рыночных регуляторов в сфере образования и в сфере «запросов со стороны рынка» на узкую специализацию.

Возвращаясь к историческому конфликтному противостоянию социализма и капитализма, необходимо указать, что за этим противостоянием скрывается и противостояние двух «законов устойчивости развития»:

– закона устойчивости развития капитализма (системы империализма строя мировой финансовой капиталократии) – Закона расчеловечивания человека (роста его отчуждения от своей сущности, от создаваемой им продуктов труда, от природы; а цифровизация функционирования мира господства Капитала только усиливает этот процесс),

– и закон устойчивости социализма, как общества высокой субъектности, – Закона опережающего развития качества человека, качества общественного интеллекта (коллективного разума общества) и качества образования в обществе.

Одной из гносеологических причин разрушения СССР под лозунгами рыночных реформ и «перестройки» по М.С.Горбачеву было отставание в познании особенностей социализма именно как общества, в котором осуществляется управление своим развитием, а именно – как «общества высокой субъектности». В таком обществе управление его историей осуществляется эффективно тогда и только тогда, когда выполняются требования главного закона устойчивости такого общества и такого управления – Закона опережающего развития качества человека, качества общественного интеллекта и качества образования в обществе.

Данный закон устойчивости социализма был впервые открыт автором в СССР, в 1990 году, и представлен в виде целой концепции в монографии, изданной в Москве в этом же году, под названием, «Опережающее развитие человека, качества общественных педагогических систем и качества общественного интеллекта – социалистический императив».

Это был ответ автора на «хвостистскую логику» ведения реформ в СССР М.С.Горбачевым под лозунгом «перестройки», ярким символом которой стало его изречение «процесс пошел». Вот и «пошел» до того рубежа, когда вместо горбачевского «обновленного социализма» получили демонтаж СССР Ельциным, Шушкевичем, Кравчуком, и рыночной геноцид России (по оценкам Г.А.Зюганова в одном из выступлений в Государственной Думе русский народ за прошедшие 30 лет в своей численности сократился на 30 млн. человек).

За этим законом, открытым автором, скрывается «ядро» проблем развития социализма – социалистическая человеческая революция. Эта революция означает собой длительный процесс (через образование и культуру, на основе ведущей роли науки) возвышения качества человека, его вооруженности знаниями, мировоззрением, ценностями, до уровня, когда он становится «субъектом истории», да не просто истории, а именно – «управляемой истории».

Если капитализм олицетворяет собой стихийную историю (еще в конце 80-х годов Збигнев Бжезинский, агрессивный адепт капитализма и гегемонии США в мире, обратился в одной из своих статей к советским коммунистам, обвиняя их в главном «грехе» – пытаться управлять историей, восклицая: «не вмешивайтесь в спонтанный ход истории»), то социализм – управляемую историю на основе планирования социально-экономического развития.

Но теперь в этот «великий исторический спор», охвативший XX-й век, вмешалась Природа, встав на сторону Социализма, «подписав» свой «приговор» в форме процессов первой фазы Глобальной Экологической Катастрофы, еще раз повторю это положение, Рынку, Частной собственности, строю капиталократии («Строю Денег» или «Цивилизации рынка» по Жаку Аттали), глобальному империализму США, и в целом – Западу, превратив всю эту систему, которую идеологи США назвали «Альянсом демократий», в систему экологического самоуничтожения человечества.

В этом контексте СССР «не погиб», а переместился в «Будущее» и оттуда светит нам своими «прожекторами», указывая путь для всего человечества – путь, связанный с выходом из Экологического Тупика Стихийной Истории.

Но теперь, чтобы выйти на путь, олицетворяющий собой стратегию экологического выживания, человеческая революция, которая осталась в СССР незавершенной, становится в XXI веке императивом выживания человечества, и России в его составе.

И выполнить эту человеческую революцию – и есть призвание научно-образовательного общества, главным законом которого и является Закон опережающего развития качества человека, качества общественного интеллекта и качества образования в обществе, и соответственно преодоление «диктатуры профессионального кретинизма» и «роды действительного, ноосферного разума».

Запад, т.е. глобальный империализм мировой финансовой капиталократии во главе с США, ведет войну против России уже более 100 лет, начиная со стратегии установления господства Капитала США над миром, «озвученный» адмиралом Мэхеном еще в конце XIX века, в которой Россия уже тогда была объявлена главным препятствием на пути становления этого господства, и поэтому «главным врагом», для удушения которой был разработан «план Анаконды» – план «удушения» России (чтобы она сама распалась), через блокирование, в том числе вооруженными силами США, её связей с внешним миром.

После расчленения СССР, которое Запад праздновал как свою «победу», он ставил задачу дальнейшего расчленения Российской Федерации, в частности с использованием Украины, как одного из «инструментов давления», через растущую русофобию, на Россию. Об этом открыто писал З.Бжезинский в своей работе «Великая шахматная доска», изданной в России в 2002 году. Он прямо увязывал тогда, более 20 лет назад, что расчленение России – главный этап в установлении

«американского главенства на Евразийском континенте» (с. 73).

За стратегией империализма США, а вернее – мирового финансового капитала, к установлению своего мирового господства, «прячется» зловещая модель «20% : 80%», «озвученная» в США, в Сан-Франциско, в 1995 году, почти 30 лет назад, по которой 80% населения Земли объявлены «лишними», в том числе к «лишним», судя по «русофобскому манифесту» Аллена Даллеса им продекларированному еще в начале 1945 года, относится и русский народ, как «скреп» и исторический созидатель российской цивилизации. Автор повторяет еще раз важный свой тезис: в войне, которую ведет Запад против России, важное место принадлежит войне идеологий.

Неприкрытой ничем идеологии мировой финансовой капиталократии в США, нацеленной на установление своего мирового господства, под «прикрытием» лозунгов установления «демократии» и «свободы человеческого индивида» в странах мира, Россия должна противопоставить совершенно новую научную идеологию – идеологию выхода человечества из состояния своего движения к экологической гибели уже в XXI веке на рыночно-капиталистическом пути развития.

Такой идеологией является по автору идеология ноосферного, и социалистического одновременно, развития, при ведущей роли Закона Кооперации и механизмов научного управления социоприродной эволюцией. Россия, как первая страна, подарившая миру опыт Социалистического Прорыва в XX-ом веке, опыт истории СССР, Великую Победу СССР над фашистской Германией 9 мая 1945 года – Победу, спасшую весь мир от диктатуры гитлеровского фашизма, 80-летие котором мы будем отмечать 9 мая 2025 года, призвана стать Лидером Ноосферного Прорыва человечества в XXI веке.

Для этого необходимо опережающее развитие всей системы непрерывного образования в России и всей системы науки, развития научного, в том числе научно-кадрового, потенциала в стране – сделать высшим приоритетом во внутренней политике государства, в системе государственного управления.

Научно-образовательное общество, с соблюдением Закона опережающего развития качества человека, качества общественного интеллекта и качества образования и воспитания в обществе, и обеспечивающее научное управление социоприродной эволюцией, – должно войти, как цель, в стратегию научной и образовательной политики России, и как базис решения всех проблем в области развития сфер образования и науки.

Пять изложенных тезисов не исчерпывают всей сложности той проблемы, которая сформулирована темой выступления автора, и темой Круглого Стола.

Поэтому к этим тезисам прилагается в качестве приложения монография автора «Становление научно-образовательного общества в России – цель новой образовательной политики» (2022 год).

Автор надеется, что эта небольшая по объему научная монография автора позволит осознать концептуальную логику изложенных 5-ти тезисов.